

Durnovo, Nikolaj Nikolajevič

Нынешние русские наречия и говоры

In: Durnovo, Nikolaj Nikolajevič. *Введение в историю русского языка. Часть I, Источники*. Brno: Filosofická fakulta s podporou Ministerstva školství a národní osvěty, 1927, pp. [98]-199

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/118678>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Глава II.

НЫНЕШНИЕ РУССКИЕ НАРЕЧИЯ И ГОВОРЫ.

§ 43. Русские языки, т. е. языки великорусский, белорусский и малорусский или украинский, кроме общего имени, сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что они некогда, уже по распадении о.-сл. языка, составляли один язык, хотя некоторые крупные различия между ними возникли еще в о.-сл. эпоху. Каждый из них в свою очередь распадается на наречия, различия между которыми лишь частью развились после образования этих языков, частью же коренятся в различиях между говорами о.-р. и даже о.-сл. эпохи. Именно, в.-р. язык издавна распадается на наречия с.-в.-р. и ю.-в.-р., б.-р. на наречия с.-б.-р. (или сев.-вост.-б.-р.) и ю.-б.-р. (или ю.-зап.-б.-р.): и то и другое деление несомненно восходят к диалектическим группировкам о.-р. эпохи, т. е. различия между с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорами также, как различия между с.-б.-р. и ю.-б.-р. частью старше образования в.-р. и б.-р. языков. М.-р. язык в своём составе также обнаруживает следы своей первоначальной неоднородности. Сравнивая архаичные с.-м.-р. говоры с архаичными карп.-р., мы найдём между ними различия, восходящие к эпохе до образования м.-р. языка, как целого. Остальные м.-р. говоры утратили ряд архаичных черт, сохранившихся в с.-м.-р. и карп.-р., и потому первоначальная основа в них не так ясна; тем не менее, и в них можно выделить группу, первоначально составлявшую одно целое с говорами с.-м.-р., и группу, по происхождению более родственную с говорами карп.-р., т. е. можно думать, что и м.-р. язык восходит к двум диалектическим группам доисторической эпохи. С течением времени ббльшая часть говоров обеих групи подверглась ряду общих изменений, не затронувших крайние говоры сев. группы,

т. наз. с.-м.-р., и говоры карпатские; последние в силу политических условий, так как носители их были единственной частью м.-р. народа, не вошедшей в состав Польско-Литовско-Русского государства, образовали особую карпато-русскую диалектическую группу.

§ 44. Между наречиями в пределах каждого из 3 русских языков, т. е. между наречиями с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., с.-м.-р. и ю.-м.-р., ю.-м.-р. и карп.-р. в настоящее время резких границ нет, а есть переходные говоры, образующие постепенный переход от одного наречия к другому. Изучая их, можно заметить, что обычно в таких говорах черты одного наречия — основные, первоначальные, а черты другого — вторичные, проникшие в них позднее, под влиянием этого другого наречия, т. е., что эти говоры возникли вследствие объединения наречий, граница между которыми до этого объединения была более резкой. К переходным по происхождению принадлежит и Московский говор, в основе с.-в.-р., испытавший ю.-в.-р. влияние и усвоивший под этим влиянием аканье и другие ю.-в.-р. черты; но благодаря своему господствующему положению, как говор всероссийского политического и культурного центра, он утратил характер переходного говора, т. е. находящегося в стадии перехода от одного наречия к другому, и получил значение *κοινή*, притом не только в области в.-р. языка, но и в области б.-р. и м.-р. языков. Переходные говоры между с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиями по своей основе — с.-в.-р., а черты, сближающие их с ю.-в.-р. — вторичные. В переходных говорах между с.-м.-р. и ю.-м.-р. и между карп.-р. и ю.-м.-р. основа с.-м.-р. в первом случае и карп.-р. во втором, а ю.-м.-р. черты — вторичные.

Переходные говоры позднейшего происхождения существуют и между отдельными русскими языками. Между ю.-в.-р. наречием в.-р. языка и с.-б.-р. наречием б.-р. языка находится широкая полоса переходных говоров, с.-б.-р. в основе, с ю.-в.-р. наслоением, а между ю.-б.-р. и с.-м.-р. — полоса говоров переходных с с.-м.-р. основой. Переходными по происхождению являются и говоры между с.-в.-р. и с.-б.-р. наречиями. Более резкая граница — между ю.-в.-р. и ю.-м.-р.: на протяжении большей части этой границы переходные говоры не засвидетельствованы; засвидетель-

ствованы они, именно, говоры ю.-м.-р. по своей основе с ю.-в.-р. или московским наслоением, главным образом, в больших городах.

Названные переходные говоры, очевидно, возникли вследствие объединения диалектических единиц, до того времени разобщённых между собою. Поэтому можно думать, что старые диалектические границы между с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., ю.-в.-р. и с.-б.-р. и т. д. соответствуют каким-нибудь старым политическим или племенным границам.

§ 45. Отдельные наречия разных русских языков имеют некоторые черты, общие им не с другими наречиями того же русского языка, а с наречиями других русских языков. Частью эти совпадения очень старые, указывающие на то, что нынешней группировке русских языков и наречий предшествовали другие. Так, аканье в ю.-в.-р. сближает его с б.-р. языком, отличая от с.-в.-р.; точно также ффрикативное произношение согласной из о.-сл. *g в том же наречии отличает его от с.-в.-р., сближая с б.-р. и м.-р. Ю.-б.-р. наречие имеет ряд совпадений с м.-р., отсутствующих в с.-б.-р. говорах, тогда как с.-б.-р. наречие имеет некоторые совпадения с в.-р., отсутствующие в ю.-б.-р. Наконец, с.-м.-р. говоры сближаются с ю.-в.-р. и б.-р. некоторыми особенностями в произношении безударных гласных, свидетельствующими о том, что эти говоры пережили вместе с ю.-в.-р. и б.-р. отдельно от ю.-м.-р. и с.-в.-р. эпоху сокращения или редукции безударных гласных.

§ 46. Чертами, объединяющими все русские языки, являются, между прочим, следующие:

а) фонетические¹⁾:

1. полногласие, т. е. сочетания ого, еге, ою²⁾ из о.-сл. *ог, *ег, *ол, *ел между согласными: мороз, берег, жолоб;

¹⁾ В виду того, что существуют ученые (Смаль-Стоцкий, Бузук и др.), строящие на основании арифметического подсчёта отдельных черт в родственных языках заключения о степени родства между ними, считаю нужным предостеречь читателей от подобных ненаучных заключений; в моей работе факты р. языков и наречий разбиты на отдельные черты и перенумерованы исключительно для удобства изложения; вообще же явления языка тесно связаны между собою, и всякое распределение их по отдельным чертам непременно является искусственным: к разным чертам могут быть отнесены явления, представляющие резуль-

2. начальные го, ъо из о.-сл. *og, *ol не под ударением с интонацией акута: рост, лóдка, с.-в.-р. лонісь и пр.;

3. og, eg, ol между согласными из о.-сл. *ьг, *ьг, *ьл, *ьл (или г, л): корм, верх, полный, жолтый и пр.;

4. о из о.-сл. ъ сильного: сон, песок и пр.;

5. совпадение ь сильного по своей судьбе с е старым всюду, где е не подверглось диалектическому удлинению (ср. ниже 10);

6. u из о.-сл. o: гусь, рука, иду и пр.;

7. а после мягких и шипящих из о.-сл. o: мята, жал;

8. а после мягких перед носовыми согласными в соответствии со ст.-сл. ѣ в таких случаях, как румяный, помянет, грянул гром, голямо, прямо и др.;

9. начальное о из о.-сл. е при известных условиях (озеро и т. п.) и из начального е других языков в словах, заимствованных до XII века (Олена, Ольга и т. п.);

10. о из о.-сл. е и ь после шипящих и в некоторых других случаях перед твёрдыми; после нешипящих o из старого е перед твёрдыми — только в в.-р. и б.-р., тогда как в м.-р. е; но в с.-м.-р. и карп.-р. рефлексy старого е перед твёрдыми в новых закрытых слогах совпадают с рефлексами о.-сл. o в том же положении, отличаясь от рефлексов старого е перед мягкими: l'ud-l'ud, t'otka-t'otka-t'otka и т. п.; в остальных м.-р. говорах из e перед твёрдыми в новых закрытых слогах получилось i так же, как и из старого o и из старого e перед мягкими;

11. ž из о.-сл. *dj: межа, сажа и пр. (в м.-р. и б.-р. также в известных случаях dž: саджа, вижу);

12. совпадение согласной из о.-сл. *tj и из *kt перед палатальными гласными с о.-сл. ě (в бóльшей части с.-в.-р. в звуке с или с^ĉ, в остальных — в звуке ě: свеча, ночь и пр.).

тат одного процесса, и в одной черте могут быть соединены явления, органически неоднородные. Поэтому на основании одного подсчёта черт никаких заключений делать нельзя.

2) Здесь и ниже для экономии изложения не приняты во внимание поздние фонетические изменения гласных и отчасти согласных; так, обознач. „ого“ соответствует не только произношению ого, но и эга, еге, агó, егó, óге, смотря по говорам и месту ударения, обознач. „еге“ произношению егó, игó, егé, 'агé, 'аго, éгi, éгe и т. п.

13. l' epentheticum из о.-сл. j после губных не только в начале слова: люблю, травля, земля, капля и пр.;

14. l из о.-сл. *dl, *tl: ель, сало, мёл и пр.; лишь немногие с.-в.-р. говоры на западе имеют следы сохранения этих групп или изменения их в группы gl, kl (см. ниже § 61);

14 a. m из о.-сл. *bdm: в.-р. семь, семьей (литерат. „седьмой“ — из цсл.), семёрка и пр., укр. сім, семий, семеро и пр., б.-р. сем, сямый и пр.

15. cv, zv перед ě из *kw, *gw: цвет, звезда;

16. ž (не d̄z) в результате 2 и 3 палатализации g: князь, в.-р. друзья, м.-р. на дорозі и пр.;

17. ś (не š) в результате 2 и 3 палатализации x: весь, седой; но *zk дало в с.-в.-р. šč (см. ниже § 61);

18. мягкие согласные перед гласными из о.-сл. ě, е, по крайней мере, под ударением (без ударения согласные перед этими гласными твёрды в с.-м.-р.): сено (укр. сіно), зять и пр.; перед старым і согласные мягки в в.-р. и б.-р., перед гласными из старого е — в в.-р. (кроме немногих говорів) и б.-р., а в м.-р. там, где е удлинилось или изменилось в о, и перед гласными из старого ь — в в.-р. и б.-р., а в м.-р. — там, где ь изменилось в о: (подробнее см. в дальнейших §§);

19. утрата старых долгот и интонаций; —

b) морфологические:

20. окончания instr. sg. суц. муж. и средн. рода с гласными, восходящими к о.-сл. ъ, ь: укр. селѡм, конѣм (не -ім!), ю.-в.-р. задон. селом (не сялѹѡм!) и пр.;

21. гласные, восходящие к старому ě, в окончаниях gen. sg. f., ном.-асс. pl. f. и асс. pl. m., поскольку формы с этими окончаниями сохранились, у имён и местоимений с основами на мягкие неслоговые звуки (м.-р. землі, коні, еї, доброї, в.-р. ее, мое, одное, добрые и пр.);

22. окончания падежных форм единственного числа прилагательных: a) gen. sg. m. -оуо (с.-в.-р. -ово получилось из оуо фонетически; с.-в.-р. -ова позднейшее нефонетическое новообразование); b) dat. sg. m. -ошц; c) loc. sg. m., поскольку эта форма сохранилась, -ош (с фонетическим изменением о в новом

закрытом слоге в м.-р. в ^ао, и, ѱ, і); d) dat.-loc. sg. f. -оі (с соответствующими фонетическим изменениями в м.-р.);

22 а). употребление gen. pl. от имён лиц в значении асс. pl.;

22 б). замена старой формы пош. pl. м. сущ., прилаг. и местоим. старой формой асс. pl. не только у имён неодушевленных предметов и животных и согласованных с ними прилаг., но, по большей части, и от имён лиц и согласованных с ними прилаг.; в последнем случае (у имён лиц, а в в.-р. вообще одушевлённых предметов) старая форма асс. pl. получила значение исключительно пош. pl.: в.-р. на́глые во́ры, укр. дякі, коні и пр.;

22 в). утрата родовых различий прилагательными и местоимениями в pl.

22 г). распространение dat., instr. и loc. pl. на -ам, -амі, -асъ на м., п. и, частью, f. т. наз. основ на -і;

23. отсутствие форм 1 sg. глаголов с окончанием -ш, кроме нетематических глаголов быть, есть, дать и вѣдѣть; м.-р. вѣм, їм, дам, в.-р. ѣм, дам, диал. зап.-м.-р. ем, в праѣт. типа дав'ем;

24. окончание t' (в б.-р., в силу дзеканья, — с) и t в 3 лице обоих чисел глаголов;

25. утрата аориста и имперфекта;

26. образование fut. с помощью сочетания инфинитива спрягаемого глагола с глаголом буду или, реже, и му¹⁾ или и маю.

Кроме названных черт, повидимому, общими всем русским языкам являлись и некоторые черты, в настоящее время утраченные частью русских говоров. Таковы:

27. мягкость з в суфф. *sk*, сохранившаяся в значительной части с.-в.-р. говоров, в части ю.-в.-р. и в м.-р.;

28. dat. sg. местоимений личных *to bѣ, sobѣ*: в настоящее время эти формы повсеместны в м.-р. и б.-р. и обычны в значительной части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров; формы *te bѣ, se bѣ* имеются в русском литературном языке и в части с.-в.-р. и ю.-в.-р. го-

¹⁾ Образования с *и му* сохранились только в большей части м.-р., в ю.-б.-р. и в некоторых с.-в.-р. говорах. Но еще в XV в. в в.-р. они были общеупотребительны.

воров; в последних главным образом там, где имеются черты, заимствованные из московского говора; возможно, что формы *tebě, sebě* в литературном цсл. происхождения, а в говорах заимствованы из литературного языка, или же это сравнительно поздние новообразования.

Помимо фонетических и морфологических черт, общих всем русским языкам, они содержат также ряд общих им слов¹⁾, неизвестных в том же значении другим славянским языкам или характерных только для какой-нибудь одной группы славянских языков. Приведу лишь немного примеров:

1. слова, неизвестные другим славянским языкам: числительные сорок и девяносто и слова: белка в знач. „vegeta“, будни, глаз (в м.-р. и б.-р. редко и обычно только во вторичных значениях), ковщ, колокол, корогод, дешевый, селезень, семья, скатерть, собака „canis“²⁾ хороший, шолк и др., а также слова, отличающиеся от соответствующих слов других славянских языков суффиксами или представляющие небольшие отличия нефонетического происхождения: багровый (в ю.-сл. языках — с суфф. -ед, в зап.-сл. образования с этим корнем не известны), кровать с о в 1-м слого (в ю.-сл. — е; в зап.-сл. этого слова нет), сорочка (сербохорв. сракица, словин. sraķica, sraǰica, в других слав. языках нет), утка и др.;

2. слова, известные в том же значении только какому-нибудь одному или двум славянским языкам: беречь (сербохорв.)³⁾, гуторить или гутарить (словац.)⁴⁾, ждать „дождаться“ (каш.; в словин. *ždēti* другой суфф.), зеркало с k (словац. и диалекты словин.; в других слав. языках — с c), колодясь

1) Некоторые из таких слов в том или другом русском языке или наречии встречаются лишь диалектически, но известны говорам всех русских языков и обоих наречий в.-р. языка.

2) Кашуб. *vobaka*, как бранное слово, надо считать заимствованием с русского (через посредство гданских купцов, торговавших с Новгородом или позднее, от русских солдат в XVIII в.?). На заимствование может указывать и известность слова только в бранном значении. Иначе Фасмер, RSL. VI.

3) Только в старых памятниках до XVII в.

4) Только в вост.-словац. (с м.-р.?).

(словин.; в других ю.-сл. языках — с той же основой, но новым суфф. — сербохорв. кладенац, болг. кладенецъ), лебедь (болг. и словин.)¹⁾, лошадь (диалект. поль.)²⁾, свинец (словин.)³⁾, сябёр (сербохорв.) и др.;

3. слова, известные зап.-слав. языкам, но неизвестные ю.-сл.: баран, бор в знач. „сосновый лес“, брюхо, доить в знач. только „брать молоко у коровы или козы“⁴⁾, дуже или дюже, кресло, пирог, птах (пташка)⁵⁾, правый в знач. „dexter“, пыль, ремесло, хворать⁶⁾, чужой с начальной (согласной из о.-сл. *tj и мн. др.

4. слова, известные зап.-сл. языкам и словинскому, но неизвестные сербохорв. и болг.: бортъ, верев, весна, гриб, дёготь, попел⁷⁾, сосна, хвост, приставка yу- и др.;

5. слова, известные ю.-сл. языкам, но неизвестные зап.-сл.: коровай, пир, птица, смотреть, соты, четыре с е после ѓ, ср. также год в значении „annus“⁸⁾ (в ю.-сл. в этом значении обычно година, слово, имеющее в зап.-сл. другое значение — „hoga“, но встречается и год), основы bagr-, kōlod-, vegev- в словах багровый, колодязь, верёвка, и др.

§ 47. Большая часть фонетических и морфологических особенностей, общих всем русским языкам, доисторического происхождения. Древнейшими памятниками (с XI в.) засвидетельствованы черты 1, 2, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 14 а, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 24, 28; к доисторической эпохе относится и изменение њ в ѣ между согласными (засвидетельствованное также памятниками XI в.), откуда позднее о ѣ (3); есть указания в памятниках

1) В обоих, впрочем, более обычно с а в первом слоге: словин. labéd, болг. лабедъ.

2) поль. łozę, łozętko „жеребёнок“, łozva „кобыла“.

3) svīnes „свинец“, beli svīnes „олово“; слово olovo, как и в других слав. языках, — только „свинец, plumbus“.

4) В болг., словин. и словац. этот глагол употребляется не только в значении „доить“, но и в значении „кормить грудью“; в сербохорв. — только в последнем.

5) Зап.-сл. ptak, m.; с х только в р.

6) В зап.-сл. обычно без ч после х.

7) Русское литературное пепел — из цел.

8) В этом значении известно в южной части карп.-р. говоров.

XI в. и на мягкость согласных перед *е* (18); черты 22 и 26 также, надо думать, известны были русским языкам еще до начала письменности, хотя и не засвидетельствованы памятниками XI и XII в. Если не все эти черты, то, по крайней мере, часть их возникла еще в о.-сл. эпоху, т. е. можно думать, что в о.-сл. языке еще до его распада уже существовала особая русская диалектическая группа, отличавшаяся от других диалектических групп в том же языке.

Черты 3, 4, 5, 10, 19 и 25 развились в русских языках уже в историческую эпоху, вне связи с другими славянскими языками, но, может быть, в связи с тенденциями, возникшими в них еще в о.-сл. эпоху, и свидетельствуют о ближайшей связи русских языков между собою и после утраты связи с другими слав. языками, по крайней мере, до середины XII в.

§ 48. Черты 1, 3, 9, 11 не повторяются в других слав. языках; остальные общи русским языкам с той или другой группой слав. языков или с тем или другим отдельным слав. языком. Значительная часть таких совпадений восходит к менявшимся не раз диалектическим группировкам о.-сл. языка. Таковы совпадения русских языков с зап.-сл. по чертам 20, 21, и отчасти 26, с зап.-сл., кроме части словацкого, по чертам 2, 28, с ю.-сл. по чертам 14, 15 и отчасти 17, со всеми кроме польского и болгарского по черте 16, с сербохорватским, чешским, словацким и обоими лужицкими по черте 6 (вместе с русскими эти языки могли пережить изменение носового *о* в носовое *у*; утратить носовой элемент они могли и независимо друг от друга), с верхнелужицким, отчасти чешским и словацким и, пожалуй, с чакавскими говорами сербохорватского по черте 7 (в чак., *е* изменилось в *а* только после старых мягких), может быть, также с сербохорватским по черте 22 и с болгарским по черте 24, Совпадение с сербохорватским и словинским языками по черте 13, повидимому, представляет сохранение старины, утраченной болгарским и зап.-сл. языками. Случайными являются совпадение с польским, лужицкими и болгарским по черте 19, с верхнелужицким и некоторыми болгарскими и словацкими говорами по черте 4, с болгарским, лужицкими, чешским и словацким по

черте 5, с польским по черте 8, со словинским и некоторыми чакавскими говорами по черте 12 и с кашубским по черте 23.

Великорусский язык.

§ 49. В.-р. язык характеризуется между прочим следующими чертами, общими и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиям:

а) фонетическими:

1. отсутствием различия между гласными из о.-сл. о, е в новых закрытых слогах и теми же гласными в остальных положениях: олово, овцы, год, года и пр.;

2. чертой, свойственной, правда, только части, говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречия, но, по некоторым данным, некогда общей всему в.-р. языку и лишь с течением времени утраченной значительной частью его говоров, — именно, изменением о.-сл. о под ударением с интонацией акута в °о: задон. ня ст^уо̑й, сял^уо̑ и т. п. (Ср. ниже, п. 7);

3. произношением i в начале слова из о.-сл. iь в слабом положении: игра, иметь, иголка и т. п. (впрочем, в ю.-в.-р. говорах сохранились кое где следы иной судьбы начального iь);

4. произношением о (с его фонетическими изменениями без ударения) после мягких из е и ь сильного перед твёрдыми (в том числе и перед твёрдыми шипящими): нёс, лён, лёжа и пр.; впрочем, есть говоры и с.-в.-р. и ю.-в.-р., в которых е и ь перед твёрдыми не изменились в о, а дали е;

5. произношением оi из старого уi и произношением еi из старого иi в закрытых слогах и при каких то условиях в открытых: умоiся, злоi, кроi, бейi, сам-третей и пр.; в говорах известно и еi после твердых из уi, но такие говоры частью имеют такое еi в ограниченной категории слушаев, где оно может быть и морфологического происхождения, частью, может быть, являются переходными на б.-р. основе;

6. произношением го, ге, го, ло, ле, ло между согласными с их дальнейшими изменениями в зависимости от ударения из старых гъ, гь, љъ, љь не только в новых закрытых слогах, но и в открытых: брови, дрова, греметь, глотать, слёзы, слеза, и т. п.;

7. произношением *ч* перед старым начальным *о* под ударением с интонацией акута: восемь, вотчина и пр. (такого же происхождения, вероятно, и *ч* перед *о* в середине слова в таких случаях, как *к̄оровод*, *повост* и окончание *ген. sg.* местоимений *-ово*: во всех этих случаях *о* имело первоначально ударение с интонацией акута);

8. сохранением нёбной согласной из *о.-сл. g* (с.-в.-р. *g*, ю.-в.-р. *γ*);

9. отсутствием придыхания перед начальными гласными;

10. мягкостью всех согласных, кроме *š*, *ž* и, в значительной части говоров (между прочим и в литературном языке), с перед всеми гласными, получившимися из *о.-сл. палатальных гласных*; диалектически встречается впрочем и в с.-в.-р. и в ю.-в.-р. твёрдое произношение *s*, реже — других согласных перед *e* (из *о.-сл. e, ь*); с этими случаями не надо смешивать твёрдость согласных перед *e* другого происхождения, распространённую во многих говорах¹⁾;

11. сохранением старого *г* мягкого (диалектически *ǰ* — от вердело только в сочетании *ǰi* после *sk*: *скрыпка* и пр., реже после *st, k, g, γ*: *стрыгу*, *крыло*, *грыб* и совершенно единичны случаи изменения *ǰi > ɣu* не после согласных);

12. твёрдостью простых шипящих *š*, *ž*, при сохранении *č* мягкого всюду, где оно не изменилось в *с* (*č* твёрдое в части с.-в.-р. говоров — вторичное, из *с*); старые *šč*, *ždž* в значительной части говоров изменились в *š*, *ž* долгие твёрдые, но диалектически сохраняются и мягкие *šč*, *ždž* и мягкие *š*, *ž* долгие;

13. глухостью всех несонорных согласных в конце слова не перед звонкими шумными и в середине слова перед глухими;

14. сохранением сочетаний согласных *с j* или *ј* из старых сочетаний согласных *с ъj* и *ij* с *ь* или *i* слабыми: *платье*, *свинья* и пр.; впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах эти сочетания изменились в долгие мягкие согласные, вне связи с подобным же изменением в б.-р. и вост.-м.-р.

¹⁾ Именно: в некоторых падежных окончаниях: *тэ ѡ, однэ ѡ, худэ и* (пом. pl.) и т. п., *ген. pl. косэ ѡ* и др., в местоимённых наречиях: *оттэ да, откэ да* и др., в слове *челэк*.

б) морфологическими:

15. утратой старой звательной формы; сохранившиеся кое-где старые звательные формы на -о, по большей части, совпали по значению с формами пош. sg;

16. распространением новых звательных форм без окончания от имён на -а; дядь, старух, мышк, Вань и пр.;

17. отсутствием dat. sg. на -ovi, -evi;

18. заменой форм на -сё, -зё, -сё от основ на задне-нёбные формами на kě, ġě (řě), xě: рукé, ногé, сохé;

19. распространением форм пош. pl. на -á от существительных мужского и, отчасти, женского рода: домá, край и пр.;

20. отсутствием пош. pl. на -ě в склонении существительных: ключй, квашнй, зёмли;

21. употреблением старой формы gen. pl. в значении асс. pl. не только имён лиц, но и имён животных: пасти коров;

22. употреблением формы пош.-асс. числительных два, оба при существительных не только мужского, но и среднего рода, а двѣ, обѣ — только при существительных женского рода;

23. употреблением формы gen. sg. существительных при пош. числительных два (две), оба (обе), три, четыре: два дома, две сестры, два окна и пр.;

24. исключительным употреблением в 1 pl. окончания -ш (без гласной после ш): идем, спим и пр. (см. п. 25);

25. употреблением в значении ind. pl. от глаголов дать и есть форм дадим, дадите и едим, едите;

26. употреблением 1 pl. fut. вм. утраченной старой формы 1 pl. imp.: пойдём, будем(те) ждать и пр.;

27. окончанием -ите во 2 pl. imp. от всех глаголов, имеющих во 2 sg. imp. окончание -i и отсутствием 2 pl. imp. на -ěte: идѣте, спѣте и пр.;

27 а). отсутствием личных суффиксов в праet. и у частицы бы;

28. заменой старых свистящих нёбными у глаголов с основой на задне-нёбные в imp.: пеки, -ите, беги, -ите, ляг, -те и пр.;

29. стабилизацией возвратной частицы -ся непосредственно после глагола и слиянием её с глаголом в одно слово;

с) словарными:

в.-р. язык имеет много слов, общих и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречию и отсутствующих в м.-р. и б.-р. или одном из них; таковы, напр., слова: башня, бросать, вор в значении „fugo“, воровать, врать в значении „лгать“, второй, забота, лягушка, очень, роцца, русло, ужин, чаща и мн. др. Значительная часть подобных слов не известна и другим славянским языкам.¹⁾

§ 50. Все фонетические и морфологические различия между в.-р. в целом и другими русскими языками, кроме 3 и, может быть, 9, возникли в историческую эпоху и вызваны изменениями, произошедшими в течение этой эпохи либо в в.-р. (напр., 2, 5, 6, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29), либо в м.-р. и б.-р. (напр., 1, 8, 9, 11, 14, 24), либо в каждом из них в отдельности (напр., 4, 10). Ни одно из этих изменений не датируется памятниками раньше середины XII в. Самое старое из них, хотя и не засвидетельствованное памятниками старше XVI в., это — черта 2; но и оно вряд ли старше XII в. Черта 3, первоначально, повидимому, была свойственна только тем говорам, которые потом образовали с.-в.-р. наречие, а на ю.-в.-р. говоры распространилась лишь позднее.

Черты 4, 10 и 13 общи в.-р. языку с б.-р., а 1, 9, 17, 20, 22, 24, 25, 27 — с сев.-б.-р. говорами и, вероятно, возникли еще до образования б.-р. и в.-р. языков; черта 11 свойственна и значительной части м.-р.; в данном случае в в.-р. и части м.-р. имеется лишь сохранение старины, утраченной в б.-р. и другой части м.-р.

Чертами 4, 10 и 13, т. е. как раз теми, какие общи ему с б.-р., в.-р. язык сближается до известной степени с польским языком. Других совпадений в чертах, отличающих его от б.-р. и м.-р., с другими слав. языками в.-р. в целом не обнаруживает,

¹⁾ Слово „второй“ сохранилось только в болг. (втори, ср. глаг. вторя), поль. (wtóry) и в.-луж. (wutory), но та же основа сохранилась во всех слав. языках в названии дня „вторник“; слово ужина f- (ср. то же слово в Домострое) имеется во всех ю.-сл. языках (словин. južina) со значением „полдник, еда между обедом и ужиком“; в зап.-сл. не известно.

кроме случайных или представляющих только отсутствие изменений, развившихся в м.-р. и б.-р. Что касается начального *i* из о.-сл. *ǐ*, то эта черта, как уже указано, первоначально отсутствовала в ю.-в.-р. Черты 17, 18, 22 и 27, конечно, явились в в.-р. независимо от аналогичных явлений в первом случае в ю.-сл. языках, во втором — в словацком, словинском и чакавских говорах сербохорв.¹⁾ в третьем — в сербохорв. и словинском, и в четвертом — в сербохорв., словинском, словацком и старопольском.

Северновеликорусское наречие.

А. Общие северновеликорусские черты.

§ 51. С.-в.-р. наречие в его непереходных говорах характеризуется следующими общими чертами:

а) фонетическими:

1. оканьем, т. е. сохранением различия между безударными *о* и *а*, по крайней мере, после твёрдых; после мягких это различие в общем также сохраняется, но в известной степени стёрлось во многих говорах вследствие диалектического изменения *а* после мягких в *е* с одной стороны и диалектической замены *о* безударного после мягких через *е* с другой стороны;

2. нередким выпадением *i* между гласными и вызываемым этим стяжением гласных, однако часто рядом с сохранением *i* между гласными у тех же лиц и в тех же словах: бывает, жалѣет, моёт, торгуёт, бывает, жалѣэт, моэт, торгуэт, бывает, жалѣт, мот; Миколáв, Ондрэв (заметим, что *ое* стягивается в *о*, а не *е*);

3. *g* взрывным из о.-сл. *g*; только в части говоров Олонецкой губ. такое *g* между гласными изменилось в *γ*; звук *γ* в *gen. sg.* местоимений и прилагательных в некоторых с.-в.-р. говорах другого происхождения;

¹⁾ Любопытно, что как раз в словацком и части говоров словинского *k* в соответствии с *с* других слав. языков — и в слове „зеркало“ — слов. *zrkadlo*, диал. словин. *zrkálo* (не смешивать со словин. *zrkalo* „зрачок“, где *г* в о.-сл. было с окраской *ь*, и *k* по закону 2-й палатализации не подлежало изменению в *с*).

б) морфологическими:

4. формами ген.-асс. sg. личных и возвратного местоимений на -á: меня, тебя, себя;

5. твёрдым -t в окончании 3 лица обоих чисел глаголов; только в части говоров Олонецкой губ. встречаются формы 3 pl. глаголов 1-го тематического спряжения на -ut' с t мягким; но в 3 sg. t твёрдо и там.

Следующие черты свойственны большей части с.-в.-р. говоров:

6. склонность а после мягких к переходу в е; в одних говорах в е перешло лишь а неударяемое (напр., в зап.-новгор.), частью только перед мягкими, частью и перед твёрдыми: в грезí, грезна́, но грязь, — в других также и ударяемое а, но только перед мягкими: грезь, прёник, но грязно; а между мягкими сохраняется и под ударением и без ударения в бóльшей части говоров, отнесённых в „Опыте“ МДК к Владимирско-Поволжской группе, а спорадически и в других;

7. совпадение о.-сл. с и ѓ (а также совпавшей с ѓ согласной из о.-сл. *tj и *kt) в одном звуке, в бóльшей части говоров — в звуке с мягком или твёрдом, в небольшой части — в звуке ѓ мягком и в части в шепелеватом звуке, среднем между с и ѓ: хоцу, ноц, цас и пр.; Но во многих говорах известны оба звука — с и ѓ; в части таких говоров они смешиваются, т. е. вм. этимологического с является ѓ и наоборот: отець, пец, и пр.; такие говоры восходят к говорам, в которых с и ѓ совпали; в другой части с.-в.-р. говоров с и ѓ различаются этимологически правильно. Некоторые из них, повидимому, также восходят к говорам, не различавшим с и ѓ, и восстановили правильное употребление с и ѓ под влиянием других; таковы напр. говоры части Новгородской, Петроградской, Тверской и Олонецкой губ., сохранившие следы более раннего цоканья в произношении деепричастий ушотцы и т. п., повидимому, московский говор, сохранивший также несколько слов со свистящими вм. старого ѓ, говоры с твёрдым ѓ, заменившим в них более старое с твёрдое из первоначального ѓ, и др. Но в одной группе с.-в.-р. говоров, повидимому, с и ѓ различались правильно уже в древнейшую эпоху: это — группа залесских

говоров в нын. Ярославской, Владимирской и Костромской губ. Территория, занятая этими говорами, в глубокой древности выделялась среди остальной с.-р. территории. Это был степной остров („поле“) среди лесов, покрывавших с.-р. равнину. Население его политически в историческую эпоху никогда не тянуло ни к Новгороду, ни к Твери и, наоборот, еще со времен Володимира Св. поддерживало связи с Южной Русью. Возможно поэтому, что отсутствие как цоканья, так и ряда других характерных для остальных с.-в.-р. говоров черт в этой группе стоит в связи с давней обособленностью её от других с.-в.-р. говоров. Отсюда уже правильное различие с и ѣ с течением времени могло распространиться на соседние говоры; присутствие же цокующих говоров кое-где и на названной категории могло быть вызвано позднейшими колонизациями;

8. мягкость *я* в суфф. *śk* и *śtv*: женьской, балось[т]во; твёрдо *я* в этих суффиксах только в говорах Владимирско-Поволжской группы;

9. переход сочетания *dn* (из о.-сл. *dъn* или *dъп*) в *n* долгое: онна, совонни; *dn* сохраняется без перехода в *n* долгое главным обр. в говорах Владимирско-Поволжской группы. Подобным же образом во многих говорах *bn* изменилось в *n* долгое: омман, а *n* в *np*: дамнб, рбмной, но эти изменения, повидимому, возникли позднее и не получили такого распространения;

b) морфологические:

10. *dat.-loc. sg.* на *-y*, *i* от имён на *-а*: к горы, на земли;

11. *instr. pl.* на *-m*, т. е. совпадение *instr. pl.* с *dat. pl.* в одной форме: со своим друзьям; в части говоров известны также *instr. pl.* местоим. на *ша-*: имя, темя, всемя, реже худымя, сущ. на *-ша*, реже *-шу*: дёвкима, пескáмы, и прилаг. на *-ша*: золотыма; при этом формы на *-ша*, *-ша* встречаются и в значении *dat. pl.* Формы *instr. pl.* на *-mi* в с.-в.-р. говорах редки и часто смешиваются с *dat. pl.* на *-m*; поэтому их можно считать заимствованием из ю.-в.-р. или из литературного языка;

12. сохранение старого места ударения во многих случаях, где оно не сохранено в ю.-в.-р.; вообще с.-в.-р. ударение архаичнее и более подвижно, чем ю.-в.-р.; так, с.-в.-р. наречие по большей части сохранило старое ударение на предлоге, подвижное ударение в склонении (рукá — рúку и т. п.), старое место ударения в спряжении (варíш, красíш, идитé и пр.), хотя имеются и некоторые специально с.-в.-р. новообразования и в этой области. Но некоторые архаичные черты в ударении, свойственные большинству с.-в.-р. говоров, утрачены говорами Владимирско-Поволжской группы, как, напр., ударение на конце во 2 pl. некоторых глаголов (спíте, идíte вм. спитé, идитé других говоров);

13. сохранение инфинитивов на -ċi (-ci) при ударении на окончании, частью с заменой их новообразованиями на -kċi (-kci): печí, пекчí и пр.;

14. постпозитивный член -ot, -ta, -to: дом-от, избу-ту.

Синтаксических и словарных особенностей с.-в.-р. в целом не называю.

В. Ярославская и Владимирско-Поволжская диалектические группы.

§ 52. Как видно из перечня черт, общих ббльшей части с.-в.-р. говоров, среди них выделяется особая группа, в которой некоторые из этих черт отсутствуют. Эта группа, которую назову условно Ярославской, представляет следующие черты:

1. произношение ё как е;
2. сохранение а между мягкими без перехода в е как под ударением, так и без ударения;
3. сохранение этимологического различия между е и ё, причём е произносится твёрдо, ё мягко;
4. отвердение в в суфф. sk и stv;
5. сохранение группы dn;
6. утрата некоторых архаизмов в постановке ударения; так, во 2 pl. глаголов ударение никогда не бывает на конце;
7. dat.-loc. sg. на -ě от имён на -а;
8. отсутствие 3 sg. и pl. глаголов без -t;
9. l мягкое после губных и шипящие перед оконч. 1 sg. гла-

голов 2-го тематич. спряжения (на -i-) с основой на губные и зубные (в других говорах часты формы, как спю, молотю, видю, просю);

10. отсутствие 2 sg. на -si от нетематических глаголов: ѣш, даш;

11. отсутствие инфинитивов на -ti с ударением на основе (инфинитивы на -ti с ударением на конце сохраняются) и инфинитивов на -ĭi.

Словарный состав этой группы говоров также отличается от словарного состава других с.-в.-р. говоров. Отмечу исключительное употребление слов бороновать (не „волочить“), лошадь (не „конь“ или „комонь“), пахать (не „орать“), зола (не „попел“), пахарь (не „ратай“) и др., отсутствие ряда слов, свойственных другим с.-в.-р. говорам, как баской, и др.

Другие черты этих говоров частью являются общими им с говорами Восточной группы, как изменение конечного е в о, звук v в окончании gen. sg. местоимений и прилагательных, и др., частью с говорами Северной группы, как мягкость конечных губных, v и f из о.-сл. wъ перед согласными и в конце слова, сохранение ĭ без изменения в u, и др.

В „Опыте“ МДК эти говоры не выделены в особую группу, а отнесены к группе Владимирско-Поволжской вместе с другими, сходными с ними по судьбе ё и некоторым другим чертам. Эти другие говоры, заключая ряд особенностей, общих им с говорами Ярославской группы, по другим чертам отличаются от них, совпадая частью с говорами Северной, частью с говорами Восточной группы. Повидимому, основа их иная, чем у говоров Ярославской группы, и, может быть, не одна и та же у разных говоров, но будучи оторваны от своей первоначальной основы, они подверглись сильному влиянию со стороны говоров Ярославской группы и Московского *колѣнѣ*.

С. Д. Северная и Восточная диалектические группы.

§ 53. Говоры, не входящие в состав Владимирско-Поволжской группы, по своим особенностям не однородны. Оставляя в стороне позднейшие наслоения, вызванные влиянием одних говоров на другие, укажу наиболее заметные диалектические различия:

а) фонетические:

1. о.-в.-р. °о из о.-сл. о под ударением с интонацией акута изменилось в о, совпавши таким образом со старым о неакутованным в говорах Поморской, Зап.-Новгородской и, повидимому, части Олонецкой групп, и сохранилось в говорах Восточной группы¹⁾: куожа, коруова, сёлуо; может быть, в связи с этим стоит и различие между этими говорами по судьбе окончания gen. sg. ш. местоимений и прилагательных;

2. ё в одних говорах произносится всюду как е²⁾, в других обнаруживает склонность к переходу в і: в части говоров ё перешло в і только перед мягкими: сёно, но на сїни; в другой — как перед мягкими, так и перед твёрдыми: сино; архаичные говоры, где ударяемое ё произносится, как іе, различаются по судьбе ё безударного, произносимого в одних из них везде как е, в других — как і перед мягкими и е или о перед твёрдыми: в лёсу, лисник. К говорам, не изменяющим ё в і, относятся говоры Поморской и Олонецкой групп, к говорам с і из ё в том или ином положении, — Восточной и Новгородской групп; в первой из них і из ё — только перед мягкими, во второй — и перед твёрдыми;

3. конечное е (именно, в окончании 2 pl. глаголов и из ё после і в падежных окончаниях) дало в говорах Поморской, Олонецкой и Зап.-Новгородской групп е под ударением, е, ѧ и а после ударения: спитё, знáете(тя), а в говорах Восточной группы — о в обоих случаях: спитё, знáитё;

4. старое wъ в конце слога дало в зап. говорах Восточной группы ц: короў, даўно, в остальных — v перед звонкими, f перед глухими и в конце слова;

5. ĩ в конце слога в зап. говорах Восточной группы перешло в ц: воўк, даў; в остальных сохранилось, как ĩ;

• 5а). в тех же зап. говорах Восточной группы вм. ĩ перед гласными часто произносится l среднее;

¹⁾ Пользуюсь для краткости обозначениями, принятыми в „Опыте“ МДК., хотя сам предлагаю здесь другое деление.

²⁾ Конечное і в loc. sg. сущ. m. и n. и dat.-loc. sg. сущ. на -а, в говорах Архангельской губ., повидимому, морфологического происхождения.

6. *k* и *g* твёрдые после мягких неслоговых звуков смягчились в значительной части говоров Восточной группы: *х о з ё й к я*, *д о б ц к я*, сохранились без смягчения в остальных; —

б) морфологические:

7. в *gen. sg. m.* и *p.* местоимений и прилагательных в говорах Поморской и Олонецкой группы являются окончания *-ого* или *-ого*; те же окончания — в архаичных говорах Новгородского уезда; в части поморских и в самой сев. части Вологодской губ. имеется *оо*; в говорах Восточной и Зап.-Новгородской группы — окончание *-ово*, у прилагательных также *-аво* и *-ова*. Звук *v* в этом окончании происхождения фонетического: согласная между двумя *о* фонетически выпадала, а затем между ними, перед ударяемым *о* из старого акутованного *о* развивалось *v*, как и в начале слова; ударение на конце в этой форме в с.-в.-р. некогда имели не только местоимения, но, может быть, и прилагательные с ударением на окончании, ср. такие фамилии, как *Дурновó* и др. Так как в тех же говорах *g* между гласными не выпадает, ср. *погода*, *рогожа* и пр., то в окончании *gen. sg.* следует предполагать для древнейшей эпохи звук, отличный от *g*, т. е. *γ* или *h*. Звук *v* в том же окончании известен также и ю.-в.-р. говорам, но там он явился не органически, а под влиянием московского *κοινη*; архаичные ю.-в.-р. говоры имеют *γ*. Отсутствие формы *gen. sg. m.* местоимений и прилагательных с *v* в говорах Поморской группы, может быть, стоит в связи с ранней утратой *о*;

7а). в немногих говорах Восточной группы, между прочим, в Сибири, числит. 5—30 могут иметь для косв. падежей формы *pl.*: *пятьх*, *пятёх* и пр.;

8. глаголы 1-го тематического спряжения (с тематической гласной *e*) с основой на задненёбные в поморских, олонецких и зап.-новгородских говорах имеют обычно перед окончанием 2 и 3 *sg.* и 1 и 2 *pl.* мягкие нёбные согласные, в вост. — твёрдые: арханг. *пекёт*, *жгёт*, волог. *пекот*, *жгот*;

9. в говорах Вост. группы употребительны образования *fut.* с глаг. *иму*: *имú косить* и пр.

Есть между этими говорами и довольно значительные словарные различия, которых здесь не касаюсь.

§ 54. Перечисленные черты позволяют выделить среди с.-в.-р. говоров (за исключением говоров *B.*, рассмотренных выше) две основные группы — *C*, Северную и *D*, Восточную. Наиболее чистыми представителями *C* являются говоры поморские, *D* — вологодские и вятские; *C* характеризуется: 1. отсутствием ^чо из акутованного о, 2. отсутствием изменения ё в і, 3. звуком е из е в конце слова, 4. звуками *v* и *f* из *wъ* в конце слога, 5. отсутствием *ц* из *ĭ*, 6. отсутствием смягчения *k*, *g* после мягких неслоговых, 7. окончаниями -о_го, -о_го, -о_о в *gen. sg. m.* и *p.* местоимений и прилагательных, 8. мягкими согласными перед окончанием 2 и 3 *sg.* и 1 и 2 *pl.* глаголов с основой на задненёбные.

§ 55. *D* характеризуется 1. сохранением ^чо из акутованного о, 2. изменением в известных положениях ё в і, 3. о из е в конце слова, 4. *ц* из *wъ* в конце слога, 5. *ц* из *ĭ* в конце слога, 6. смягчением задненёбных после мягких неслоговых звуков, 7. окончаниями -о_го, -а_го, -о_га в *gen. sg. m.* и *p.* ср. р. местоимений и прилагательных, 8. твёрдыми согласными перед окончаниями 2 и 3 *sg.* и 1 и 2 *pl.* глаголов с основами на задненёбные.

§ 56. Говоры олонечкие и зап.-новгородские соединяют особенности *C* и *D*; можно их рассматривать, как говоры по происхождению переходные; первоначальная основа их, повидимому, северная, а восточные черты в них представляют в таком случае позднейшие наслоения. В говорах Новгородской группы некоторые черты, как утрата цоканья, отсутствие е из а между мягкими под ударением и т. п. могли явиться также под влиянием говоров Ярославской группы или Московского говора. Черты, отличающие нынешние зап.-новгородские говоры от говоров *C*, не были известны новгородскому говору до XVI в.

§ 57. Названные группы могут быть установлены в области с.-в.-р. наречия лишь в самых общих чертах: все с.-в.-р. говоры почти всё время своей исторической жизни были тесно связаны между собой и по большей части составляли единое целое; поэтому разные диалектические черты, поскольку они возникали в том или другом областном центре неодновременно или обладали различной степенью усвоемости и устойчивости, в с.-в.-р. области имеют

разные районы распространения, и ясно обозначенных границ между говорами, как совокупностями диалектических особенностей, в пределах с.-в.-р. наречия почти нет, тем более, что разные говоры в разное время влияли друг на друга; в то же время на изменение состава с.-в.-р. говоров оказывали влияние многочисленные переселения, из которых немало исторически засвидетельствовано, и отхожие промыслы, сильно распространённые в некоторых районах. Господствующие тенденции в современной эволюции с.-в.-р. говоров определяются влиянием московского *говора* и, отчасти, говоров Ярославской группы.

§ 58. Из черт, характерных для с.-в.-р. наречия или его говоров, сохранение старины представляют черты *A* 1, 3, 8, 12, 13, *B* 2, 3, 5, 7, 9, *C* 3, 5, 6, 7 и *D* 1. Выпадение *i* между гласными (*A* 2) могло быть очень старым, но по памятникам не может быть прослежено; стяжение гласных засвидетельствовано лишь поздними памятниками. Совпадение *с* и *ѣ* в одном звуке (*A* 7) относится к доисторической эпохе, так как засвидетельствовано новгородскими памятниками уже в XI в. Различие между говорами *с* *ц* из *wъ* и говорами *с* *ч* и *ѣ* могло быть очень старым; впрочем в с.-р. памятниках „оу“ вм. „въ“ раньше XIII в. не встречается. Остальные черты возникли позднее и засвидетельствованы памятниками не старше XIII и XIV в.

§ 59. Черты *A* отличают с.-в.-р. наречие от ю.-в.-р. в его целом (кроме *A* 8, так как мягкое *с* в суфф. *sk* известно и в некоторых ю.-в.-р. говорах); в ряде случаев эти различия восходят к эпохе до образования в.-р. языка и даже к доисторической эпохе. Таковы различия по чертам 3 и 7. Из диалектов с.-в.-р. ближе других к ю.-в.-р. стоят говоры *B*, совпадающие с ю.-в.-р. в целом по чертам 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11 и с большей частью ю.-в.-р. говоров по черте 1; черты *B* 4, 8, 9, а также характерные и для *B* черты *C* 4 и *D* 3, 7 повторяются и в значительной части ю.-в.-р., но являются в них не исконными, а вторичными, вызванными московским влиянием; впрочем *C* 4 для восточной части ю.-в.-р. говоров может считаться исконной. Говоры *C* сближаются с ю.-в.-р. по чертам 2 (не вполне) и 5, с архаичными ю.-в.-р. говорами по чертам 3 и 7, с частью говоров по черте 1 и с частью (северными и восточными) по черте 4. Говоры *D*

сближаются со всеми ю.-в.-р. только чертой 6, с частью (главным образом вост.) по черте 1 и с частью (ю. и зап.) по черте 4. В генетической связи между собою могут стоять случаи совпадения *B* со всеми ю.-в.-р. говорами; случаи совпадения *B* с частью ю.-в.-р. говоров по большей части вызваны московским влиянием в ю.-в.-р. области, т. е. генетическая связь между *B* и ю.-в.-р. имеется и в этих случаях; черта *D* 4 вряд ли стоит в генетической связи с аналогичным явлением в ю.-в.-р. Остальные диалектические совпадения с.-в.-р. и ю.-в.-р. случайны.

§ 60. С м.-р. языком с.-в.-р. в целом или в большей части его говоров сходится только отсутствием некоторых новообразований, развившихся в ю.-в.-р., или сохранением архаизмов, утраченных в ю.-в.-р. Таковы черты *A* 1, 8, 13, формы 2 sg. ѣ си, да си, ударение на конце во 2 pl. и др., между прочим, ряд слов, утраченных в ю.-в.-р., как конь, орать в значении „пахать“ и др. Совпадения с.-в.-р. с частью м.-р. говоров по чертам *A* 5 и 6 и части с.-в.-р. говоров с м.-р. и др. по чертам *D* 4 и 5 случайны, т. е. следует думать, что соответствующие черты развились в с.-в.-р. и м.-р. независимо. Наоборот, совпадения с.-в.-р. с северными говорами с.-б.-р. наречия по чертам *A* 7, 9, 11 указывают на старую связь между с.-в.-р. и с.-б.-р., существовавшую еще до образования в.-р. и б.-р. языков.

§ 61. С прочими славянскими языками или с некоторыми из них с.-в.-р. наречие совпадает в немногих случаях, где сохраняет о.-сл. старину, утраченную в ю.-в.-р.; таковы черты *A* 1, 3, *C* 6; кроме того, некоторые новообразования с.-в.-р. наречия, фонетические и морфологические, тождественны или сходны с соответствующими новообразованиями тех или других славянских языков или их говоров. Большую часть их с.-в.-р. наречие и другие славянские языки развили независимо друг от друга, и только по отношению к *A* 7 мы не располагаем данными, чтобы решить, является ли совпадение с и ѣ в с.-в.-р. и совпадение свистящих и шипящих в мазуракающих говорах польского языка результатом их общей жизни в доисторическую эпоху или возникли в них независимо в одном от другого, потому что эти явления произошли до появления древнейших письменных памятников сев.-русских и польских, а других старых

черт, сближающих с.-в.-р. наречие только с вост.-польскими говорами, мы не знаем.

Можно указать еще две черты, сближающие с.-в.-р. наречие или часть его говоров с зап.-слав. языками.

Сочетания *kl*, *gl* в м. о.-р. *l*: перецок „перечёл“, прицлась „причлась“, жагло „жало“, и ргает. типа ушот с т в м. о.-р. *l* в некоторых зап. с.-в.-р. говорах представляют следы такого говора, в котором о.-сл. *tl*, *dl* не изменились в *l*; с течением времени эти сочетания или получившиеся из них *kl*, *gl* в середине слова и *t* в конце слова почти всюду в этом говоре были утрачены и заменены нефонетически звуком *l* под влиянием других с.-в.-р. говоров, сохранившиеся лишь в немногих отдельных словах. Этой чертой зап. говоры с.-в.-р. наречия сближаются с зап.-сл. языками. Совпадение это могло быть органическим, т. е. могло быть вызвано тем, что часть с.-в.-р. говоров некогда входила в зап.-сл. диалектическую группу и только позднее, после того, как в русской группе *tl*, *dl* изменились в *l*, примкнула к этой последней. Но так как в отсутствии изменения *tl*, *dl* в *l* можно видеть сохранение старины, то возможно, что зап. говоры с.-в.-р. наречия, как наиболее удаленные от того центра, из которого шло изменение *tl*, *dl* в *l*, не усвоили этой черты вследствие своей удалённости независимо от подобного же явления в зап.-сл. языках¹⁾.

Чертой, сближающей с.-в.-р. наречие в отличие от ю.-в.-р. с зап.-сл. языками является, может быть, и *šć* с его позднейшими изменениями из о.-сл. **sk* перед *ě* и *i* из *oj* в начале некоторых основ; такое же *šć* было перед теми же гласными и в падежных окончаниях, но было очень рано заменено новообразованиями с сочетанием *šć*; в начале слова такое *šć* — в словах *щѣпка* и *щѣрить* и в производных от тех же основ; те же основы

¹⁾ Если принять гипотезу Трубецкого (ZslPh. II. 117—121), что в известную эпоху сочетания *tl*, *dl* одного слога в о.-сл. всюду заменялись в *l*, и что *tl*, *dl* в середине слова в зап.-сл. сохранилось потому, что там слогораздел в этом случае приходился между *t* или *d* и *l*, и что такой слогораздел представлял диалектическое новообразование зап.-сл. группы, то совпадение зап. говоров с.-в.-р. наречия с зап.-сл. языками по этой черте надо будет считать органическим.

есть и в ю.-в.-р. и в б.-р. и м.-р., но во всех их имеются или имелись и образования с начальным *s k*; есть основания думать, что в этих случаях образования с начальным *š č* в ю.-в.-р. — из с.-в.-р. (т. е. непосредственно из московского), а в м.-р. и б.-р. — с польского. В таком случае *š č* из **s k* перед *ě* является характерной чертой только с.-в.-р.; стоит ли она в органической связи с *š č* из *s k* перед *ě* и *i* из *o i* в зап.-сл. языках, сказать трудно, потому что в последних её можно связывать со свойственным только этим языкам изменением *š* в *š*, неизвестным большинству с.-в.-р. говоров.

Южновеликорусское наречие.

§ 62. Ю.-в.-р. наречие в целом характеризуется следующими чертами:

а) фонетическими:

1. аканьем, т. е. совпадением старых безударных *a*, *o* и *ъ* сильного не после мягких и совпадением *a*, *o*, *e*, *ě* и *ь* сильного после мягких и шипящих; гласные, получившиеся из старых *a*, *o*, *ъ* и из старых *a*, *e*, *ě*, *ь* различны, смотря по их фонетическому положению и по говорам (примеры см. в § 63);

2. переходом ударяемого *ě* почти во всех говорах в *e*, открытое перед твёрдыми, закрытое перед мягкими; в немногих архаичных говорах *ě* сохраняется, как дифтонг *ie* или гласная неоднородной артикуляции, начинающейся с *i* и кончающейся *e*; *i* из *ě* — только в одном глаголе *jišt* (inf.);

3. фрикативным *ɣ* из о.-сл. *g* в соответствии с с.-в.-р. *g*; перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными *ɣ* изменилось в *x*;

4. смягчением *k* после мягких неслоговых: *дóнькя*, *нóчку* и пр.; говоры, где такого смягчения не наблюдается, — переходные, т. е. по своей основе с.-в.-р. или б.-р., частью — ю.-в.-р., испытавшие сильное влияние московского *кoлѣ*.

5. отсутствием дзеканья, т. е. произношения со свистящими мягкими аффрикатами из смягчённых *t*, *d*;

6. сохранением этимологического различия между всеми шипящими и свистящими;

7. мягкостью $\dot{\text{с}}$ (соответственно и $\dot{\text{д}}\dot{\text{ж}}$ перед звонкими);
8. произношением $\dot{\text{ш}}, \dot{\text{ж}}$ долгих твёрдых из старых $\dot{\text{ш}}\dot{\text{с}}, \dot{\text{ж}}\dot{\text{д}}\dot{\text{ж}}$;
9. твёрдостью звука с ;
10. сохранением старого сочетания хв без изменения в f .

b) морфологическими:

11. формой *instr. sg. f.* (т. е. старых основ на $-\text{а}$, $-\text{і}$ и согласные) на $-\text{и}$ при ударении на основе: под застрѣхуй, о́сенюй, ночью, ма́терюй (и ма́терьюй) и пр.; при ударении на окончании сохраняются формы на $-\text{оі}$, ју : асянью́, рукбо́й; впрочем, названные формы на $-\text{и}$ распространены не всюду, и есть говоры, сохраняющие неударяемые окончания $-\text{аі}$ или еі (из оі) и ју ;

12. распространением формы *loc. sg.* на $-\text{и}$ на имена мужского рода с неподвижным ударением и, частью, на имена среднего рода: на жениху́, на концу́, на коню́, при отцу́, на дявѣшнику, на сто́лику, у полю и т. п.

12 *a.* распространением оконч. *loc. sg.* $-\dot{\text{е}}$ (с ударением на окончании) на имена женского рода т. наз. основ на $-\text{і}$: в грязѣ́, в пылѣ́ и пр.

13. образованием *nom. pl.* на $-\dot{\text{а}}$ не только от имён мужского рода, но и от имён женского рода: хлопота́, деревня́, волоста́, зеленя́, площа́дя, степя́ и пр.;

14. сохранением старого этимологического различия между *dat.* и *instr. pl.*, причём последняя форма всюду оканчивается на $-\dot{\text{иі}}$: лесе́ми, гора́ми, людьми́ или людь́ми, злыми́, теми́, нами́, двумя́, трюми́;

15. сохранением γ в *gen. sg.* м. и п. местоимений и прилагательных: таго́, зло́га;

16. формами *gen.-acc. sg.* личных и возвратного местоимений на е : менé, тебé, себé;

17. формой *dat.-loc. sg.* личного местоимения 1 лица менѣ́;

18. окончаниями *acc. sg. f.* прилаг. $-\dot{\text{уја}}$ под ударением, $-\text{ају}$ (эју) без ударения: злу́я, добраю́;

19. произношением јé (не јó) в *gen.-acc. f.* местоимений ее , тое , самое , всее , одное там, где эти формы не заменены новообразованиями на $-\text{ју}$ (яю́ , таю́ , всяю́ и пр.);

20. формой *nom. pl.* местоим. аны ;

21. отсутствием форм ѣси́, даси́ (употребляются только формы ѣш, даш);

22. т' мягким в 3 л. обоих чисел глаголов: бягѣть, жнуть; т' может отсутствовать в 3 sg. глаг. 1 спр. (с гласной е) и глаг. с ударением на основе, реже, в 3 pl. глаг. 2 спр. (с гласной і) при ударении на окончании: несѣ, гарѣ;

23. совпадением окончаний 1-го и 2 спр. (с гласными е и і) при ударении на основе: во 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. перед согласной окончания всюду і, в 3 pl. ѹ (ѹ), при отсутствии т' в 3 sg. а с его фонетическими заменами: кóлѣть, мóлѣть, идуть, хóдють, пѣша, сѹша, ѣдя, хóдя;

24. гласной е (не о) в окончаниях 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов 1 спр. при ударении на окончании: несѣш, -ѣть, ѣм;

25. отсутствием инфинитивов на -ѣи, -ѣи, заменённых всюду инфинитивами на ѣ, ѣ: мѣсть, нѣсть, пѣчь, лѣчь, идѣть и пр.;

26. употреблением деепричастий на -ѣѹ: идѣмши и пр.;

27. некоторыми новообразованиями в постановке ударений: а) переносом ударения с предлога на существительное или с приставки на основу: на вóз, под нóсом, под кóрень, на бѣрег, за гóрод, отдáл, прожѣл, вымбóю и т. п.; б) неподвижным ударением на окончании у имён женского рода со старым подвижным ударением: рукѹ, зямлѹ, нагѹ, саснѹ и пр.; в) тенденцией, не проведенной впрочем последовательно, к прикреплению ударения на основе у прилагательных: гѹстай, нáгай, прóстай, тóлстай и т. п.; г) утратой старого ударения на конце во 2 pl.; всюду только: спѣте, хотѣте, идѣте; е) тенденцией, не проведенной последовательно, к переносу ударения на основу во 2 и 3 sg. и в pl. у глаголов, имевших первоначально в этих формах ударение на окончании: вáлиш или вблиш, вóриш, дóриш, падóриш, кóтиш, крáсиш и крóсиш, мáниш, сбдиш, пасбдиш, тóщиш, хорóниш (в большей части примеров о вторичное вм. а) и т. п.

Из названных черт некоторые в настоящее время утрачены частью ю.-в.-р. говоров и заменены соответствующими чертами московского говора; таковы черты 4, 8, 10, 15, 19, 24, а также формы 3 лица глаголов без -т' и некоторые новообразования в постановке ударения; черты 10, 15, 19, 24, сохраняются

только в наиболее архаичных ю.-в.-р. говорах. Утрата тех или других ю.-в.-р. черт частью ю.-в.-р. говоров стоит в связи с более сильным московским влиянием, вызванным более частыми или удобными сношениями населения с Москвой, присутствием в составе населения переселенцев из-за Москвы, продолжительным влиянием школы и т. п.

§ 63. Главнейшие диалектические различия в ю.-в.-р. говорах:

а) фонетические:

1. Различный характер аканья. Этот характер связан с действием двух факторов: диссимилирующего влияния гласных следующего (главным образом ударяемого) слога и влияния твёрдости или мягкости неслоговых звуков, предшествующих неударяемому гласному звуку или следующих за ним. Твёрдость и мягкость предшествующего согласного звука отражается в той или другой мере на произношении безударных гласных звуков во всех ю.-в.-р. говорах, но в части говоров — лишь до некоторой степени: или в обоих случаях является а с более задней или более передней артикуляцией, частью в зависимости от названных условий, или в обоих случаях — звуки среднего или верхнего подъёма, среднего ряда (э, у и т. п.) после твёрдых, переднего после мягких; эти гласные в зап. говорах ю.-в.-р. наречия артикулируются ниже, чем в восточных: диалектологические записи из Курской губ. имеют в таких случаях после мягких „и“, а из Воронежской — „е“. Кроме того, положение после мягких более способствует сохранению диссимилятивности в аканье, чем положение после твёрдых: во многих, если не в большинстве ю.-в.-р. говоров, сохраняющих диссимилятивность после мягких, после твёрдых она утрачена, или же, при сохранении диссимилятивности после твёрдых, гласная отличная от а в этом положении артикулируется значительно ниже, чем после мягких: так, в говорах Курской губ. при і после мягких, после твёрдых при тех же остальных условиях является гласный звук пониженно-среднего подъёма. Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъёма или начинающимися с артикуляции верхнего подъёма старые безударные гласные среднего

и нижнего подъёма дали а, поскольку этому не мешает редукция звука в положении не непосредственно перед ударением, и, в части говоров, положение перед мягкими неслоговыми звуками; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъёма, поскольку принцип диссимильности сохраняется, являются гласные среднего или верхнего подъёма, т. е. отличные от а. К гласным верхнего подъёма или начинающимся с артикуляции верхнего подъёма в ю.-в.-р. первоначально принадлежали и, у, і, ударяемое ё и ъ^о из старого ударяемого акутованного о, к гласным среднего и нижнего подъёма — о из старого ударяемого о с интонацией циркумфлекса, из ъ и из е и ь перед твёрдыми и е из старых е и ь не перед твёрдыми. Первоначальный характер диссимильного аканья сохранился во всех говорах, где сохранилось различие между ъ^о и ё с одной стороны и о и е с другой, поскольку в них сохранилось само диссимильное аканье. Но во многих говорах совпадение ъ^о с о, а ё с е вызвало изменения в диссимильном аканье. По имеющимся записям диалектологических матерьялов и описаниям говоров эти изменения можно проследить только на произношении предударных гласных после мягких, так как после твёрдых диссимильность в большей части ю.-в.-р. говоров или утрачена или не отмечена наблюдателями. В произношении же гласных после мягких в диссимильно-акаяющих или якающих¹⁾ ю.-в.-р. говорах в настоящее время различаются следующие типы: 1. архаичный, с а перед гласными верхнего подъёма и перед ъ^о и ё и с гласными среднего или верхнего подъёма, в западных говорах і, в восточных -е, в остальных положениях; 2. донской, с а перед слогом с гласными верхнего подъёма (и, у, і) и с е или і перед слогом с остальными гласными (в том числе перед о разного происхождения и перед е из ё), 3. суджанский, с гласной а перед слогом с гласными верхнего подъёма, а также перед о из старых о, ъ и с гласной і перед слогом с гласными из старых ё, е, ь, а, 4. щигровский, с гласной а перед слогом с гласными верх-

¹⁾ Диссимильно-якающими называю говоры, сохраняющие диссимильность в произношении безударных гласных после мягких; относительно сохранения диссимильности после твёрдых в таких говорах имеющиеся сведения не достаточны.

него подъёма, перед о из старых о и ъ и перед ё и с гласной і или е перед гласными из старых е и ь. Первый из этих типов, как архаичный, встречается в разных местах; главным образом отмечен в Обоянском у. Курской губ. еще в 50-х годах XIX в., а недавно в Задонском и Землянском уездах Воронежской губ.; записи из Обоянского у. 50-х годов (Машкина) не дают указаний на отличие ъо от о (пишется одинаково „о“) и ё от е (буквы „ѣ“ и „е“ различаются этимологически); возможно, что это отличие в говоре еще существовало; в записях из Задонского и Землянского уездов (Тростянского) определенно указывается на отличие в произношении ъо и ё от о и е. Говоры с яканьем¹⁾ суджанского типа занимают зап. часть Курской и Орловской губ.; говоры с яканьем щигровского типа — восточные уезды Курской и Орловской губ., ю.-зап. угол Тульской губ. и самую зап. часть Воронежской, говоры с яканьем донского типа — Донские округа Донской области.

В говорах вост. части ю.-в.-р. области диссимилятивность в аканье или отсутствует вовсе или нарушена новым процессом ассимиляции предударной гласной ударяемому а. В первом случае является сильное яканье,²⁾ т. е. такое, в котором а безударное (гл. о. предударное) произносится и после твёрдых и после мягких неслоговых звуков и в начале слова, независимо от твёрдости или мягкости следующих согласных³⁾ и от характера гласной следующего слога. Во втором случае — яканье ассимилятивно-диссимилятивное: после твёрдых независимо от характера следующего слога является, судя по ответам на программы, а,⁴⁾ после мягких перед слогом с и, у, і и с о из старых о и ъ

¹⁾ См. предыдущее примечание.

²⁾ Не смешивать с частым в более ранней литературе термином „сильное аканье“, под которым обычно объединяются все виды аканья ю.-в.-р., б. р. и ср.-в.-р., кроме иканья и еканья. Ср. примеч. к стр. 128 и 129.

³⁾ Не считая некоторого передвижения артикуляции а вперёд перед мягкими.

⁴⁾ Возможно, впрочем, что программы не отмечают существующего в говорах различия между а и звуком отличным от а в зависимости от характера ударяемой гласной, если звук, отличный от а, произносится с пониженно-средней артикуляцией.

произносится а, перед слогом с гласными из старых е и ь — е или і; перед слогом с ё в одних из таких говоров произносится а, в других — е или і; повидимому, это различие стоит в связи с диалектическим произношением ё как гласного звука неоднородной артикуляции, начинающейся с і (или как дифтонга іе) в части таких говоров¹). Граница между говорами с яканьем сильным и ассимилятивно-диссимилятивным точно проведена быть не может: оба типа отмечены между прочим в одних и тех же уездах Рязанской, Тамбовской и Воронежской губ. и Донской области. Сильное яканье могло развиться на почве диссимилятивного путём перехода всякого предударного е в а, причём посредствующей ступенью к этому могло быть аканье ассимилятивно-диссимилятивное.

Другим фактором, более новым, определяющим различия в характере аканья, является в ю.-в.-р. положение перед твёрдыми или мягкими согласными. В охарактеризованных выше говорах твёрдость или мягкость следующих согласных на произношение гласных не влияет; в других говорах это влияние выражается в тенденции предударных гласных из а, ь, е, ё, а, е после мягких к переходу в і или е^і перед мягкими и в а перед твёрдыми; на почве диссимилятивного аканья эта тенденция выразилась или в переходе всех подобных гласных перед мягкими в і или е^і при сохранении диссимилятивности перед твёрдыми (яканье диссимилятивное-умеренное) или к переходу их перед твёрдыми в а при сохранении диссимилятивности перед мягкими (яканье умеренно-диссимилятивное); при отсутствии диссимилятивности получилось умеренное яканье²), состоящее в том, что перед твёрдыми является в предударном слоге вместо названных гласных а, перед мягкими і или е закрытое, независимо от характера ударяемой гласной. Говоры с этими

¹) Такое произношение ё отмечено, между прочим, в ответе на прогр. МДК № 7 по Рязанскому уезду.

²) Не смешивать с употребительным у многих термином „умеренное аканье“, которым большинство обозначает иканье и еканье, а Карский также (Белоруссы I, стр. 194, II, 1, стр. 143, Русская Диалектология, стр. 118) называет и диссимилятивное аканье и неполное аканье ю.-б.-р. говоров. Ср. примеч. к стр. 127 и 129.

тремя типами аканья распространены главным образом в сев.-зап. части ю.-в.-р. области, именно, в сев.-зап. уездах Орловской и большей части Тульской губ. и севернее, причём умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное яканье известно только в ю. части этого района. Присутствие в таких говорах черт, свойственных московскому говору, и обычность умеренного яканья в говорах средневеликорусских (см. § 69) позволяют думать, что умеренное яканье проникло в ю.-в.-р. говоры из ср.-в.-р. и затем уже повлияло на образование умеренно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья на основе первоначального диссимилятивного.

Кроме названных типов аканья в ю.-в.-р. известны еще яканье ассимилятивное, иканье и еканье. Первое в области ю.-в.-р. говоров отмечено до сих пор только одним наблюдателем в одной местности Ливенского уезда Орловской губ.,¹⁾ но распространено в зап. части ср.-в.-р. говоров. Более распространены иканье и еканье²⁾, т. е. аканье с произношением после мягких *i* или *e* как перед мягкими, так и перед твёрдыми, независимо от характера гласной следующего слога. Эти типы аканья или принадлежат выходцам из области ср.-в.-р. говоров или занесены из Москвы и свойственны в таком случае главным образом речи торговцев и мещан.

Примеры³⁾. Аканье диссимилятивное: в саду, ваду, взайду, бѣрану́, гѣлаву́; даю, тваю, взавьюсь; давить, насыть, взайти, свинья аперасилась; дары, вады и пр., с отчётливым *a*; перед слогом с *o*, *e* в записях только *a*: залог, задок; вадой, сталом; зашьеть, пайдеть, сарветь и пр., но есть примеры с пропуском гласной после плавных: парсѣнак; перед слогом с *a*: довай, веда, себрал, и, с пропуском гласной после плавной: варта, галва.

¹⁾ Ю.-в.-р. прогр. МДК 75. См. мой Разысканія, стр. 222.

²⁾ Два последние типа известны под названием „умеренного аканья“ (не смешивать с умеренным яканьем!); пользующиеся этим термином обыкновенно не различают оттенков остальных типов аканья, объединяя их под общим термином „сильного аканья“. Ср. примеч. к стр. 127 и 128.

³⁾ Примеры привожу, по возможности, на все первоначальные предударные гласные, совпавшие между собою в силу аканья, т. е. *a*, *o*, *ъ* после твёрдых, *a*, *e*, *e*, *ь*, *ѣ* после мягких в разных положениях.

Аканье недиссимилятивное: давай, вада, сабрал; гелавá, вератá, перасёнак или прасёнак; в саду, ваду и пр.

Яканье диссимилятивное: а) архаичного типа: 1. задом.: нясу, беряжку́, сялу, лянку, слязу, бяду, у пяску, святуя, пряду; вялю, тяплю, мяншúя, пяютъ, сямью, пятью; няси, вялить, вярнись, з дятми, глядиш, пряди, запряги, дьячки; сястры, слязы, бяды, святым; сялуо, ня хуочить, ня пуой, слязуой, гнядуова, святуом; вялъл, увяздъ, гняздъ, глядъла; — сестра, слезамп, зерна, беда, из гнезда, гнедая, светая, запрега́й; велять, серча́я, семья, глядеть; не ско́ра, не в пору¹⁾; селом, песок, гнедой пом. sg. m., ребой пом. sg. m.; берёза, твете, девчонка, нее „поёт“, преде „прядёт“; бережо́к, селезе́нь, меньшей пом. sg. m., сердёчка, семе́йка, детей, дьчок и пр.;

2. обоян.: сялу, сястру, пяку, жырапцú, вярнусь, бягу, бяду; к вянцу, сядуя, пряду, рябуя; дярю́га, зямлю, сямью, пятью; пяки, вярнись, бягить, пряди, пяти; сястры, гарямыка, навсягды, бяды, сядыя, сябры пом. pl.; ня бойси, ня стой²⁾, сяло, стюдяно, пнякёвай, ядро, сядой gen.-dat.-loc. sg. f., заняло, рябой gen.-dat.-loc. sg. f.; сястръ, бядъ, грядъ; — сила gen. sg., систра, стюдина́, свирка́я, видра gen. sg., бида, сидáя, питак, сибра „сябра“ gen. sg., занилá, рибáя; зимля, пинья пом. sg., дирвяннай (с пропуском гласной после главной), бидня́га, зитья; ни ровня, ни родам³⁾; силом, день диньской, пад винцом „под венцом“, сидой пом. sg. m., ритком „рядком“, рибой пом. sg. m.; висёлая, никеть, придетъ „прядёт“, тисёмка, плитень, жырбец (с пропуском гласной после плавной), динёчик, свитёл „светлый“, винец, чижолай „тяжолый“;

б) донского типа: сялу, вясну, нясу, биягу, слязу, у пяску, ряку, бяду, сядуя, пряду, шырстянуя; вялю, смяются; вясны, слязы, бяды, ямшык, шырстяны́и; няси, вялить, бияги, слязинка, пряди, гляди; — сила gen. sg., висна, нисла, слиза,

1) В словах скоро и пору ударяемое о в о.-сл. имело интонацию циркумфлекса.

2) В словах бойси и стой ударяемое о имело в о.-сл. интонацию акута, ср. задом. буйси, стуй.

3) Слова ровня, родом имели в о.-сл. ударение с интонацией циркумфлекса.

рика, беда, прила „пряла“, шырстиная; вилять 3 pl., смиялся, глядять; сило, висной, слизой, за рикой, бидой, сидой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*, шырстиной *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*; песок; зилёнай, нисеть, биригётъ, смётётся, придетъ „прядёт“; видерный; виснѣ, тимнѣтъ, в бидѣ, в рикѣ, глядѣтъ;

е) суджанского типа: сялу, нясутъ, зияляуя, лянку, твятуть, ряку, гнядую, запрягу, рябуя, пляшу; вялю, зямяю, змяю, пяютъ, йичмяню; зияляныи, тямны, гнядыя, рябыя, язык; няси, слязинка, у двяри, ряки, лянйвай, глядять, пяти, яиц, ядрйстай; сяло, зияляной *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. f.*, стякло, слязой, гнядой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*, дялов, рябой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*; зямлѣй, змяѣй, бяльѣ; сялом, лянок, стяклом, твяток; — сила *gen. sg.*, зилиная, слиза, тимна, рика, гнядая, рибая, плицать, ица „яйца“, пайса *nom. pl.*; зилиня *nom. pl.*, змяя, двярьми, билья, игняты; бирѣза, нисеш, твितеть, запригеш, идрѣнай, игнѣнка, ичень; диривѣнь, вирѣвка, скатиртѣй, динѣк, вистей, свитѣл „светлый“; на силѣ, смилѣй, глядѣтъ;

д) щигровского типа: вяду, зияляуя, слязу, ряку, сядуя, святуя, пряду; пастялю, сямью, пятью; симярых, тямны, сядыя, святым; вялик, слязьми, дятйна, пяти, яритца; нядѣля, сярбѣтъ, в раякѣ, глядѣтъ; сяло, зияляной *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*, слязой, святой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*; лядок, витярок, вянок; — сила *gen. sg.*, рика, слиза, тимна, свитая *nom. sg. f.*, взяла, питнадцать; зилиня, минять, глядять; видеть, висѣламу, идрѣнай, придетъ „прядёт“, вирѣвка, двирей, дитей, книзей.

Яканье сильное: сяла *gen. sg.*, нясла, сястра, зияля, слязами, бяда, сядая, взяла, рябая, баба яга; сяло, сястрой, зияляно, слязой, бядой, сядой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. sg. f.*, рябой *nom. sg. m.* и *gen.-dat.-loc. f.*, яйцо; ня скоро; сялом, стяколушка, лясок, пятьсот, паясок; сялу, нясу, сястру, зияляуя, слязу, в лясу, бяду, сядуя, рябуя, трясу, ягу; свякры, слязы, бяды, ясны; вялять, тяляты, змяя, сямья, сяням, ядять, глядять; нясе, бярѣза, змяѣй, сямѣй, смяется, трясеш; плятень, сястѣр, жырабец, сярдечка, дянечик, вянец, свитѣл „светлый“, в слянѣх, рячей, князѣк; вялѣл, тямнѣя, бядѣ, ягѣ; няси, слязьми, змяи, сямья, ядим, тряси, гляя „гляди“, яйчка; у курияню, змяю, смяюсь, пятью.

Яканье ассимилятивно-диссимилятивное: а) сяла gen. sg., сястра, сляза, зярна, бяда, взяла, святая; сяло, сястрой, слязой, зярно, гняздо, пятно; ня скоро; свякровья, сялом, зярном, гняздом, песок, святой nom. sg. m. и nom.-gen.-dat. f.; сялу, сястру, нясу, слязу, бяду, пряду, запрягу, святюя; сястры, слязы, бяды, язык; зямля, вялять, змяя, смяяться, ядять; няси, вялить, слязинка, звярина, ядим, пяти; ня любя, зямлю, асяню, смяются; — зилёнай и зилёнай, нисе, силізэнь, смиеся, запригем; видерный; в силъ, сistrъ, зимлъ, в пичъ, тимнѣя, в бидъ, в гняздъ, глйдѣть;

б) то же, но: в сялѣ, сястрѣ, зямлѣ, в пачѣ, тямнѣя, в бядѣ, в гняздѣ, глйдѣть.

Яканье диссимилятивно-умеренное: нясутъ, сястру, сляду; зияяны, твяты; сяло, в зияном, твятов; — систра, зилина, лишка, рика, твитами, румина; дисятай, адияла; либетку, нисеть; каринёк, динёчик, немецкай; сistrъ, ниси, тимницу, дивичий, зимлиничка; пастилю, миньшую, асвичу; перед о из ъ в записях — и „я“ и „и“: зияной, сядой nom. sg. m., крястом, и: свикровья, слидочки, смилой nom. sg. m.

Яканье умеренно-диссимилятивное: а) вяла, зияная, тямна, ряка, бяда, пятак; сяло, слязно, зияной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., гняздо; песок, зимляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; вяду, вярнусь, у песку, пряду, тяну; симярых, бяды; вяликай, ямки „ухват“, дявишник, тянтя, пяти, зимляника, яритца; вялю, замчужна; вялять, зилиня, минять, абридать; видеть, зилёнай, придеть „прядёт“; видернай; сistrъ, тимнѣя, бидѣ, гняздѣ, глйдѣть;

б) то же, но: сястрѣ, тямнѣя, бядѣ, гняздѣ, глйдѣть;

с) то же, но: вядеть, зялёнай, прядеть; вядернай; сястрѣ, тямнѣя, бядѣ, гняздѣ, глйдѣть; — велять, зелена, менять, абредять.

Яканье умеренное: а) сяла gen. sg., сястра, зияна, вярста, бяда, сядая, взяла; сяло, сястрой, зияной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., вярстой, дявной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., бядой, сядой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., педняло; сялом, ягольник „игольник“, звярок; бяруть, сястру, зиянуя, вярсту, бяду, сядуя, пятах, прядуть; свякры, вярсты, бяды, яды

gen. sg., святым; — зилиня, вилять, патирыла, в снях, дѣчка; биреть 3 sg., висѣлый, бильѣ, придѣм „прядѣм“, јичмень; систѣр, динѣчик, двирей, виноц, звирей; в силѣ „в селе“, литѣл, вирстѣ, бидѣ, глидѣть; бири, сирьдѣта, дилить, трисѣна, јивѣлись; вилю, змию и пр.;

б) то же, но: зелена, велять, пѣтеряла, в снях, дѣчка, беретъ и т. д.

И канье: вила, слиза, бида, грида; сило, бривно, гниздо, питно; виду, слизу, биду, јиду, гриду, приду „пряду“, миды, слизы, цвиты. гриды и т. д.

Я канье ассимилятивное: а) (в ю.-в.-р. говорах не отмечено, в ср.-в.-р. очень редко): сяла gen. sg. сястра, вяла, вярста, зарна, бяда, лѣса nom. pl., бягла, гряда, пряла; вялять, зямля, змяя, сямья, бядняга, в снях, зятѣя, глядят; — сило, систрой, зирно, бидой, питно, гридой; силом, зирном, писок, лисок, питном; силу dat. sg., систру, виду 1 sg., вирсту, в лѣсу, бигу, гриду асс. sg., приду „пряду“; систры, вирсты, јязык; видѣт, бильѣ, симьѣй, придѣт „прядет“; плитень, двирей, синей gen. pl., дѣччок; в силѣ, систрѣ, вирстѣ, бидѣ, гридѣ, глидѣть; вилить, види, зимли, симьи, биги, приди „прядѣ“, глиди; вилю, плитню, змию, смьюсь и пр.;

б) сяла, сястра, вяла, вярста, зарна, бяда, лѣса, бягла, гряда, пряла; вялять, зямля, змяя, сямья, бядняга, в снях, зятѣя, глядят; сяло, сястрой, зарно, бядой, пятно, грядой; сялом, зарном, пѣсок, лѣсок, пятном, сялу, сястру, вяду, вярсту, в лѣсу, бягу, гряду, пряду; сястры, вярсты, язык; — видѣт, бильѣ, симьѣй, придѣт „прядет“; плитень и т. д., как в б).

2. сохранение или утрата *чо* из старого акутованного ударяемого *о* и *іе* из старого *ѣ*; говоры, сохранившие *чо* и *іе*, известны в настоящее время главным образом на востоке, но встречаются и на западе: сялу^о, мноуга, дару^ога;

3. различная судьба *о.-сл. wъ*: в ю. и зап. части говоров *wъ* после гласных дало вообще *и* неслоговое, в начале слова — *и* слоговое: уся, у лѣсу, у полю, роуна, галоука, кароу, в вост. и сев. части в обоих случаях *ч* не перед глухими в том же слове и перед звонкими шумными следующего слова, не отделённого заключительной интонацией, и *f* перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными: фся, в лѣсу, ф полю,

рѳвна, галѳфка, карѳф; граница между этими двумя типами говоров идёт с зап. на вост. по Тульской губ. в её ю. части и с сев. на юг. несколько западнее Дона;

4. различная судьба старого е перед твёрдыми: при обычном почти везде о после мягких, шипящих и с, немногие говоры как Восточной (в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губ.), так и Западной (в ю. уездах Тульской губ.) группы имеют в этом случае е: зелёная, четырёх, сѣла пом. pl., сел ген. pl., мел ргает. „мѣл“ и пр.;

5. различное произношение согласных перед е: при обычном мягком произношении, в немногих говорах согласные в этом положении твёрды: а тѣц, дѣрѣвня и пр.; такие говоры попадают в ю. уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.;

6. твёрдое или мягкое произношение губных в конце слова и перед j; в большей части ю.-в.-р. говоров губные в этом положении произносятся мягко, но в части говоров, главным образом на зап. — твёрдо, как и в соседних б.-р. и м.-р. сып, сем, кроу;

7. з твёрдое вм. с в меньшей части говоров при сохранении с в остальных говорах: яйсо, кансы, куриса, сѣрса и т. п.; говоры с з вм. с встречаются главным образом в зап. части ю.-в.-р. области, но не занимают одной сплошной территории; на тесную связь этих говоров по происхождению указывает присутствие в них и других черт, отсутствующих в говорах, сохраняющих с без перехода в s, а также некоторые особенности в быте носителей этих говоров.

8. t (мягкое) вм. всякого мягкого k: рутя, тройтя и т. п. в некоторых менее архаичных говорах, чаще всего в Тульской губ., при сохранении k мягкого в большей части говоров; так как t вм. k мягкого распространено в ср.-в.-р. говорах, то возможно, что такое t в говорах Тульской губ. стоит в связи с ср.-в.-р. произношением.

b) морфологические:

9. ряд диалектических особенностей в склонении, представляющих либо архаизмы, сохранившиеся лишь в некоторых говорах и неизвестные как другим ю.-в.-р. говорам, так и с.-в.-р.,

как напр. пом. sg. свякры „свекровь,“ либо, чаще, новообразования, не распространившиеся на другие ю.-в.-р. говоры, как напр., асс. sg. f. сущ. ма́терю, дóчерю, местоим. таю́, аднаю́ и т. п., формы местоим. и прилаг. с гласной е после твёрдых в окончаниях вм. о и у других говорор: тэ́й, худэ́и, сырэ́х и т. п.;

10. замена шипящих и сочетаний губных с l' у глаголов 2-го тематического спряжения (с тематической гласной i) с основой на зубные (t, d, s, z) и губные перед окончанием -и в 1 sg. теми же согласными, какие являются перед окончаниями остальных лиц (т. е. мягкими губными и зубными) в значительной части говорор как зап., так и вост.: спю, люблю, лавю, кармю, прасю, катю, видю и пр., при сохранении шипящих š и ž¹⁾ и сочетаний губных с l' в остальных говорах; в виду широкого распространения в ю.-в.-р. говорах новообразований с мягкими губными и мягкими зубными нешипящими вместо старых сочетаний губных с l' и шипящих перед окончанием 1 sg. и отсутствия их главным образом в говорах, подвергшихся московскому влиянию, возможно, что эти новообразования происхождения обще-ю.-в.-р., а старые формы с шипящими и сочетаниями губных с l' заимствованы вновь из московского говора;

11. замена шипящих перед окончаниями 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основой на задненёбные, имеющих эти задненёбные перед -и в окончаниях 1 sg. и 3 pl., мягкими средненёбными: пикеш, стиригеть, лягиш, магиш, бягиш²⁾ и пр., в значительной части говорор при сохранении форм с шипящими в остальных говорах; и здесь возможно, что формы с мягкими средненёбными по происхождению обще ю.-в.-р., а формы с шипящими вновь заимствованы из Москвы.

12. замена форм среднего рода существительных и согласованных с ними слов (прилагательных и родовых форм глагола) формами женского рода, отмечаемая наблюдателями во многих говорах, главным образом Восточной группы; существительные среднего рода с ударением на основе нередко образуют все па-

¹⁾ Образований на -dž и от основ на d, имеющих в м.-р. и б.-р., ю.-в.-р. говорор не знают: вижу, хажу, сижу.

²⁾ Ср. 3 pl. того же глагола: бигать (вм. бижать, из о.-сл. *bēzētъ) рядом с бягуть.

дежные формы *sg.* по склонению имён женского рода на *-а*, в соответствии с чем и согласованные с ними слова ставятся в женском роде: у нас нет мясы, ўзил с платьяй, новаю платью, сваю гбрю и пр.; при ударении на окончании существительные сохраняют старое склонение, а согласованные с ними прилаг. и местоим. в *пш.* и *асс. sg.* и родовые формы глаголов ставятся в женском роде: большая акб, мая писмб, эту всю бельё, пришлa писмб и пр., но: грязнева билья, маиму писму, пад нашим акбом и пр.

Остальных морфологических особенностей, свойственных лишь части ю.-в.-р. говоров, не называю.

Различаются между собою ю.-в.-р. говоры и в словаре, но на этих различиях здесь не останавливаюсь.

§ 64. По указанным диалектическим чертам можно различать среди ю.-в.-р. говоров три группы, разграниченные между собою территориально, как это и сделано в Опыте диалектологической карты: группу А, Западную (в Опыте — „Южная“) с преобладанием диссимилятивного аканья или яканья диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного, с высокой артикуляцией гласной, являющейся перед слогом с ударяемыми *а* и *е* (бидá, видéть)¹⁾ и с *и* (слоговым и неслоговым) из старого *wъ*; к этой же группе примыкают и ю.-в.-р. говоры южных округов Донской области; — группу В, Тульскую, менее архаичную и менее цельную, с преобладанием умеренного яканья, с высокой артикуляцией безударных гласных между мягкими согласными, но с различной судьбой старого *wъ*, именно, с *v* и *f* в сев. говорах и с *и* в южных, — и группу В, Восточную с преобладанием яканья сильного или ассимилятивно-диссимилятивного, с более низкой по сравнению с А и В артикуляцией безударных гласных в тех случаях, когда они отличаются от *а* (ведеть), и с *v* или *f* из старого *wъ*; с этой группировкой совпадает и употребление некоторых других диалектических черт, общих не всем ю.-в.-р. говорам. Границы между диалектическими группами в пределах ю.-в.-р. наречия не являются резко очерченными благодаря тем же причинам, какие указаны для с.-в.-р. говоров. И в ю.-в.-р. наречии

¹⁾ Кроме самых восточных говоров этой группы (в Воронежской губ.).

можно установить действие той же тенденции, как и в с.-в.-р., к сближению с московским *хоиѣ*: диссимильтивное аканье и яканье заменяется через посредство переходных типов — умеренно-диссимильтивного и диссимильтивно-умеренного — яканьем умеренным; умеренное яканье в некоторых пунктах вытесняется иканьем; аналогичные явления наблюдаются и в говорах Восточной группы (В.) Равным образом произношение *u* вм. *wъ* заменяется произношением *v* и *f*, хотя до сих пор во многих местах нынешние границы между этими двумя произношениями совпадают с границами, существовавшими еще в XV в. Влиянием Москвы вызваны, и вытеснение *e* в окончаниях *геп.-асс. f.* местоимений и в личных окончаниях глаголов 1 спр. звуком *o* и широкое распространение окончания *геп. sg.* прилаг. со звуком *v* вм. старого *γ*. В виду этого можно смотреть на черты говоров Тульской группы (Б), отличающие её Западной (А), как на вторичные, вызванные московским влиянием, и этим влиянием объяснять не только умеренное яканье говоров этой группы и ряд несомненно с.-в.-р. черт, но и отсутствие *u* из *wъ* в её северных говорах; совпадение части границ *u* из *wъ* в пределах этой группы с политическими границами Московского и Литовского государства в XV в. может указывать на то, что вытеснение *u* из *wъ* частью произошло еще до XVI в.

§ 65. Кроме территориального принципа и влияния центра в образовании и сохранении диалектических различий в пределах ю.-в.-р. наречия видную роль сыграл ещё один принцип — различия в социальном происхождении носителей этого наречия. Многие сообщения по ю.-в.-р. говорам указывают на ряд различий между говорами мещан (т. е. городских или бывших городских жителей), дворян и крестьян экономических или монастырских и помещичьих. Часть таких различий связана с происхождением той или другой части населения от переселенцев из других областей; таких переселенцев много было среди крестьян помещичьих и монастырских, и следы такого происхождения во многих случаях вполне отчетливы. Но одними переселениями все диалектические различия, связанные с бывшей принадлежностью населения к разным социальным группам, не объяснимы: говоры помещичьих и экономических крестьян, напр., во многих местах

выработали такие свойственные только им диалектические черты, которые не объясняются из говоров тех областей, откуда могли быть переселены их носители. Очевидно, здесь действовала известная обособленность разных групп населения: однодворцы, напр., поддерживали знакомство и роднились главным образом с однодворцами же, крестьяне помещичьи между собою и т. д. Диалектические различия такого рода ещё в большей степени, чем диалектические различия территориальные, связаны с различиями в быте, в постройках, домашней обстановке, одежде и т. д.

§ 66. Из черт ю.-в.-р. наречия, не представляющих сохранения о.-сл. старины, утраченной с.-в.-р. наречием, черты 1 и 3 были известны ему еще до появления древнейших дошедших до нас ю.-в.-р. письменных памятников, относящихся ко времени не раньше XIV в. До этого времени возникло и различие между говорами с *u* и *ü* и говорами с *v* и *f* из о.-сл. *wъ*. Черта 4 явилась много позднее, так как старшими ю.-в.-р. памятниками не засвидетельствована. К позднему времени относится и ряд других ю.-в.-р. новообразований.

§ 67. Если не считать случаев сохранения старины, утраченной в с.-в.-р., то ю.-в.-р. наречие сближается с м.-р. и б.-р. по чертам 3 (м.-р. и б.-р. *h* из о.-сл. *g*, несомненно, получились через посредство *γ*), 12, 17 и с одним б.-р. по чертам 1, 9, 23, а большая часть ю.-в.-р. говоров также по черте 2. Западные говоры ю.-в.-р. наречия обнаруживают большую близость к м.-р. и б.-р. изменением *wъ* > *u* (слоговое и неслоговое) и твердостью губных в конце слова и перед *j*. В то же время они стоят ближе к с.-б.-р. по присутствию в них диссимилятивного аканья со звуком *i* после мягких перед слогом с *a*. Совпадения с б.-р., особенно с с.-б.-р. указывают безусловно на ближайшую связь ю.-в.-р. с с.-б.-р. в прошлом. Совпадения и с б.-р. и с м.-р. по черте 3 и, может быть, 17 тоже свидетельствует об их общей жизни в отдаленную, еще доисторическую эпоху. Повидимому, раньше таких совпадений было больше (ср. выше, § 49 о судьбе начального **iъ* и § 61 о судьбе **sk* перед *ě*, *i* из *oi*). Широкое распространение loc. sg. на -*u* относится, повидимому, к сравнительно поздней эпохе независимой от м.-р. и б.-р. жизни ю.-в.-р.,

но может корениться в тенденциях, возникших еще в доисторическую эпоху.

§ 68. Из черт, сближающих ю.-в.-р. с другими слав. языками, совпадение со всеми слав. языками, кроме русских, по черте 21 не имеет значения, потому что формы *даш*, *ѣш* обычны и в с.-в.-р. и в м.-р., и, следовательно, всё различие в данном случае сводится только к сохранению архаических образований в с.-в.-р., б.-р. и м.-р., а не к существованию в ю.-в.-р. новообразований, отсутствующих в этих языках. По черте 25 ю.-в.-р. сближается со всеми зап.-сл. языками и отчасти словинским¹⁾, но и это совпадение на особую близость ю.-в.-р. к зап.-сл. языкам не указывает, потому что и в с.-в.-р. безударное *і* в окончании инфинитива отпало почти всюду, а в б.-р. и м.-р. говорах инфинитивы на согласную также обычны. Во всех зап.-сл. языках ударение на конечном слоге слова не сохранилось, и таким образом условия отпадения конечного *і* в инфинитиве в зап.-сл. те же, что и в с.-в.-р. Явление это происходило в разных славянских языках не одновременно и, очевидно, независимо в одном от другого. Остальные совпадения ю.-в.-р. с другими слав. языками по чертам, отличающим его от с.-в.-р., общи ему с м.-р. и б.-р. или с одним б.-р. Так, по черте 3 ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. сближаются с языками чешским, словацким, верхнелужицким и сев. говорами словинского, по черте 12 — с языками зап.-сл., по черте 17 — с сербохорватским и словинским, а по черте 9 ю.-в.-р. и б.-р. — с польским, кашубским и лужицкими. Можно думать, что черта 3 является результатом общего процесса, пережитого ю.-в.-р., м.-р., б.-р., чеш., словац., в.-луж. и сев. говорами словин. еще в доисторическую эпоху, и свидетельствует о бывалом единстве этих языков или наречий. Черты 12 и 17 могли возникнуть в русских и других слав. языках в силу одинаковых морфологических причин независимо²⁾, но не исключена возмож-

1) Конечное *і* в инфинитиве в чешском и словинском — только на письме и в книжной речи.

2) Ср. в некоторых с. в.-р. говорах *gajъсс.* местом. 1 sg. *мѣя*, новообразование, однородное с ю.-в.-р. *dat-loc.* *мѣѣ*, но в другом направлении; как ю.-в.-р., м.-р. и б.-р. в данном случае совпадают с ю.-сл., так и с.-в.-р. — с зап.-сл. И в том и в другом случае совпадение может быть случайным.

ность, что и они восходят к диалектическим тенденциям о.-сл. эпохи. Отвердение с (черта 9) известно и значительной части с.-в.-р. говоров; явление это сравнительно позднее и возникла в в.-р. независимо от лехитских и лужицких языков.

Средневеликорусские говоры.

§ 69. Так называются говоры, по происхождению с.-в.-р., развившие в себе аканье под влиянием ю.-в.-р. говоров. Эти говоры не составляют единого целого ни по своей основе, так как в основе их лежат разные говоры с.-в.-р. наречия, ни по тем новым чертам, которые наслоились на эту основу, так как эти черты развились в них под влиянием разных частью ю.-в.-р., частью ср.-в.-р. говоров, раньше испытавших подобную эволюцию, ни по самой эволюции, так как представляют разные стадии однородных процессов; тем не менее, в силу однородности пережитой или переживаемой ими эволюции, ср.-в.-р. говоры имеют ряд общих черт, одинаково отличающих их как от с.-в.-р., лежащих в их основе, так и от ю.-в.-р., под влиянием которых они возникли. При своём возникновении ср.-в.-р. говоры были переходными к ю.-в.-р., т. е. находившимися в стадии перехода от с.-в.-р. к ю.-в.-р. Но с течением времени один из таких переходных говоров — московский — стал языком господствующих классов населения и получил значение образцового, *κοινή*. Это обстоятельство остановило его эволюцию, как переходного говора, и вызвало изменение в направлении эволюции других ср.-в.-р. говоров, которая стала определяться нормами не ю.-в.-р., а московскими. Начало образования ср.-в.-р. говоров восходит к эпохе не позже XIV в.: от этого времени до нас дошли, между прочим, московские памятники со следами аканья; с тех пор этот процесс не прекращался до настоящего времени, и теперь аканье успешно продолжает распространяться среди с.-в.-р. наречия вместе с рядом других черт, свойственных московскому говору.

Ср.-в.-р. говоры занимают широкую полосу между чистыми с.-в.-р. и чистыми (исконными) ю.-в.-р. говорами, но, кроме того, есть области, занятые такими говорами, и вне этой полосы. Самый большой остров ср.-в.-р. (акающих) говоров среди с.-в.-р. находится в Костромской губ., в верхнем течении р. Костромы.

Большая часть тех особенностей ср.-в.-р. говоров, которые не вызваны влиянием ю.-в.-р. или московского говоров, та же, что и в соседних окающих с.-в.-р. говорах; только черты московского говора распространяются на эти говоры более интенсивно, чем на говоры, сохраняющие оканье. Из ю.-в.-р. черт они усваивают главным образом те, какие имеются и в московском; но проникают и другие ю.-в.-р. черты; между прочим довольно значительная часть говоров на ю.-зап. ср.-в.-р. территории и небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., т. наз. „мещерских“, имеет -t в 3 лице глаголов, а говоры мещерские также и фрикативное γ : на с.-в.-р. основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие с.-в.-р. черты. Впрочем возможно, что некоторые окающие говоры с умеренным яканьем или иканьем, относимые нами к ю.-в.-р. по признаку отсутствия цоканья и наличности фрикативного γ и t в 3 лице глаголов, но заключающие ряд московских черт в фонетике (напр., отсутствие смягчения задненёбных после мягких неслоговых, мягкое $\dot{\text{ш}}$ долгое из о.-сл. $\dot{\text{ш}}\text{č}$ и др.), морфологии (напр., московское употребление формы loc. sg. на -и, отсутствие асс. sg. f. прилаг. на -úja, отсутствие форм 3 sg. без -t) и словаре (бороновать, ухват вм. скородить, рогач и др.), должны считаться также переходными на с.-в.-р. основе.

Аканье ср.-в.-р. говоров, как развившееся на почве с.-в.-р. оканья в виде подражательного процесса, а не органически из тех основ, к которым восходит аканье в ю.-в.-р., отличается от ю.-в.-р. аканья. В большей части ср.-в.-р. говоров распространены умеренное яканье, иканье и еканье, известные и в сев. части ю.-в.-р. говоров. Но, как сказано выше, есть основания считать эти три типа аканья в ю.-в.-р. перенесёнными из ср.-в.-р. говоров. Четвёртый, также распространённый тип ср.-в.-р. аканья, яканье ассимилятивное, (см. § 63; обычно в ср.-в.-р. говорах только ассим. яканье типа б); тип а) почти не встречается), в ю.-в.-р. говорах почти не известен. Яканье сильное, более или менее одинаковое с сильным яканьем ю.-в.-р. говоров, распространено значительно менее и отмечено до сих пор только в лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ.; кроме говоров с этими типами аканья встречаются изредка ср.-в.-р. говоры, отличающие

предударное а после мягких от е и ё тем, что в первом случае произносится а, во втором е, или предударные а и е после мягких от ё тем, что в первом случае произносится а или е, во втором і.

Кроме особенностей в аканье характерной чертой значительной части ср.-в.-р. говоров, отличающей их как от с.-в.-р., так и от ю.-в.-р., является произношение *ɖ*, *ʈ* мягких вместо *g*, *k* мягких. Произношение *ʈ* вместо *k* мягкого известно и части ю.-в.-р. говоров, но только той, в которой имеются и другие черты, характерные для ср.-в.-р. говоров. Возможно, что *ʈ* вм. *k* явилось в ср.-в.-р. говорах вследствие утрированного применения к ю.-в.-р. произношению, так как в некоторых ю.-в.-р. говорах *k* отличается от с.-в.-р. заметно бóльшей степенью мягкости. Такое очень мягкое (краепалатальное?) *k* отмечено, напр., в ю.-в.-р. говорах Зарайского уезда Рязанской губ.

С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью.

§ 69 а. Кроме ср.-в.-р., есть с.-в.-р. говоры, в которых московское или ю.-в.-р. влияние привело лишь к частичному совпадению безударных а и о и частичному устранению безударного о. Во многих говорах безударное о сохраняется последовательно только в 1-м предударном слоге, а в остальных может заменяться тем же редуцированным звуком, какой произносится в тех же положениях и на месте старого а: мелодá, беловáть, делёкб, дёвэк, дáрем, бддел, нэ хорбше мéста. В некоторых говорах о 1-го предударного слога сохраняется после твёрдых, а после мягких является в одних говорах е, в других а: водá, но веснá или вяснá; в других наоборот о сохраняется после мягких, а после твёрдых является а: вёснá, но вадá. Есть также говоры, где предударное о после твёрдых сохраняется не перед слогом с а, а перед слогом с а перешло в а: ровнб, зовúт, сто́йт, водé, но вадá, бальшáя, хазя́ин. В бóльшей части таких говоров, в силу их переходности, полной последовательности в произношении безударного о не наблюдается, и можно лишь установить направление, в каком осуществляется тенденция к устранению безударного о.

Белорусский язык.

§ 70. Б.-р. язык в его непереходных говорах характеризуется следующими чертами:

а) фонетическими:

1. аканьем (см. § 71. 1);

2. сочетаниями $u\dot{i}$ (при диалектических $e\dot{i}$, $e\dot{i}$) и $i\dot{i}$ из о.-сл. $u\dot{i}$, $i\dot{i}$ в соответствии с в.-р. $o\dot{i}$, $e\dot{i}$: злый, мыю, шыя;

3. сочетаниями gy , ly , li из о.-сл. $g\dot{y}$, $l\dot{y}$, $g\dot{y}$, $l\dot{y}$ между согласными в слабом положении: криві, хрысціць, блыха, слиза и т. п.;

4. переходом старых e и y сильного в o перед твёрдыми нешипящими согласными, кроме s ; в силу аканья такое o — только под ударением; перед шипящими и s из e и y получилось e : дзешава, адзежа, печ и пр.;

5. редуkcией в известных случаях начального неударяемого u (главным образом в предлоге и приставке u) и переходом такого u в неслоговое после конечной гласной предшествующего слова: \dot{y} сына, \dot{y} мёр, \dot{y} вiдзя \dot{y} , \dot{y} богий, \dot{y} даный, \dot{y} мeць;

6. утратой начального $i\dot{y}$ в слабом положении или переходом его в i редуцированное или неслоговое: граю, голка, маю, предлог z и пр.; няйдуть, зайграць и т. п.;

7. развитием w перед начальным o и u (а также и перед неударяемым a из o): вочы, вoсянь, вулица, вагонь, кроме небольшого района на западе, где в подобных случаях h (см. § 71. 4);

8. u неслововым из старого $w\dot{y}$ и $w\dot{y}$: сыноў, траўка, дзяўчонка, здароўя, дзярэўня, няўзяў; в начале слова не после конечной гласной предупредного слова в той же фразе в таких случаях — u редуцированное: ўся, ўзяў и пр.

9. переходом \dot{i} в конце слога в u неслоговое: воўк, ўзяу и пр. (в пом. $sg.$ суш. на \dot{i} и в образованиях с суффиксом $-ka$ согласная \dot{i} в большей части говоров сохраняется без перехода в u неслоговое, может быть, нефонетически: стол, гарэлка);

10. дзеканьем, т. е. мягкими свистящими аффрикатами $\dot{d}z$ и с вм. \dot{d} и \dot{t} ; в части говоров свистящий элемент таких аффрикат, повидимому, слабее, чем в твёрдых аффрикатах $\dot{d}z$ и с (из о.-сл. s): сидзяць, адзин, дзед, ўлапцёх и пр.;

11. придыханием *h* из о.-сл. *g*;

12. мягкостью согласных, кроме шипящих, *с* и *г*, перед всеми гласными из о.-сл. палатальных гласных;

13. отвердением *г* мягкого или употреблением *г* твёрдого и мягкого не согласно их старому этимологическому употреблению: *гразь*, *карэння*, *бяроза*, *ракá*, *бяры*, *гавару́* и пр.; также: *старяцца* и пр.;

14. твёрдостью всех шипящих, в том числе и *щ*: *жыць*, *шыю*, *чыста*, *яшчэ* и пр.;

15. сочетанием *щ* (твёрдым) из старого *щс*: *шчука*; говоры с *щ* долгим твёрдым в таких случаях — переходные к ю.-в.-р.;

16. твёрдостью старого *с*: *канцы*, *жанцэ*;

17. переходом *dn* (из о.-сл. **dъn* и **dьn*) в *n* долгое: *анна́* „одна“, *иннём* „днём“; впрочем, известно и сочетание *dn*;

18. изменением *тс* (из *тъс* и *дъс*) после гласных в середине слова в *іс*: *малайцу́*, *айца* „отца“;

19. сохранением твёрдых задненёбных после мягких неслоговых звуков: *тройка*, *бацька*, *бяленька*, также *дочка* и пр.;

20. долгими согласными из сочетаний зубных в широком смысле (т. е. *d*, *t*, *l*, *n*, шипящих и свистящих) согласных *с j* или *і*, получившихся после утраты *ъ* и *ь* или *у* и *і* слабых (т. е. из о.-сл. сочетаний согласных с *ъj*, *ьj*, *uj*, *ij* или *ъі*, *ьі*, *уі*, *іі*); долгие согласные такого происхождения, кроме шипящих и, диалектически, *г* (обычно *гj* сохраняется) — мягки; диалектически известны и долгие мягкие губные из сочетаний губных с *j*; примеры: *наллю́*, *вяселля*, *карэння*, *свиння*, *калосься*, *згразью*, *судьдзя*, *жыцьцё*, *перра* и *перря* (обычно *перья*), *ноччу*, *збожжа*, *рыббя* (обычно *рыбья*) и пр.;

21. твёрдостью губных в конце слова и перед *j* (там, где сочетание губной с *j* не изменилось в долгую мягкую губную);

b) морфологическими:

22. сохранением звательной формы: *бра́ця*, *во́ўче*, *ко́ню*, *вну́чко*; впрочем, в с.-б.-р. зват. форма сохраняется не везде;

23. сохранением *i* в *dat. loc. sg.* имён на *-a* и в *loc. sg.* м. и п. с основами на мягкие: *зямлí*, *дзяжы́*;

24. сохранением свистящих перед ё падежных окончаний у имён с основой на задненёбную: руцэ, сасэ, на дарóзи;

25. распространением формы loc. sg. на -и на имена мужского и среднего рода независимо от характера ударения: у мяшкú, на кóнику, на каню́, у пáльцу, у дзёхцю, у пóлю;

26. отсутствием пом. pl. на -а́ от имён несреднего рода: лясы́, гырады́, бирагí, гла́зы;

27. окончанием -у в пом. pl. всех имён существительных с основой на твёрдую при ударении на основе: вароты, вокны, сёлы, дрóвы и пр.;

28. употреблением старой формы gen. pl. в значении асс. только от имён лиц, преимущественно, мужского рода, но не животных: братóў, но валы́, и возможностью употребления старой формы пом. асс. pl. в применении к именам лиц женского пола: хвалю жанкé и пр.;

29. употреблением в gen. sg. местоимений и прилагательных мужского и среднего рода только окончания -оho (с соответствующими фонетическими изменениями о без ударения): кагб́, майгó, злóга, дóбрага и пр.;

30. формами gen.-асс. sg. личных местоимений и возвратного на е: мянэ́, цябэ́, сябэ́;

31. образованием косвенных падежей числительных по склонению существительных в pl.: пяцёх, пяцём, пяцьма и пр.;

32. употреблением при пом. числительных 2—4 формы пом. pl. существительных мужского рода: два сталы́ и т. п.;

33. неупотребительностью особых предикативных (т. е. кратких или бесчленных) форм прилагательных;

34. сохранением архаичных форм 2 sg. нетематических глаголов яси́, даси́;

35. мягким ć (из t) в 3 лице обоих чисел глаголов: идзець, спиць, ходзюць;

36. заменой старых свистящих шипящими перед окончаниями imp. у глаголов с основой на задненёбные; пячы, памажы́;

37. стабилизацией возвратной частицы ся непосредственно после глагола и слиянием её с глаголом в одно слово;

38. сохранением инфинитивов на -ći (из -ti) при более частых инфинитивах на ć (t) и инфинитивов на -ёу, поскольку они

не заменены новообразованиями на -кѣу, -хѣу и -кѣі, -хѣі: пячѣ, пякчѣ, берахчѣ и пякци, берахци, рядом с' менее употребительными инфинитивами на -ѣ;

39. сохранением старых форм sg. существительных с основой на -ѣt: цилѣя (или цялѣя) — цилѣци (цялѣци) и пр.;

40. некоторыми особенностями в ударении: а) тенденцией к сохранению ударения на существительном, при сочетании последнего с предлогом: на вѣз, на гарѣ; б) ударением на окончании в асс. sg. имён на -а со старым подвижным ударением: рукѣ, зямлю, гылавѣ и пр.; впрочем, в ю.-б.-р. известны кое-где те же формы и с ударением на основе; в) сохранением форм 2 pl. глаголов с ударением на конце: спицѣ или спицѣ и т. п.

§ 71. Главнейшие диалектические различия в б.-р. говорах:

а) фонетические: .

1. Аканье. По различию в характере аканья б.-р. язык распадается на две диалектические группы — а) сев.-вост. („с.-б.-р.“) с аканьем диссимилятивным, и б) югозап. („ю.-б.-р.“) с аканьем недиссимилятивным (т. е. с отсутствием диссимилятивности как в произношении гласных после твёрдых, так и в произношении гласных после мягких). В большей части говоров группы а) диссимилятивное аканье одного типа, отличного от ю.-в.-р. типов диссимилятивного аканья: непосредственно перед ударением гласные, отличные от а, являются только перед слогом с ударяемым а; перед слогом с остальными ударяемыми гласными — только а: вазѣк, пясѣк, бяръза, на санѣх, вядзець, дзярэўня и пр., но: выдѣ, галывѣ, висна и пр., и только в немногих говорах на сев., по соседству со ср.-в.-р. говорами Псковской губ. и на вост., по соседству с ю.-в.-р. говорами, встречается аканье, близкое к аканью Суджанского типа. Во всех говорах группы а) после мягких и в начале слова перед слогом с ударяемым а произносится і или звуки близкие к і (в записях везде „и“); после твёрдых по большей части — у или звуки близкие к у (в записях, обычно — „ы“); но в части говоров той же группы, главным образом на зап., — звуки, передаваемые записывателями народной речи и наблюдателями буквой „а“; возможно, что в этих говорах, как и в ю.-в.-р. говорах с диссимилятивным аканьем,

гласная перед слогом с ударяемым а частью совпала с а, частью отличается от а, произносимого перед слогом с другими ударяемыми гласными, но произносится с пониженно-средней артикуляцией и потому воспринимается наблюдателями, как а. В говорах группы б), кроме небольшой части екающих говоров Гродненской губ., яканье сильное. Вместе с тем почти во всех их в слогах, непредшествующих непосредственно ударению, безударное о совпало с а не во всех случаях и при известных условиях, чаще после ударения, сохраняется, как о, или заменяется звуком и (последнее только в некоторых окончаниях: золот^оя, бѣлог^а, п^оводам, пах^одом, зѣлляйк^о, зелѣнаг^о, н^ашум loc. sg. ш., пад гру^ушкой, у н^овуй х^аци, м^аткую instr. sg.

2. В ю.-зап. говорах б.-р. языка из ё и, при известных условиях, из е и о получились под ударением т. наз. „дифтонги“, точнее, гласные неоднородной артикуляции, именно, из ё и из е, не изменявшегося в о, — ¹е, а из о и е, изменявшегося в о, — ²о. Условием изменения е и о ударяемых в „дифтонги“ было положение их в новых закрытых слогах: пнэч, нюос, суоль и т. п., а для ²о из о, может быть, и происхождение из старого акутованного о: русочка, варуона, живуога, дачкуою и пр.; ²о такого происхождения, повидимому, встречается много реже и непоследовательно. Безударное ё совпало с безударным е, а безударные е и о в новых закрытых слогах с теми же гласными в других положениях, и только в некоторых падежных окончаниях из о в новых закрытых слогах в этих говорах является и. В остальных говорах ё ударяемое совпало с ударяемым е, а гласные из ударяемых е и о в новых закрытых слогах не отличаются от тех же гласных в остальных положениях, точно также, как и о из старого о акутованного не отличается от о другого происхождения. Граница между говорами с „дифтонгами“ и говорами без них, повидимому, некогда более или менее совпадала с границей между диссимилятивным и недиссимилятивным аканьем: самые северные записи, указывающие на „дифтонги“, относятся к уездам, через которые проходит граница диссимил. в недиссимил. аканья (Свендянскому и Борисовскому), причём в Борисовском у. „дифтонги“ отмечены в говоре с диссимилятивным

яканьем. Но вообще теперь северная граница дифтонгов, по Карскому, проходит южнее.

3. В небольшой группе говоров в ю.-зап. части б.-р. территории сочетание ац изменилось в оц: троўка „травка“ и т. п.; граница этого явления не совпадает с назв. выше границами, но почти вся проходит по территории говоров, определяемых другими чертами, как ю.-б.-р.

4. На ю.-зап. б.-р. области, в говорах части б. Гродненской губ., перед начальным а и, частью, перед начальными о и у является придыхание h; в сев.-вост. части начальное h только из о.-сл. g, а также в словах гуж и гусеница (ср. в.-р. гуж и гусеница), в междометиях (га, гой, гей) и в указательных местоименных словах, начинающихся с частицы he: гэный, гэтый, гэтак, гэдак, гэстый, гэлико, где начальное h могло быть о.-сл. происхождения; ¹⁾ в остальных случаях в с.-б.-р. придыхание отсутствует, а перед начальными о и у является v.

5. В зап. части б.-р. территории, по соседству с польским языком, вм. долгих мягких зубных из сочетаний зубных с j являются краткие: вясэля и пр.; эта черта, повидимому, не органическая, а вызвана польским влиянием.

6. В части говоров как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. из сочетаний г и губных с j получились долгие г (частью твёрдое, частью мягкое) и мягкие губные: перра и перря, рыба́бья и пр.; в бо́льшей части говоров сохраняются гj и сочетания твёрдых губных с j: перъя, рыба́ья.

7. В ю.-зап. части б.-р. говоров известно только твёрдое г; в сев.-вост. встречается и ģ мягкое, но непоследовательно; в части таких говоров г твёрдое и мягкое вообще различается этимологически правильно, но не во всех случаях: в тех же говорах известно и г твёрдое вм. старого ģ мягкого и наоборот; в части говоров преобладает произношение с г твёрдым, но встречаются более или менее многочисленные случаи с г мягким как на месте старого г мягкого, так и на месте старого г твёрдого. Граница между говорами с исключительным употреблением

¹⁾ Впрочем, по Бузук (Да характарыстыкі паўночна беларускіх дыялектаў, стр. 7—8), бо́льшая часть с.-б.-р. говоров знает только произношение еты́й (iétyi) и пр.

г твёрдого и говорами, знающими и г мягкое, проходит северо-восточнее границы диссимилятивного и недиссимилятивного аканья, деля территорию диссимилятивного аканья на две почти равные части: югозап., с исключительным употреблением г твёрдого, и сев.-вост., с обоими видами г.

8. В значительной части б.-р. говоров, как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. *l* мягкое отвердело перед твёрдыми *p* и *s*: болна, палцы и т. п.; впрочем, в тех же записях, в которых отмечается это явление, есть и указания на мягкое произношение *l* в тех же положениях; на вост., в Смоленской, Калужской и Орловской губ., твёрдое *l* перед *p* и *s* может рассматриваться, как один из признаков принадлежности говора к б.-р., а не ю.-в.-р. Не отмечено *l* в подобных случаях в с.-б.-р. цокающих говорах и во всех говорах Витебской губ.

9. В сев. уездах Витебской и Смоленской губ. отмечено цоканье, т. е. совпадение старых *e* и *ě* в одном звуке (твёрдом); в части этих говоров наблюдается смешение *e* и *ě*. В большей части б.-р. говоров, как ю.-б.-р. так и с.-б.-р., *e* и *ě* различаются этимологически правильно.

10. В части ю.-б.-р. говоров в *dat. sg.* имён лиц и животных мужского пола может являться окончание *-ovi*: Данилави, жерабцови и пр.; в остальных говорах как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. в *dat. sg.* всех имён муж. р. является только окончание *-u*.

11. В ю.-зап. части б.-р. говоров употребление формы *gen. sg.* от имён неодушевленных предметов мужского рода в значении *acc. sg.* чаще, чем в сев. и вост. части; обычно такое употребление, между прочим, у имён деревьев (в с.-б.-р., как и в ю.-в.-р., только от названий грибов): сцяў дуба и т. п.

12. В ю.-б.-р. говорах обычны формы *nom. pl.* на *-ě* от имён существительных мужского и женского рода с основами на мягкие: канѣ, зямлѣ и пр., а по аналогии с ними и от основ на твёрдые, причём зубные и губные перед таким *ě* не смягчаются, а заднеязычные не заменяются свистящими: валѣ, галубѣ, жанцѣ, мужыкѣ, жанкѣ, дзяўкѣ (или: валыэ, жанкiе и т. п.); в с.-б.-р. *nom. pl.* существительных мужского и женского рода может оканчиваться только на *-y*, *-i* (кроме таких случаев, как мищаня и т. п.).

13. В instr. pl. в сев. уездах Витебской и Смоленской губ., там же, где имеется цоканье, является окончание -ш: с рукам и пр.; в немногих ю.-б.-р. говорах — окончание -шу; в остальных как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. — только ші: дрывами, руками, сталами, сяньми, слязьми и пр.

14. При числительных две, обе, обеде, тры, чатыры в пом. от имён женского и среднего рода в ю.-зап. части б.-р. говоров употребляются формы на -ё: дзве руце, тры бядэ, чатыры сялё; в с.-б.-р. — формы пом. pl., но с ударением gen. sg.: дзве рукі, два сялы и т. п.

15. Числительные два и оба в пом. при именах среднего рода имеют в ю.-б.-р. говорах форму давэ, вобе, в с.-б.-р. — два, воба.

16. Nom. sg. м. прилаг. в с.-б.-р. оканчивается на -уі, іі (в части с.-б.-р. говоров -еі, см. п. 18), в ю.-б.-р. — на -у, і: стары, сіни.

17. Loc. sg. м. и п. прилагательных в с.-б.-р. оканчивается на -уш или -іш, т. е. совпал с instr. sg.: ў чыстым полю, на чужым двару; в ю.-б.-р. в этой форме является ^ош (в говорах, утративших т. наз. дифтонги, -ош) под ударением и -иш (реже -аш, -ош) без ударения.

18. В с.-б.-р. употребляются падежные формы от существительных и прилагательных с основами на твёрдые согласные с гласной е перед і в окончаниях, причём согласные, кроме задненёбных, перед таким е твёрды; такое е является в окончаниях instr. sg. f. сущ.: бабэй и пр., в nom. sg. м. прилаг.: сляпэй, другей, такей, глухей, в gen.-dat.-instr. sg. f. прилаг.: старэй, дурнэй и пр. и в nom. pl. прилаг.: старэя, любэя и пр.; в ю.-б.-р. такие формы не употребительны.

19. В 1 sg. глаголов 2-го тематич. спр. (с гласной і) с основой на д перед окончанием в ю.-б.-р. говорах является аффриката д̣ж̣, в большей части с.-б.-р. — ж̣: виджу и вижу и т. п.

20. С.-б.-р. говорам не известны формы 3 sg. глаголов без окончания -с̣; в ю.-б.-р. употребляются как формы с окончанием -с̣, так и формы без окончания; последние — только у невозвратных глаголов 1-го тематического спряжения (с гласной е),

а у глаголов 2-го тематич. спр. при ударении на основе: любя, гаво́ра и пр.

21. В 1 pl. глаголов с.-б.-р. говоры имеют окончание -еш или -ош в 1-м тематическом спряжении при ударении на окончании, -іш у остальных глаголов, причём согласные, кроме г и шипящих перед такими окончаниями мягки: идзём, нясём, грабём, бяро́м, пяхом, носим, ляжым, станім, дадзі́м и пр.; в ю.-б.-р. говорах может являться также окончание -шо или -ша (в ind. редко): нóсимо (нóсима) и пр., а перед ош в 1 pl. глаголов 1-го тематич. спр. согласные обычно твёрды: идом, нясом, живом, магом. Впрочем, формы типа идом встречаются и в с.-б.-р. говорах даже по соседству с ю.-в.-р.

22. В ю.-б.-р. говорах распространены формы 1 pl. imp. на -шо от глаголов, у которых конечное і во 2 sg. imp. отпало; окончание -шо у таких глаголов присоединяется непосредственно к форме 2 sg. imp.: сядзьмо, бяга́ймо; в с.-б.-р. подобные формы не известны.

23. В окончаниях 1 и 2 pl. imp. глаголов как 1-го, так и 2-го тематич. спр. при ударении на окончании в ю.-б.-р. говорах является ё: нясём, нясёця, хвалём, хвалёце; в с.-б.-р. в окончании 2 pl. і: нясіця, хваліця.

24. Во 2 pl. глаголов при ударении на конце в ю.-б.-р. обыкновенно произносится е, в с.-б.-р. о: ю.-б.-р. спице́, с.-б.-р. спице́.

25. 3 sg. глаг. „быть“ в с.-б.-р. говорах произносится с гласною о: ёсь[ць], ё, в ю.-б.-р. — с гласною е: есь[ць], е.

26. Будущее время в ю.-б.-р. может образовываться не только с глаголом буду, но и с глаголом му, сливающимся с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: хадзиць му, нясцимеш и пр.; в с.-б.-р. обычные формы с буду и лишь изредка встречаются образования с глаголом маю.

27. В ю. части б.-р. говоров, на юг от Гродна, Новогрудка, Слуцка и Речицы, у т. наз. сакунов, возвратная частица ся произносится с твёрдым в: баю́са, смяя́ўса, в остальных говорах — с мягким: баюся, смяяўся.

§ 72. Названные диалектические различия позволяют разделить б.-р. язык на две группы говоров или два наречия, от-

личающиеся друга от друга рядом черт: наречие с.-б.-р., занимающее сев. и вост. части б.-р. территории, и ю.-б.-р., занимающее ю.-зап. часть той же территории. С.-б.-р. характеризуется, между прочим, следующими чертами: 1. диссимилятивным аканьем (1), 2. отсутствием т. наз. „дифтонгов“ (2), 3. отсутствием нового придыхания перед начальными гласными (4), 4. отсутствием пом. pl. существительных на -é (12), 5. отсутствием форм на ё при пом. числит. две (14), 6. пом. два при именах среднего рода (15), 7. окончаниями -y_i, -e_i, i_i в пом. sg. m. прилагательных (16), 8. совпадением loc. и instr. sg. m. прилаг. (17), 9. наличием падежных окончаний -e_i, -əi, -eja после твёрдых согласных (18), 10. произношением *ž* перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематич. спр. с основой на d (19), 11. отсутствием формы 3 sg. ind. глаголов без -é (-f) (20), 12. отсутствием окончания 1 pl. ind. и imp. -шо (21, 22,), 13. формами 2 pl. imp. на -ісе (23), 14. звуком о в окончании 2 pl. глаголов при ударении на конце (24), 15. звуком о в глаг. ёсь[цъ] (25), 16. отсутствием образований fut. с глаголом м у (26) и некоторыми другими чертами.

Сев.-вост. говорам названной группы свойственны также следующие черты, неизвестные ю.-б.-р. говорам: 17. наличие г мягкого (7), 18. цоканье (9), 19. instr. pl. на -m (13).

§ 73. Ю.-б.-р. наречие характеризуется 1. аканьем недиссимилятивным, по большей части с сильным яканьем (1), 2. сохранением безударного о или заменой его и в известных условиях после ударения (1), 3. т. наз. „дифтонгами“ (2), 4. отсутствием мягкого г (7), 5. отсутствием цоканья (9), 6. образованием пом. pl. на -ё (т. е. *iē*, *yē*) с сохранением твёрдых и нёбных согласных у осцов на твёрдые (12), 7. формами на ё при пом. числит. двѣ (14), 8. пом. двѣ и пр. при именах среднего рода (15), 9. окончаниями -у, -і в пом. sg. m. прилагательных (16), 10. отсутствием совпадения loc. и instr. sg. m. прилагательных (17), 11. отсутствием падежных окончаний e_i, eja после твёрдых (18), 12. произношением *đž* перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематич. спр. с основой на -d- (19), 13. наличием форм 3 sg. ind. глаголов без окончания -é (-f) (20), 14. наличием окончания -шо (без ударения также -ша) в 1 pl. глаголов, наряду с окончанием -m (21, 22), 15. формами 1 и 2 pl. imp. на -ём, -ёсе (23),

15. звуком е в окончании 2 pl. глаголов при удареии на конце (24), 16. звуком е в глаг. есь[ць], е (25), 16. употреблением образований fut. с глаголом му (26) и некоторыми другими чертами.

Только в говорах этой группы встречается оц вм. ац (3), придыхание перед начальными гласными (4) и твёрдое з в возвратной частице (27).

§ 74. Границы явлений, свойственных той или другой группе, не совпадают, но тем не менее обе группы выделяются довольно отчётливо. По поводу несовпадения границ ср. выше замечания о границах диалектических групп в с.-в.-р. и ю.-в.-р. Впрочем, границы между с.-б.-р. и ю.-б.-р. более отчётливы, чем между различными группами говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р., что отчасти объясняется тем, что на б.-р. территории переселения не играли такой большой роли, как на в.-р. территории, и что крестьянское население на б.-р. территории и в социальном отношении было издавна однороднее, чем на в.-р.

Не стоят в связи с делением б.-р. языка на наречия с.-б.-р. и ю.-б.-р. только немногие черты, как 5 (полонизм), 6, 8.

§ 75. Древнейшие памятники, писанные в сев.-вост. части нынешней б.-р. территории, относятся к 1-ой половине XIII в. В них, кроме старых черт, обще-б.-р. (§ 70): 2, 15, 19, 22, 23, 24, 26, 29, 30, 34, 35 (— „ть“), 38, 39 и с.-б.-р. (§ 72): 7, 10, 11 и сохранения различия между г твёрдым и мягким, имеется также замена „въ“ и „вь“ через „оу“ и смешение „ц“ и „ч“. Старшие памятники, несомненно писанные в ю.-зап. части нынешней территории б.-р. языка, относятся к XIV в. В них нет смешения „ц“ и „ч“, но есть „оу“ вм. „въ“ и „вь“, указания на отвердение г мягкого а также мягких губных перед j и в конце слова, передача g в литовских именах через „кг“, указывающая на то, что буква „г“ имела другое значение, и формы 1 pl. глаголов на — „мо“. Указания на отвердение г мягкого имеются и в письменных памятниках того же времени с сев.-вост. части б.-р. территории. Указания на аканье попадают в зап.-русских памятниках, начиная со 2-ой полов. XIV в. Ясных указаний на т. наз. „дифтонги“ из ё, о, е древнейшие зап.-р. памятники не дают, хотя можно думать, основываясь на показаниях ю.-р. памятников XII в., что и в ю.-зап. части зап.-р. наречия такие

„дифтонги“ существовали еще до появления старших зап.-р. памятников. Но Смоленские и Полоцкие грамоты XIII в., совершенно не различающие по значению букв „ѣ“ и „е“, может быть, говорят о совпадении старого ѣ с е, что равнялось бы указанию на отсутствие дифтонгов¹⁾ в сев. говорах зап.-р. наречия. Остальные характерные черты б.-р. языка и его говоров засвидетельствованы памятниками не раньше XV в. и вряд ли много старше этого времени.

§ 76. В.-р. язык в целом (§ 70) совпадает со всем в.-р. только чертами 4, 12 и 13; совпадений со всем с.-в.-р. наречием по чертам, отсутствующим в ю.-в.-р., в нём нет, но есть ряд совпадений с той или другой частью с.-в.-р. говоров: а) с сев. и вост. говорами он совпадает по чертам 17, 34, 38 и 40 с; черты 34, 38 и 40 с — архаизмы, общие б.-р. языку и с м.-р., черта 17 — новообразование, неизвестное другим русским языкам и диалектам; б) с сев. говорами — по чертам 19 и 29; обе — архаизмы, общие б.-р. языку с м.-р., а первая и с ю.-в.-р.; в) с вост. говорами — по чертам 8, 9, 21; все три — новообразования, общие б.-р. языку и с м.-р., а частью и с зап. говорами ю.-в.-р.; д) с разными с.-в.-р. говорами по чертам 7, 10, 15, 16, 20 (Сибирь), 31; черта 16 является общей б.-р. языку и с ю.-в.-р., а 15, 20 и 31 — с м.-р.; можно заметить, что черта 15, кроме того, представляет архаизм, и что в с.-в.-р. говорах, сохраняющих ѣщ, это сочетание мягко; черта 10 является новообразованием, общим б.-р. языку с некоторыми цокающими или шепелявящими с.-в.-р. говорами в разных частях с.-в.-р. области, наиболее частым в её западной части.

§ 77. Со всем ю.-в.-р. или его архаичными говорами б.-р. сближается по чертам 1, 11 (в смысле фриктивности согласной из о.-сл. g), 16, 25, 27, 29, 30, 35, 40 а и 40 б. Из этих черт 1, 27, 40 а и 40 б общи ему только с ю.-в.-р., 16 также с частью с.-в.-р. говоров, 11, 25, 29 и 30 — с м.-р. и 35 — с вост.-м.-р. (в ю.-в.-р. и м.-р., конечно, не -с', а -t). Архаизмами, т. е. сох-

¹⁾ Возможно, однако, и то, что „ѣ“ и „е“ смешивались только потому, что обозначаемые этими буквами звуки совпали лишь в положении без ударения, а кроме того е прозносилось и под ударением в некоторых случаях, где полагалось писать „ѣ“.

ранением о.-сл. старины, являются черты 29 и 30, а также 35, поскольку о.-сл. *ть с ь* слабым во всех русских языках дало фонетически *t̃* (откуда б.-р. *ć*). Остальные — новообразования.

С зап. говорами ю.-в.-р. наречия б.-р. сближается чертой 8, общей ему также с м.-р. и восточными с.-в.-р. говорами.

§ 78. С м.-р. языком б.-р. совпадает по чертам 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 39, 40 с; из них с одним м.-р. по чертам 2, 3, 6, 20, 22, 24, 26, 28, 32, 36, 39, 40 с и отчасти 11 (в ю.-в.-р. о.-сл. *g* перешло в *γ*, но не изменилось в придыхание); часть таких совпадений относится к архаизмам, утраченным в в.-р. и свидетельствует только о явлениях, пережитых всеми в.-р. говорами и не затронувших б.-р. и м.-р., но не говорит прямо об их единстве; это — совпадения по чертам 2, 15, 22, 24, 26, 39; общими с м.-р. новообразованиями являются 3, 6, 20, 28, 31, 32, 36 и, до известной степени, 11 (переход $\gamma > h$). Об остальных чертах см. выше.

С частью (в некоторых случаях с большей) м.-р. говоров б.-р. совпадает также по чертам 7, 13, 14, 35, 37, 38; из них 37 — новообразование, общее б.-р. с в.-р. и с полесскими и вост.-укр. говорами м.-р., 7, 13 и 14 — новообразования, общие б.-р. языку только с частью м.-р. говоров (в в.-р. шипящая *š* — мягкая везде, где не возникла вторично на месте твёрдого *s*), и 35 и 38 — архаизмы, сохранённые в 1-м случае ю.-в.-р., во 2-м — частью с. в.-р. говоров.

§ 79. Совпадения б.-р. с в.-р. в целом являются несомненно результатом общего процесса, пережитого и б.-р. и в.-р.

Из совпадений с с.-в.-р. говорами 15, 19, 29, 34, 38, как архаизмы, на связь с с.-в.-р. говорами не указывают; совпадения с Восточной группой с.-в.-р. говоров по чертам 8, 9 и 21 являются результатом одинаковых процессов, пережитых б.-р. и м.-р. языками с одной стороны и Восточной группой с.-в.-р. говоров с другой. Эти черты стоят в органической связи между собой, а потому одновременное появление их всех в совокупности в разных говорах не говорит еще об общей жизни этих говоров. Что касается черт 10 и 17, представляющих новообразования, неизвестные ю.-в.-р. и м.-р., то они могли развиваться в б.-р. и неза-

висимо от с.-в.-р., но не исключена возможность и генетической связи между этими явлениями в с.-в.-р. и б.-р., ср. ниже ряд черт с.-б.-р. наречия, общих ему с с.-в.-р. говорами.

§ 80. Новообразования, общие б.-р. языку с ю.-в.-р., все свидетельствуют об их общей жизни в прошлом, относясь к двум эпохам: эпохе общей жизни б.-р. с ю.-в.-р. и м.-р. (черта 11) и эпохе общей жизни б.-р. только с ю.-в.-р. (черты 1, 16, 40 а, 40 б и, может быть, 27). См. выше, о ю.-в.-р.

Новообразования, общие б.-р. языку с м.-р. и отсутствующие в других русских языках и наречиях, безусловно являются результатом общей жизни этих языков по отделении их от в.-р.

§ 81. С.-б.-р. наречие (§ 72) сближается со всем в.-р. по чертам 3, 4, 5, 6, 7, 12 и 13, а также 2, поскольку в нём нет „дифтонгов“ из е и о в новых закрытых слогах, и 10, поскольку нет форм 1 sg. на -džu от глаголов с основами 'на d. Сев.-вост. говоры с.-б.-р. наречия сближаются с в.-р. и наличием ġ мягкого (17). Во всех случаях, кроме 4, 5 и 6, мы имеем дело лишь с отсутствием новообразований, общих ю.-б.-р. с м.-р., что не указывает само по себе на ближайшую связь с.-б.-р. с в.-р., а только на отсутствие подобной связи в данных случаях с ю.-б.-р. и м.-р. Черта 4 представляет общую с.-б.-р. с в.-р. утрату старых форм пом. pl. на ě от основ на мягкие и общее ему с в.-р. и м.-р. отсутствие форм пом. pl. на ě (ŷe, e) после твёрдых, известных только ю.-б.-р.

Со значительной частью в.-р. говоров как северных, так и южных с.-б.-р. сближается отсутствием т. наз. дифтонгического произношения ě и совпадением ě с е как без ударения, так и под ударением, а также отсутствием ^uo из старого ударяемого о с интонацией акута, известного ю.-б.-р. наречию. Мы не располагаем такими данными, которые позволяли бы нам утверждать с полной уверенностью, что отсутствие ^uo из акутованного о в с.-б.-р. является результатом утраты такого произношения, а не представляет исконной черты этого наречия, но относительно ě имеем достаточные основания предполагать, что дифтонгическое произношение ě было некогда обще всему русскому языку, и отсутствие его в с.-б.-р. есть результат его позднейшей утраты, которая могла произойти в нём независимо от в.-р., но может рассматриваться и как факт общей жизни с.-б.-р. с западными

в.-р. говорами, сохранившими как раз меньше всего следов первоначальных дифтонгов.

§ 82. Общих со всем с.-в.-р. новообразований в с.-б.-р. нет. Со значительной частью с.-в.-р. говоров с.-б.-р. наречие сближается чертой 8 (loc. sg. m. прилаг. = instr. sg.), с восточными — чертой 13 (2 pl. на -fo) и с разными (Олон., Влад.-Поволж.) — чертой 9. Северные говоры сближаются с большей частью с.-в.-р. цоканьем (18) и instr. pl. = dat. pl. (19). Так как последние две черты несомненно представляют результат общей жизни с.-б.-р. и с.-в.-р. говоров в прошлом, и так как есть данные, указывающие на то, что ю. граница цоканья в б.-р. области ранее была много южнее, можно думать, что и формы loc. sg. прилаг. = instr. sg. являются результатом той же общей жизни.

§ 83. С ю.-в.-р. в целом с.-б.-р. наречие общих черт, отсутствующих в ю.-б.-р., не представляет; с зап. говорами ю.-в.-р. наречия сближается диссимилятивным яканьем и произношением *i* из предударных *a*, *e*, *ě*, *ь* после мягких перед слогом с *a*; можно заметить, что все ю.-в.-р. говоры с аканьем такого типа знают общее с б.-р. изменение о.-сл. *wъ* > *u*, тогда как говоры с *v* и *f* в этом случае имеют аканье недиссимилятивное. Совпадение с.-б.-р. наречия с западными ю.-в.-р. говорами по характеру аканья указывает на ближайшую связь между ними в эпоху образования аканья в б.-р.

§ 84. С м.-р. совпадений, не имеющих в ю.-б.-р. наречии, с.-б.-р. не представляет.

§ 85. Ю.-б.-р. наречие (§ 73) совпадает с теми или другими в.-р. говорами вообще только теми чертами, которые общи ему с м.-р., кроме одной — *о* из о.-сл. *o* под ударением с интонацией акута. В м.-р. *о* такого происхождения нет; трудно допустить, чтобы оно возникло в ю.-б.-р. независимо; против этого говорит как характер ю.-б.-р. наречия, не имеющего таких черт, которые не были бы ему общими с с.-м.-р. или с.-б.-р., так и непоследовательность в употреблении такого *о*, являющегося не во всех случаях, где его следовало бы ждать, что может указывать на неорганичность его в ю.-б.-р. Связь ю.-б.-р. по этой черте с в.-р. представляется очень вероятной, но непосредственной связи с в.-р. или его говорами в других случаях ю.-б.-р.

не представляет. Поэтому можно думать, что ^о из акутованного ^о было некогда известно и с.-б.-р. наречию, но потом было в нём утрачено, как утрачено и ^іе из ^ё, может быть, одновременно с утратой таких гласных и в соседних в.-р. говорах.

Ближайшая связь ю.-б.-р. наречия с м.-р. сомнению не подлежит.

Совпадение части ю.-б.-р. говоров со многими с.-в.-р. говорами по произношению в твёрдого в возвратных глаголах случайно.

§ 86. Отвердение *l* перед *n* и *s* в большей части б.-р. говоров как северных, так и южных, — черта, общая им с одной стороны с Северной и Восточной группами с.-в.-р. говоров, где такое отвердение наблюдается с главным образом перед *n*, *s* и *š*, причём *l* такого происхождения в говорах Восточной группы, где старое *l* изменилось в *u* неслоговое, сохраняется без перехода в *u*, как и в б.-р., с другой стороны — с м.-р., где в таком положении *l* не мягкое, а среднее, одинаковое с *l* перед гласными из старых *e* и *i*. Вероятнее всего, что б.-р. отвердение *l* перед *n* и *s* стоит в органической связи с аналогичным явлением или в м.-р. или в с.-в.-р. Не исключена и возможность самостоятельного развития этой черты в б.-р.

§ 87. О совпадениях б.-р. (§ 70) с другими славянскими языками, общих ему с в.-р. или отдельными наречиями в.-р. языка, см. выше, § 50, 61, 68 Совпадения, общие с м.-р. языком, будут рассмотрены ниже. Здесь отмечу совпадения по чертам, неизвестным другим русским языкам или известным им только диалектически. По черте 10 б.-р. язык сближается с лехитскими и лужицкими языками, по чертам 14 и 18 — с польским и по черте 7 — с н.-луж. и каш. и отчасти с разговорным чеш. и большей частью говоров польского языка, где *v* развилось только перед начальным *o*; из этих черт 10 известна и с.-в.-р. говорам а 14 — м.-р. Ср. совпадения б.-р. с польским и, частью другими зап.-сл. языками, общие ему с в.-р. или одним из в.-р. наречий (4, 12, 16 и др.) или с м.-р. (6, 21, 25, 28, 36 и др.), а также совпадение со значительной частью говоров польского и других слав. языков, общее ему с м.-р., по черте 9.

С.-б.-р. наречие (§ 72) представляет некоторые совпадения с лехитскими или вообще зап.-сл. языками, общие ему с частью в.-р.

говоров, именно: чертой 8, общей ему со значительной частью с.-в.-р. говоров, оно совпадает с лехитскими и верхнелужицким языками, чертой 9, известной также части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров — с зап.-сл. языками вообще, поскольку в них различаются согласные твёрдые и мягкие перед е, чертой 18 (цоканьем) — с мазуракающими польскими говорами.

Ю.-б.-р. (§ 73) совпадает со всеми остальными слав. языками, кроме русских, окончанием *pot. sg.* прилаг. -у, і (известным впрочем и говорам м.-р.) и с польским отсутствием мягкого г.

Цоканье, может быть, представляет следы еще доисторической связи сев.-русских говоров с соседними зап.-сл. языками. Остальные случаи совпадения с лехитскими языками, свойственные только б.-р., могли быть вызваны польским влиянием. Польским же влиянием в б.-р. могут объясняться и некоторые черты, общие ему с частью в.-р. говоров, как с.-б.-р. 8 и 9; в таком случае остаётся неясным их отношение к аналогичным явлениям в.-р. говоров.

§ 88. Между областью южновеликорусского наречия и белорусского языка расположена широкая полоса говоров переходных на б.-р. основе к ю.-в.-р. Характерная черта их — присутствие некоторых фонетических и морфологических черт, несвойственных чистым б.-р. говорам; таковы — диссимилятивное аканье суджанского типа, а также яканье диссимилятивно умеренное и умеренное, мягкое ě, долгое ѣ вм. ѣě, к мягкое после мягких неслоговых и т. д. При этом аканье диссимилятивное Суджанского типа, развившееся на б.-р. почве, представляет известные отличия от того же типа аканья в ю.-в.-р. говорах; б.-р. говоры, усвоившие мягкое к после мягких неслоговых, обыкновенно сохраняют его после ě и т. д. Точное разграничение между говорами чистыми б.-р. и переходными с одной стороны, переходными на б.-р. основе и ю.-в.-р. с другой — затруднительно.

Малорусский язык.

§ 89. Черты общемалорусские.

1. о и е старые в новых закрытых слогах дали — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в некоторых окончаниях, в других и без ударения — гласные, отличные от

о и е в других положениях или из старых ъ и ь: укр. ніс, збіжжя, слів (gen. pl.), лід, сіл (gen. pl.), полес. нӯс, збӯожже, слӯов, люод, сӯол, карп.-р. нус, збужа, слув, или нїс, збїжа, слїв, люд, скул, укр. и карп.-р. ячмінь, полес. ячмієнь и т. п., но везде: носа, слово, леду, села (пош. pl.), ячменя, также: сон, гвоздок, овес, конець и пр., где о, е из ъ, ь.

2. Старые е и ь сильно изменились фонетически в о перед твёрдыми только после шипящих, а также в тех немногих случаях, когда предшествующая им нешипящая мягкая согласная почему либо не отвердела: жонатий, шостий, чобіт, щоби, йорж, сьомий, жовтий, шовк, чорний, копійок, льон, сльози. Ср. также изменение е в новых закрытых слогах перед твёрдыми в полес. и карп.-р. в те же округлённые гласные, какие получились и из старого о в том же положении, со смягчением предшествующих нешипящих согласных.

3. Из о.-сл. ё получились — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в конце слова в падежных окончаниях, в других независимо от ударения — гласные, отличные от е (именно, і или іе), со смягчением предшествующей согласной: укр. и карп.-р. сіно, місяць, полес. сієно, мієсець, ср. везде села, десять, овес, день.

4. О.-сл. у, і перед і сохранились без изменения в о, е, лишь с теми фонетическими изменениями, каким подверглись всякие у, і и в других положениях.: укр.: злий, мию, шия, пий, карп.-р. злыї, мью, шия, пий.

5. О.-сл. гъ, гь, ѣъ, ѣь между согласными в слабом положении дали сочетания отличные от го, ге, ѣо, ѣе: укр. дрива, кривавий, гримить, слиза, карп.-р. дырва, кырвавий и т. п.

6. и в начале слова в известных случаях подверглось редукции: ўмію, ўчити, ўмерла, а после гласных (как того же слова, так и в конце предыдущего слова) может становиться неслоговым: не вмію, на Вкраїні, навчитц и т. п.¹⁾

¹⁾ Буква „в“ в украинском правописании не перед гласными передает и неслоговое. Впрочем, в зап.-укр. и карп.-р. такое и неслоговое (или w) как из старого и, так и из старого w перед согласными может переходить в v (перед звонкими и сонорными) и f (перед глухими).

7. О.-сл. начальное *і*ь неударяемое в слабом положении или отпало: голка, грати, му 1 sg, маю, міти, предлог з и т. п., или редуцировалось и после гласной дало *і* неслоговое: не йде и т. п.; известны и случаи отпадения начального *і* старого: съкати „искать вшей.“

8. О.-сл. *wъ*, *wь* не после согласных дало *u*, слоговое (нередко редуцированное) в начале слова не после конечной гласной предыдущего слова в той же фразе, неслоговое в остальных случаях: *ўдова*, *ўхаті*, молода вдова, там удова ходила, як у воду впав, правда, волів.

9. *і* не перед гласными изменилось в *u* неслоговое; впрочем во многих морфологических категориях сохраняется в большей части говоров *і* (диалектически *l*), а именно — в конце слова в падежных формах существительных с основой на *і* и перед суфф. -*k*: *вовк*, *жовтий*, *прийшов* (f. *прийшла*) и пр., но *стіл*, *сіл* gen. pl., *голка*, *кілкі* gen. sg. (при диалектич. *стів*, *сів*, *говка* и пр.).

10. Из о.-сл. *g* получилось придыхание (*h*): *город*, *нога* и пр. = *hórod*, *nohá*.

11. Перед начальными гласными из старого *o* в новых закрытых слогах развилось *w*: *вівса*, *вівця*, *вікно*, *він* и пр. (овса, овца, окно, он); такое же *w* получилось и перед начальным *u*: *вухо*, *вулиця* и пр.; впрочем, существует и произношение с начальным *u*: *ухо*, *улиця*.

12. Согласные перед старыми *e* (из о.-сл. *e* и *ь*) и *i* и их фонетическими рефlekсами твёрды, в том числе и *s*, мягкое в остальных положениях, и *l*, *n*, *g* из о.-сл. *l*, *n*, *g* мягких: до него, з ним, поле и пр.

13. Губные почти всюду отвердели; мягкие губные являются, и то не во всех говорах, только перед *i* новым (из *ě* и т. наз. дифтонгов) *бідний*, *він*, а также перед *a* из о.-сл. *ę*, если ему предшествует согласная: *святій*, *різдвяний*, *червяк*, *тмяний* и др.; мягкие губные перед *a* из *ę* не после согласных, а также перед гласными из старого *e* в новых закрытых слогах в тех случаях, где это *e* не перешло в *i*, изменились в сочетания твёрдых губных с *j* либо (губные носовые не в начале слова перед *a*) с *l'* и (губная *m*) с *ń*: *п'ять*, *голуб'я*, *в'язати*, *де-*

рев'яний, жаб'ячий, м'ясо, сім'я (семя), солом'яний, жеребля, здоровля, деревляний, жаблячий, мясо, сімня, соломняний, с.-м.-р. п'юок, зав'юов, зам'юов, карп.-р. п'юк, зам'юв, ув'юв, м'юд и пр.; сочетание шj или ші является и перед u в dat. sg. п. на -шја (о.-сл. основ на -шен): ім'ю, сім'ю и т. п.

14. с вообще мягко и отвердело только во всех говорах перед старыми е, і (см. выше 12) и, диалектически, в немногих говорах, в конце слова и в суфф. -са.

15. О.-р. šč и ždž (из о.-сл. sk', skj, stj) сохраняются всюду, как šč, ždž, по твёрдости и мягкости однородные с остальными шипящими (т. е. в большей части говоров твёрдые во всех положениях, кроме положения перед і новым).

16. В.-р. сочетаниям зубных в широком смысле, кроме г, (т. е. d, t, n, l, s, z, š, ž, č) с j (из о.-сл. сочетаний „согласная + њі или њі“) соответствуют долгие в одних говорах, краткие в других мягкие зубные и шипящие; последние в этих случаях во многих говорах (не только там, где мягкие шипящие сохранились вообще) мягки, но в значительной части говоров отвердели, как и в других случаях: життя, груддя, насіння, весілля, колосся, полозя, збіжжя, обличчя, ніччю, роскішшю или збіжжа, обличча, ніччу, роскішшу и житя, грудя и пр.; в положении после согласных мягкие согласные и шипящие такого происхождения всюду кратки: щастя, смертю и т. д.

b) морфологические:

17. Сохранились старые звательные формы: чоловіче, синку, мамо и пр.

18. Сохранились свистящие согласные у имён с основой на задненёбные перед ě (т. е. ěe или ě) в падежных окончаниях: на руці, на нозі и т. п.

19. В loc. sg. м. и п. получили большое распространение формы на -ц, хотя в бóльшей части говоров такие формы употребительны менее, чем в ю.-в.-р. и б.-р. благодаря вытеснению их во многих случаях формами на -ові или -ові.

20. Сохранились пош.-асс. рl. на -ě от сущ. мужского

и женского рода с основами на мягкие: коні, землі, ножі, душі, с.-м.-р. песніе и т. п.

21. Gen. pl. в значении асс. pl. употребляется только от имён лиц мужского пола: синів, гостей, п'яниць, суддів и пр.; асс. pl. от имён животных совпадает с ном. pl.: волів, корови, свині и пр.; впрочем, в вост. говорах употребителен и gen. pl. в значении асс. pl. и от имён лиц женского пола: жінок, сестёр и пр., а частью и от названий животных: пасти волів, дойти коров и пр. Такие формы встречаются и в литературном языке, хотя новейшие писатели их вообще избегают.

22. Nom. pl. на а от имён мужского и женского рода отсутствует, кроме нескольких существительных мужского рода: вуса, рукава, хліба, вівса, очеретá и немногих др.

23. При ном. числит. 2, 3, 4 существительные мужского рода ставятся в ном. pl., но, по крайней мере в литературном укр., с ударением gen. sg.: два сини, чотири дворі и пр.

24. При тех же числит. от существительных женского и среднего рода а) употребляются формы на -ě: дві кни́жці, дві відрі и т. п.; но б) употребительны и формы, тождественные с в.-р.: дві кни́жки (удар. gen. sg.!), два відрá.

25. Числ. два, оба, обідва при существительных среднего рода имеют ту же форму, что и при сущ. женского рода, — на ě (i, ie), но употребляются и формы на -а; в связи с этим различием стоит и различие в форме существительных; см. 24.

26. В ном. и асс. sg. f. и п. и ном.-асс. pl. прилаг. бóльшая часть говоров знает только стяжённые формы на -а, -е и -ї или і; нестяж. формы sg. f. и pl. встречаются только в полесских говорах, а нестяж. формы sg. п., кроме того, также в карп.-р.

27. В gen. sg. m. и п. местоимений и прилагательных окончание oho: старого, синього, того и пр., с.-м.-р. и вост.-укр. його, всього и др.; в зап.-укр. есть и -eho, но только в местоименном склонении: его, сего, всего.

28. Gen.-асс. sg. личных местоимений и возвратного оканчивается на -е: мене, тебе, себе.

29. Dat.-loc. sg. личного местоим. 1-го лица — мені (с.-м.-р. меніе).

30. Косв. падежи числит. 5—80 имеют окончания -о х, -о ш, -ша: п'ять о́х, -ь о́м, -ь ма и т. д.

31. Глаголы с основой на задненёбные заменили их в личных формах *ind.* и свистящие в *imp.* шипящими: печу, печуть, печи, печім, печіть, ляжу, могу и пр., также: біжу, біжать и т. д.

32. В 3 *sg.* окончание *t*, мягкое в одних говорах, твёрдое в других имеют всюду только глаголы 2 тематического спряжения при ударении на окончании: стоіть, сидіть и пр., и нетематические глаголы їсти, дати и -вісти; отсутствует окончание -*t* только у невозвратных глаг. 1 тематич. спр.: иде, несе, знае; впрочем в некоторых говорах, между прочим у бойков (карп.-р.) обычны стяж. формы на -*at* от основ на -а: він ся пыта^т, сіда^т, заверта^т, схова^т и т. п.; возвр. глаголы 1 спр. имеют постоянно -*t* в тех говорах, где возвратная частица *ся* слилась с глаголом в одно слово: береться; в некоторых говорах известны и формы 3 *sg.* без -*t* от глаголов 2 спр. с ударением на основе: хóде, но везде: сидіть и т. п.

В 3 *pl.* всюду все глаголы имеют в окончании *t* мягкое или твёрдое (-*ut*, -*at*, или -*ut*, -*at*).

33. В 1 *pl. ind.* и *imp.* рядом с окончанием -ш известны и окончания с гласной после ш, именно, — окончание -шо — во всех говорах кроме карп.-р. и -ше в карп.-р.

34. В 1 и 2 *pl. imp.* перед согласными окончаний под ударением или после известных групп согласных является *ě* как у глаголов 1, так и у глаголов 2 спр.: несі́м, несі́ть, ході́м, ході́ть (полес. несі́ем и т. д.)

35. 2 *pl. imp.* оканчивается на -*te* после неслоговых звуков и на -*t* или *t* после *i*: іді́ть, ході́ть, бува́йте, ляже́те и пр.

§ 90. Диалектические явления малорусского языка.

1. По условиям, при которых гласные *o* и *e* в новых закрытых слогах и *ě* изменились в гласные, отличные от *o* и *e* другого происхождения (т. е. из *o* и *e* не в новых закрытых слогах и из *e* и *ě*), все м.-р. говоры распадаются на две группы: А говоры, в которых эти гласные подверглись такому изменению

только под ударением, а также в падежных окончаниях, и *B*. говоры, где это изменение произошло независимо от ударения. К группе *A* принадлежат все полесские¹⁾ говоры, в которых эти гласные отличаются от *i*, и прилегающая к ним полоса говоров, имеющих в этом случае *i* („полесско-украинских“): полес. жуо́нка, нуо́ч, рудни́ пом. sg. m. adj., загуо́н, прино́ос, піе́ч, ячміе́нь, діе́д, біе́дни пом. sg. m. adj., но жо́нкi, но́чліе́г, родня́, віго́н, метла́, на при́печку, де́до́к, бе́да́, полес.-укр. кiнь, но: ко́нця́; остальные говоры принадлежат к группе *B*, причём в эту последнюю также входят как говоры с *i* из *e* и *o* в новых закрытых слогах, так и говоры с гласными того же происхождения, отличными от *i*: укр. жи́нкi, ви́кно́, чо́бит, по́пил, ве́чір, о́си́нь, спи́дніця, си́льскiй, ми́шо́к, би́да́, би́дола́ха и пр.; ю.-карп. во́зур „о́кно“, на́рут „на́род“, куся́, „ко́сье“, ку́сцє́ви dat. sg. „ко́сцу“, ву́тцю, кра́юв, би́да́, би́чи, „бе́жать“ бе́си́да, ви́ди́лам 1 sg. f. прае́т.

По качеству гласных, получившихся из старых *o* и *e* в новых закрытых слогах и из *ě*, между м.-р. говорами существуют следующие различия:

а) Из старого *ě* и из того старого *e*, которое являлось в новых закрытых слогах в положении перед мягкими, получилось, под ударением в говорах *A* и независимо от ударения в говорах *B*: а) *i*, перед которым согласные всюду мягки, во всех говорах *B* и в ю. части говоров *A*; б) т. наз. „дифтонг“ *ie*, точнее — гласная неоднородной артикуляции, под ударением и *i* в безударных окончаниях, причём согласные перед таким *ie* и *i* также всюду мягки, в архаичных полесских говорах. В тех говорах, где шипящие и *г* вообще отвердели, перед *i* *e* и *i* такого

¹⁾ Термином „полесские“ обозначаю говоры, назыв. в „Опыте“ МДК. северномалорусскими, т. е. как собственно полесские, так и подляшские; зап.-полесские говоры настоящей книги соответствуют подляшским, зап.-полесским и среднеполесским говорам „Опыта“. „Полесско-укр.“ называю полосу говоров с *i* из *o*, *e* в новых закрытых слогах только под ударением (в „Опыте“ — северноукраинские); термины „вост.-укр.“ и „зап.-укр.“ соответствуют ю.-вост. и ю.-зап. говорам Ганцова, за вычетом из последних говоров карп.-р.; „карп.-р.“ называю закарпатские говоры, кроме гудзельских в округах Ясіня и Рагово в вост. части Марамарошской жупы, и говоры лемков и бойков.

происхождения они сохраняют мягкость, и только в немногих говорах отвердели, причём после г перед і развилось і неслоговое; подобным же образом в некоторых говорах губные перед таким і изменились в сочетании твёрдых губных с і неслоговым. Без ударения из е перед мягкими в новых закрытых слогах и из ё не в окончаниях в говорах А [как в группе б), так и в группе а)] получилось е, совпавшее с е другого происхождения; согласные перед ним вообще твёрды. Впрочем, есть говоры, которые по судьбе безударных о и е в новых закрытых слогах относятся к группе А, но имеют і из ё и в предударных слогах.

β) Из старого е перед твердыми и из старого о получились в новых закрытых слогах (под ударением и в окончаниях в говорах А и независимо от ударения в говорах В): а) в части полесских говоров т. наз. „дифтонги“, т. е. гласные неоднородной артикуляции, $\hat{u}o$, $\hat{u}o$, $\hat{u}e$, $\hat{u}o$, $\hat{u}e$ и т. п. под ударением и \hat{u} в безударных падежных окончаниях; б) в другой части полесских говоров разные гласные, отличные от і (\hat{u} , \hat{u} , \hat{o} , \hat{i} и др.); в) в говорах южно карпатских — \hat{u} в ю. части и \hat{u} в сев., частью, на крайнем западе, гласные менее округлённые; д) во всех остальных говорах В и ю. части говоров А — і. Перед гласными такого происхождения, отличными от і, согласные твёрды, если эти гласные получились из старого о, и мягки, если они восходят к старому е, кроме шипящих и г, в тех говорах, где эти согласные отвердели и перед гласными из старого ё; перед і такого происхождения из старого е согласные всюду мягки, и перед і из о твёрды в говорах А и большей части зап.-укр. говоров и мягки в говорах вост.-укр. и некоторых зап.-укр. Примеры см. выше и в § 89. 1. 3.

2. а) В говорах А гласная а после мягких (из о.-сл. а и е) обычна только под ударением и в окончаниях; без ударения ей соответствует е; согласные (кроме j) перед таким е твёрды¹⁾: п'ять, взяв, зять, тяжко, но місяць, зёрнетко, гледжѹ, хóдеть 3 рl. и пр.; б) в говорах В гласные из о.-сл. а после мягких и е без ударения не отличаются от гласных того же про-

¹⁾ Примеры для е такого происхождения после твёрдых известны только из о.-сл. е.

исхождения под ударением, а согласные перед ними вообще мягки (кроме случаев, назв. ниже в п. 16, 20, 21): укр. п'ять, взяв, зять, т'яжко, місяць, глядж'у, х'бдять и пр.; гуцул. п'еть, кьншко „тяжко“ вз'ив „взял“, розийз'ав, „развязал“, д'есіть т'ісьич и др.

3. О.-сл. у и і а) в большей части говоров совпали в одном звуке; б) различаются только в собств. карпаторусских говорах, занимающих Закарпатье (в пределах Чешкословацкой республики) и сев. склоны Карпат (область т. наз. замішанцев, лемков и бойков), кроме вост. части Карпат на обоих склонах, занятых гуцульскими говорами, далее — в говорах ю.-зап. части Вост. Галичины к зап. от Львова и в некоторых подляшских говорах. Гласная, соответствующая о.-сл. у, в карп.-р. говорах заметно отличается от в.-р. у несколько пониженной артикуляцией и слабым округлением, дающими впечатление некоторой близости к о или о́; в большей части карп.-р. говоров эта гласная (передаваемая в карп.-русском письме и в украинских записях из области карп.-р. говоров буквою „ы“⁴) — заднего ряда, т. е. более задняя, чем в.-р. у. Гласная, соответствующая о.-сл. і, в карп.-р. говорах частью близка к украинской гласной, передаваемой буквою „и“, частью является более передней; и в том и другом случае она принадлежит к гласным верхнего подъёма, артикулируясь выше, чем напр., в соседних галицких и гуцульских говорах, и не даёт впечатления близости к е. В говорах, где о.-сл. у и і совпали, получившаяся от этого совпадения гласная, передаваемая в украинском письме буквою „и“, заметно отличается от в.-р. і более задней и, по большей части, более или менее пониженной артикуляцией, переходя в некоторых говорах в е. Диалектические различия в произношении этого звука состоят в большем или меньшем передвижении артикуляции назад — в зап.-укр. он более задний, чем в вост.-укр., — и в большей или меньшей склонности к е; произношение его как е или близкое к е наблюдается чаще всего в зап.-укр. (особенно в Галичине и у гуцулов) и в подляшских говорах, значительно реже — в вост.-укр.; в собственно полесских и полес.-укр. говорах он заметно отличается от е. Ниже условно звуки, получившиеся в результате совпадения і и у, обозначаю буквою ї.

4. а) Зілинський, RSl. IX. 2. 240, 244, отмечает в некоторых зап.-полесских, галицких и карпаторусских говорах сильно пониженную артикуляцию е, звучащего почти как чистое а: подляш. *вжа, двáрі, васна́, карп.-р. да-в дахто*¹⁾ и т. п., *тарáлик, тра́ба* и др. б) В бóльшей части говоров подобное явление не отмечено, а е безударное произносится даже закрыто (см. п. 6).

5. а) Зап.-укр. и подляшским говорам свойственна т. наз. гармония гласных, выражающаяся в том, что безударное о переходит в и перед слогом с гласными (как ударяемыми, так и безударными) верхнего подъёма, т. е. с *и и і*, и сохраняется как о перед слогом с гласными среднего подъёма, т. е. с *о и е*, а также и перед слогом с *ї*; безударное е может изменяться в *і* перед слогом с *і* и *и* и сохраняться как е, ясно отличающееся от *ї*, перед слогом с *е* и *о*. Так, в записях Голоскевича из Ушицкого у. Подольской губ.²⁾ последовательно: *subi, čuľuvík, stujit, du vuhnú, ná hugu, uzmuť, —s sobóju, vohoń, na dorózi, kogóbočko, vozmeš, konéc, voný, horýt, ozmu, kobýla* и т. п., — *mińi, jimú, —mené, tebé, peréd, jehó, nakładženo* (но также: *пу búło, пу móž, vugbóju*). Перед слогом с *ї* в этих записях *вм. е* последовательно — *у* (т. е. *ї*): *ľužyt, ožunýća* и др.; перед слогом с *а* безударное о сохраняется, но *вм. е* является *у*: *voná, stroml'aju „сую“* и пр., *vugbá, čukaје, пушá*. То же явление отмечается и в ряде других записей и сообщений из области подляшских и зап.-укр. говоров. б) В вост.-укр. говорах подобная гармония гласных наблюдается редко, в собственно полесских, полес.-укр. и в бóльшей части карп.-р. отсутствует. Не стоит в связи с указанным явлением произношение *а вм. о* перед слогом с *а* в словах *ба-гáто, ганчар, гаразд, гарячий, кажан, калач, качан, хазяин, халява „голенище“*, известных с таким произношением главным образом в вост.-укр. (в зап.-укр. обычно *богато*,

¹⁾ Частица *да в дахто* и т. п. (= укр. *де*) мне известно из таких карп. говоров, где *е* пониженной артикуляции не имеет, и, очевидно, примером, указывающим на существование такой артикуляции служить не может.

²⁾ Дурново. Хрестоматія по м.-р. діалектології 58–60.

гончар, горячий и пр.) говорах, где гармония гласных не наблюдается, и где в других словах в том же положении безударное *о* сохраняется.

6. *a)* Безударное *е* ясно отличается от *і* неударяемого в говорах, отнесённых в п. 1 к группе *A*, кроме части зап.-полесских, и в карп.-р.; *b)* в вост.-укр. и зап.-укр. звучит близко к неударяемому *і* и частью (в части говоров или в известных положениях) совпадает с ним; *о* произношении *е* в говорах, знающих гармонию гласных, см. п. 5.

7. *a)* В говорах вост.-укр. и зап.-укр., имеющих *і* из старого неударяемого *о* в новых закрытых слогах, такое же *і* является в нескольких словах вм. старого неударяемого *и*: *зámіж*, *дiб-рóва*, *óгiрок* „огурец“ *мáбiть* „должно быть“ и некоторые др. *b)* В говорах, имеющих *і* (или другие гласные, отличные от *о*) только под ударением, и в говорах карп.-р. *и* в этих словах сохраняется всюду (т. е. не только там, где и из *о* в новых закрытых слогах имеется *и*).

8. *а* после мягких и шипящих *а)* сохраняется под ударением в большей части говоров полесских и полес.-укр. и независимо от ударения в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. и *b)* изменилось в *е* с сохранением мягкости предшествующих согласных в части зап.-полесских и в значительной части зап.-укр., между прочим у гуцулов, в зап. Волини, Холмщине, Буковине и Покутье: *е вір*, *е ма*, *п'етница*, *мн'есо*, *вз'їти*, *к'їшко*, *ж'їлібно*¹⁾, *ш'їпка*.

9. В окончании пот.-асс. сущ. среднего рода после долгих или кратких мягких и шипящих из старых сочетаний согласных с *ј* *a)* в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. говоров является *а*, *b)* в полесских, полес.-укр. и другой части зап.-укр., главным образом в галицких и гуцульских, — *е* с сохранением мягкости предшествующей согласной: *жит'тя*, *жит'те*, *жит'я*, *жит'е*, *збїж'я*, *збїж'я*, *збїж'е* (или *-ж'жа*, *-ж'а*, *-ж'е*), *зб'їж'же*, *зб'уж'а* и пр.

10. *і* неслоговое после гласных и между гласными в м.-р. говорах имело разную судьбу:

¹⁾ Эти 3 примера взяты из записей, сделанных у гуцулов, где гласная, обозначаемая буквою „и“, произносится почти как *е*.

α) после *i* в окончании пош. sg. m. прилаг. оно *a*) отпало в полесских говорах: зли, стари, молоди, и *b*) сохранилось в остальных: укр. злий, старий, молодой, карп.-р. молодой;

β) после *i* в конце слова или перед согласными оно *a*) отпало в большей части вост.-укр. и зап.-укр.: у білі сорочці, піду, силніший и пр., и *b*) сохранилось в полесских, полес.-укр. и карп.-р.

γ) в пош. sg. и асс. sg. f. прилаг. *a*) в вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. употребляются формы только со стяженными окончаниями -а и ц, получившимися из аа, цц после выпадения *i*; *b*) в полесских рядом с этими формами известны и нестяжённые с сохранением *i*: добрая, добрую.

δ) в пош.-асс. sg. n. прилаг. *a*) в вост.-укр. и зап.-укр. известны только формы с оконч. е из стяжения о + е после выпадения *i* добре, малé; *b*) в полесских рядом с такими формами употребляются и формы на еје с сохранением *j*: добрее и пр.; в карп.-р. обычны только формы на оіе, -ое, ое (откуда оі) без стяжения доброе, доброй.

ε) в instr. sg. f. *a*) в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. и части зап.-укр. употребляются только формы на -оју, -еју, (без ударения также -цју) с сохранением *j*: рукою, землёю, бідною, дорóгую и пр., *b*) в карп.-р. и части зап.-укр. — формы на -оц, где произошло выпадение *i* между гласными: руко̃у, земльо̃у и пр.

ζ) в личных формах с -аје- глаголов на а *a*) в части говоров употребляются стяжённые формы с а вм. аје; главным обр., в 3 sg.: пита́ „спрашивает“, зна (у бойков — пита́т, зна́т), реже 2 sg. пита́ш, зна́ш; *b*) значительная часть говоров знает только нестяжённые формы.

η) *i* после гласных перед глагольными окончаниями, а также в окончании пош.-асс. sg. n. прилаг. *a*) выпало в значительной части карп.-р. говоров, причём стяжения не произошло: зна́у, зна́ут, я ся бóу „боюсь“, дóброе и пр.; *b*) в остальных говорах *i* в этих случаях сохраняется (кроме пош.-асс. n. прилаг., где почти все говоры имеют стяжённую форму с е).

θ) *a*) в говорах лемков стяжение гласных, вызванное выпадением *i*, произошло не только у глаголов с основой праес.

на -a_i, но и у глаголов с основой на -u_i: годé, бесідé и пр. (= годуе, бесідуе). б) остальные говоры подобных форм не знают.

Все назв. случаи выпадения i и стяжения ограничиваются определёнными грамматическими категориями, а потому не могут считаться явлениями чисто фонетическими.

11. На месте о.-сл. гъ, гь, їъ, ъ между согласными в слабом положении в 1-м слого слова а) в полесских, полес.-укр., вост.-укр. и части зап.-укр. говоров являются обычно сочетания гї, лї, если не заменены нефонетически сочетаниями го, ло, ге, ле по аналогии со случаями, где ъ, ь были в сильном положении: дрива (и дрова по аналогии с дров), кривавий, криниця „колодец, родник, ключ“, гриміти, блиха, слиза и т. п., б) в карп.-р. и части зап.-укр., главным образом в Галичине, в подобных случаях являются также сочетания їг или уг и їw или uw: галиц. кирв́авий, криниця, хирбет, тирвога, карп.-р. дырва (и дрыва), кырвавый, кырниця, гырмит, хырбет, сывза (но также блыха и т. п.) и пр.

12. В говорах, имеющих i на месте о.-сл. о в новых закрытых слогах, согласные перед этим i а) в одних говорах твёрды, б) в других мягки; твёрдые согласные произносятся во всех полес.-укр. говорах, в значительной части зап.-укр. говоров (напр., в сев. части Вост. Галичины, частью у гуцулов и др.) и в части карпаторусских говоров (у лемков и в закарпатских говорах Верховины), мягкие — в вост.-укр. и в части зап.-укр. и карп.-р.

13. На месте о.-сл. ку, гу, ху а) в полесских, полес.-укр. и зап.-укр. говорах произносится ki, hi, xi с мягкими согласными, б) в вост.-укр. kī, hī, xī и в) в карп.-р. ку, hu, ху (со звуком, соответствующим в этих говорах о.-сл. у).

14. На месте старых сочетаний зубных согласных с j (из о.-сл. сочетаний с ъ i и ь i а) в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. говорах являются долгие мягкие и шипящие согласные (за исключением положения после согласной), б) в зап.-укр. и карп.-р. — краткие.

15. Старые звонкие согласные перед глухими и в конце слова а) сохранились в полесских, полес.-укр., вост.-укр. и вост.

части зап.-укр. и *b)* перешли в глухие в зап. части зап.-укр. и в карп.-р.

16. г мягкое *a)* сохранилось в вост.-укр., гуцульских и большей части карп.-р. (кроме лемков и замишанцев); *b)* в вост.-полесских оно сохранилось только перед *a* не в окончаниях, и то не везде, и перед *ě* (т. е. *iě* или *i*), в остальных положениях отвердело; *c)* в прочих говорах г вообще отвердело; в зап.-укр. отверждение г надо считать более поздним, чем в полесских, ср. полес. бура, вечерать, зап.-полес. порадок и зап.-укр. бурйа, порйадок.

17. *l* немягкое звучит, *a)* как *l* среднее („европейское“), в вост.-полесских, вост. части полес.-укр., вост.-укр., а также на Буковине, у гуцулов и в большей части карп.-р. говоров и *b)* как *l̥* твёрдое — в зап.-полесских, зап. части полес.-укр., в зап.-укр. (кроме Гуцульщины и Буковины), у лемков и у галицких бойков; *c)* в некоторых галицких говорах *l̥* может переходить в *ц* неслоговое: *bцухá*, *stiu*, *biuš* „больше“. По крайней мере в части говоров, знающих *l̥*, встречается в известных положениях и *l* среднее, а в вост.-укр. при известных положениях возможны оттенки *l* близкие к *l̥*.

18. *a)* В зап.-укр. и карп.-р. говорах обычно *l'* после губных неносовых и *ń* после *m* из *j* или *i*, именно, как из старого *j* (*i*), оказавшегося после согласных после утраты между ними старой редуцированной гласной, так и из нового *j* (*i*), развившегося после отвердевших губных перед непалатальными гласными (*a*, *o*, *u*) при утрате этими губными палатальности: здоровля, жеребля, кровльов „кровью“, камняный, сімню „семена“ и т. п., хотя возможны и произношения в роде здоров'я; *b)* в полесских, и вост.-укр. такие образования с новым *l'* вообще редки, кроме 3 рл. глаголов 2-го спряжения, где такое *l'* является правилом, в том числе и после *m*, и явилось, очевидно, не столько фонетически, сколько морфологически, по аналогии с 1 sg.: любить, дивлять „смотрят“, куплять, ломлять.

19. *ń* перед *k* в суфф. -*k-* *a)* перешло в *i* неслоговое в части зап.-полесских, в зап.-укр. и карп.-р. говорах на галицком (сев.) склоне Карпат и *b)* сохранилось в вост.-полесских, части

зап.-полесских и в вост.-укр.: зап. козачейко, сонейко, темнейко, вост. козаченько и пр.

20. Шипящие *a)* в большей части говоров твёрды, кроме положения перед *i* новым (из *ě* и т. наз. „дифтонгов“) и шипящих (долгих или кратких) из старых сочетаний шипящих с *j*, получившихся вследствие выпадения редуцированных гласных; *q)* в части полесских говоров, а также у гуцулов и в Покутье вообще мягки, кроме положения перед *e* и *i* (из старых *e*, *ь*, *i*); *c)* диалектически в некоторых вост.-укр. шипящие мягки также перед *a* в оконч. 3 pl.: *біжять*, *мовчать*, *лишять* и пр.; — долгие и краткие шипящие из старых сочетаний шипящих с *j* *d)* мягки в вост.-полес. и значительной части вост.-укр. и *e)* твёрды в зап.-укр. и части вост.-укр.

21. *c* в конце слова и в окончаниях *a)* отвердело в части зап.-укр. (между прочим у гуцулов) и в зап. части карп.-р. (главным образом у лемков), *b)* в остальных вообще сохраняется как *c* мягкое.

22. *s* мягкое в конце слов и в суфф. *-sk* *a)* отвердело в части зап.-полесских, в подляшских, в значительной части зап.-укр. и в карп.-р., *b)* в остальных полесских и вост.-укр. сохраняется, как *s* мягкое.

23. Конечные мягкие согласные, кроме *c*, *г*, *t* в окончаниях 3 лица обоих чисел ind. и 2 pl. imp. и шипящих, *a)* сохранились всюду, кроме говора лемков, и *b)* отвердели в говоре лемков.

24. Вм. *d'*, *t'* мягких *a)* в части зап.-укр. говоров, между прочим у гуцулов, произносятся *g*, *k* мягкие: *pegil'a*, *gido*, *хоkитi*, *хоget* 3 pl., *хоket* 3 pl. и т. п.; *b)* в остальных *d'*, *t'* сохраняются.

25. В части зап.-укр. и карп.-р. говоров известно *f* в заимствованных словах, а также вм. и неслогового других говоров перед глухими и из xv: *фtіk*, *фара* „приход“, *фалабу* „слава Богу“ и пр.

26. Ударение — *a)* свободное почти во всех м.-р. говорах и *b)* неподвижное на предпоследнем слоге у лемков; повидимому, в говорах со свободным ударением экспираторная сила ударения не одинакова по говорам; в карп.-р. ударение слабее, чем в

остальных м.-р. Кроме того, есть различия между говорами со свободным ударением и в месте ударения. Эти различия по большей части носят не фонетический, а морфологический характер. Таково, напр., различие в акцентовке глагольных форм: *с)* в полесских и вост.-укр. сохраняется ударение на конце в таких формах, как *кажу́* „говорю“, *прошу́*, *ходжу́*, *несемо́*, *несете́*, *несла́*, *була́*, *було́*, *нести́* и т. п., *д)* в зап.-укр. и карп.-р. ударение перенесено на предыдущий слог: *ка́жу*, *прóшу*, *хóджу*, *несемо́*, *несете́*, *несла́*, *бу́ла*, *бу́ло* или *бы́ла*, *бы́ло*, *не́сти* и пр. Аттракция ударения в зап.-укр. и карп.-р. чаще, чем в полес. и вост.-укр. Ср. такие случаи, как *бою́* ся и *я́* ся *бо́ю*, *бере́* ся и *ві́н* ся *бе́ре*, карп.-р. *верхов. отéц* його и його *о́тец*.

Явления морфологические:

27. В *dat. sg. m. и п.* основ на *-о, -jo, -и а)* в вост.-полес. и значительной части зап.-полес. известно только окончание *-и*: *сину*, *чоловіку*, *коню*, *життю* и пр., *б)* в вост.-укр. кроме *-и* известны и окончания *-ові, -еві* у *m.*, главным образом названий живых существ: *синові*, *чоловікові*, *коневі*, *шевцеві* и пр., *с)* в другой части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. — оконч. *-ові, реже еві* у *m. и п.*, обозначающих как живые, так и неживые существа: *синови*, *чоловікови*, *коньови* (реже: *коневи*), *шевцьови* (реже *-еви*), *житьови, вікнови* и пр.

27 *а).* В вост.-укр. и, частью, зап.-укр. формы *dat. sg. m. и п.* существительных на *-ові (ові), -еві* и *и* и местоим. и прилаг. на *-о m и* часто употребляются в значении *loc. sg.*: на *козакові*, у *полю*, в *гаєви*, на *ньому*, на *Чорному морі* и т. п. Такое употребление обычно и в литературном укр. языке.

28. В склонений основ на мягкую *а)* в вост.-полес. и вост.-укр. сохраняется *е* (из о.-сл. *е* и *ь*): *ковалеві*, *ножеві*, *ножём*, *землею*, *пóлем*, *теля́тем*, *житте́м* (вост.-укр. также *життя́м*), *б)* в зап.-полес., зап.-укр. и карп.-р. обычно в таких случаях *о*: *ковальови*, *ножови*, *ножом*, *землею*, *польови*, *телятьом*, *житьом* и пр. Ср. обратное соотношение между вост.-укр. и зап.-укр. говорами в употреблении *е* и *о* в склонении местоимений и прилагательных.

29. В loc. sg. m. и n. и dat. loc. sg. f. основ на мягкую и шипящую *a)* в вост.-полес. и вост.-укр. является окончание *ě* (вост.-полес. *ĭe* или *i* под ударением, *i* без ударения, вост.-укр. *i*): на землі, в каші, на полі, на печі, *b)* в зап.-укр. и карп.-р. — *ĭ* (восход. к старому *i*): на земли, на печи, на кони, на поли и пр.

30. В gen. pl. основ на *-i* *a)* в полесских и вост.-укр. является оконч. *ej*: гостѣй, людѣй, ночѣй, ко́ней и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. — *-ĭi*: гостій, людей, ночий, коний и пр.

31. У прилагательных со старой основой на мягкие зубные (*ń, t*) *a)* в вост.-укр. мягкие согласные являются во всех формах, в связи с чем старому *i* в падежных окончаниях соответствует не *ĭ*, а *i*, а старому *e* — гласная *o*: синій, треттій, синього, треттього и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. в этих случаях — гласные *ĭ* и *o* с предшествующими твёрдыми согласными: синий, третий, сино́го.

32. В nom. pl. местоим. и прилаг. *a)* полесские говоры имеют окончание *ĭ*, а у прилаг. также *ĭje* или *ĭji*: ти, добри или добрие (добрий); *b)* вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. *-i* с мягкостью предшествующей согласной: ті, добрі (то же *i* и в остальных падежах: добріх).

33. В части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. известны краткие формы местоимений, отсутствующие в вост.-полесских и вост.-укр.: *мня* (= *мя*), *тя*, *ся*, *ми*, *ти*, *си*, *го*, *му*.

34. В gen. и dat.-loc. m. и n. местоимений мягкого различия *a)* в полес., вост.-укр. и карп.-р. являются окончания *-o ħo*, *-o ħu* с мягкими согласными перед окончаниями: *ĭo ħo*, в ньo ħo, цьo ħo, сьo ħo, всьo ħo, *ĭo ħu*, к ньo ħu и пр., *b)* в зап.-укр. *-e ħo*, *-e ħu* с твёрдыми согласными (кроме *j*): *e ħo*, в не ħo, се ħo, все ħo, *e ħu*, к не ħu и пр.

35. *a)* В полес., карп.-р. и части вост.-укр. и зап.-укр. шипящие в 1 sg. глаголов 2 spr. с тематической гласной *ĭ* (= старому *i*) сохраняются: *хóджу́*, *лечу́*, *вóжу́*, *но́шу́*; *b)* в в.-укр. и в значительной части зап.-укр. заменены мягкими нешипящими: *хóддю́*, *летю́*, *вóддю́*, *но́сдю́*; в связи с этим стоят шипящие в полесских и мягкие нешипящие в значительной части

вост.-укр. и зап.-укр. в таких формах, как полесское *закручувать* при вост.-укр. *закрутювати*.

36. Во 2 sg. нетематических глаголов *їсти* и *дати* а) в значительной части м.-р. говоров сохранились старые формы *їсі́*, *дасі́*, но б) рядом с ними употребительны и формы *даш*, *їш*, тождественные с подобными формами в в.-р. и почти во всех других слав. языках, и в) чисто м.-р. новообразование — *їсі́ш*, *дасі́ш*. Каково распределение этих тройких образований по говорам, за недостатком точных указаний сказать трудно. В литературном укр. употребительно и *їси*, *даси* и *їш*, *даш*.

37. В 3 sg. глаголов 2 спр. при ударении на основе а) в вост.-укр. и зап.-укр. кроме форм на *-ĭ* или *-ĭ* могут употребляться и формы без *-ĭ*: *ходе*, *робе*, *носе* и пр., б) в полес. и карп.-р. — только формы на *-ĭ* или *-ĭ*: *ходить*, *робить*, *носить*.

38. В стяженных формах 3 sg. глаголов 1 спр. с основой на *-aĭ* а) в части зап.-укр. (в Галичине) и карп.-р. может являться оконч. *-t*: *пытат*, *сїдат*, *повїдат*, *сховат* и пр.; б) в остальных говорах в 3 sg. невозвратных глаголов 1 спр. окончание *-t* (*t*) отсутствует.

39. В 3 sg. возвратных глаголов 1 спр. окончание *-t* перед возвратной частицей *ся* а) сохраняется везде, где эта частица составляет с глаголом неразрывное целое, помещаясь всегда после глагола в его невозвратной форме, и б) отсутствует (кроме диалектических форм на *-at*) там, где частица *ся* является подвижной: полес. и вост.-укр. *миеться*, *береться*, *продається*, зап.-укр. *він ся мие*, *мие ся* и пр., карп.-р. *вун ся мье*, *мье ся* и пр.

40. *t* в оконч. 3 sg. и pl. а) мягко в вост.-полес., большей части зап.-полес., в вост.-укр. и в ю.-карп., и б) твердо в части зап.-полес., в зап.-укр. и сев.-карп. (на галицком склоне Карпат, на Верховине, у лемков и замишанцев).

41. В 1 pl. а) в карп.-р. говорах является окончание *-ше*: *ходиме* и пр.; б) во всех остальных *-ш* и *-шо*: *хóдим*, *бе́ремó* и пр.

42. *t* в окончании 2 pl. imp. на *-it* (*-iĕt*) а) мягко везде, где мягко *t* в оконч. 3 sg. и pl. и б) твердо в значительной

части говоров, имеющих *t* твёрдое и в 3 sg. и pl.: ходіть и ходіт.

43. *a)* В собственно полесских и вост.-укр. говорах употребительно fut. на -шц, -шеѣ и пр., слитыми с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: ходитиму, писатимеш и пр.; *b)* реже — с глаг. буду и инфинитивом спрягаемого глагола: буду ходити; *c)* в зап.-укр. и карп.-р. обычны ббльшею частью только последние; *d)* лишь в некоторых зап.-укр. (именно, в буковинских и холмских) говорах употребляются и образования с глаг. му, меш и пр. и инфинитивом спрягаемого глагола, но, в отличие от полесских и вост.-укр., глагол му не сливается с инфинитивом в одно слово и может стоять и перед ним; *e)* в подляш. и в части зап.-укр. говоров известны и образования fut. типа буду ходив, буду ходила, как в польском языке.

44. *a)* В зап.-укр. и карп.-р. глаголы в прошедшем времени и условная частица би в 1 и 2 sg. и pl. могут иметь личные окончания -m (-ем, -jem), -ś (-eś, -jeś), -śmo [в карп.-р. -śme], -šte: m. ходивем, ходив'ем, f. ходилам, бим и пр.; *b)* в полес. и вост.-укр. подобные формы отсутствуют: я (ти) ходив, -ла, ми (ви) ходили и т. п.

45. *a)* В полес. обычны инфинитивы на *t'* после гласной вм. старого -ti (при исконном ударении на основе); *b)* в вост.-укр. употребительны и инфинитивы на -ti и инфинитивы на -t'; *c)* в зап.-укр. и карп.-р. — исключительно инфинитивы на -ti.

46. У глаголов с основой на *h* и *k* инфинитивы *a)* в полес. и вост.-укр. обычно оканчиваются на -kti, -hti: пекти́, стерегти́ и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. — на -čĭ, -kčĭ, -hčĭ, -xčĭ: печі́, стеречі́ или пекчі́, стерегчі́.

47. Возвр. частица ся *a)* в собственно полес. и вост.-укр. всегда стоит после глагола, сливаясь с ним в одно слово: мійюсь, мияться, митиметься, *b)* в подляшских, зап.-укр. и карп.-р. может стоять и перед глаголом и может отделяться от него другим словом: мие ся и він ся мие, він ся не мие, зачав ся Богу молити и пр.

48. В inf. и праet. глаг. быть и в глаг. бывать *a)* в полес., вост.-укр. и большей части зап.-укр. (между прочим в Подольщине, Буковине, Гуцульщине и в сев.-зап. части Галичины)

в 1 слоге произносится *и*: бути, був, була, бувати, также: забути и т. п.; *б*) в карп.-р. и части галицких к Ю. от Львова -у: був, была, быти, бывае и пр. (в этих говорах исконное *у* не совпало со старым *и*).

49. *а*) В вост.-укр. говорах употребляются местоим. оцей или цей (gen. m. цьогó и пр.), той, та, те, *б*) в зап.-укр. и карп.-р. сей или сесь, сеся́, сесé, тот, тотá, тотó (или тотé), тамтóт, тамтá и т. п., неизвестные ни вост.-укр., ни полесским говорам.

50. Числит. „1“ *а*) в полесских и вост.-укр. является в форме один, одна, одно и пр., *б*) в зап.-укр. и карп.-р. едén, еднá, еднó или їдén, їднá, їднó.

§ 91. Большая часть м.-р. говоров объединяется в одно целое двумя фонетическими новообразованиями: изменением старых *о* и *е* в новых закрытых слогах в *і* (в одних говорах только под ударением, в других независимо от ударения) и совпадением *і* и *у* старых в одном звуке более заднего образования, чем гласные из старого *і* во всех других слав. языках; гласный звук, получившийся в результате этого совпадения, не одинаков по говорам, но не подлежит сомнению, что диалектические варианты этого звука все одного происхождения. Однако отсутствие первого из этих двух новообразований ($o > i$) в говорах полесских с одной стороны, ю.-карпатских с другой и второго ($y = i$) в говорах подляшских с одной стороны, карпаторусских с другой не даёт права рассматривать, как одно целое, не только эти говоры в совокупности, но и отдельно группу говоров ю.-полесских и группы говоров карп.-р. (с *у* отличным от *і*) или ю.-карп. (с $o > u$ или $ü$), так как обе черты являются отрицательными и свидетельствуют только о том, что эти говоры не пережили процессов, пережитых всеми остальными говорами. Кроме того, можно заметить, что обе фонетические черты, свойственные большей части м.-р. говоров, обнаруживают тенденцию к распространению за счёт говоров с отсутствием этих черт, а потому они сами по себе не достаточны, как основа для классификации м.-р. говоров: в числе говоров с *і* из *о* и с одной гласной из старых *і* и *у*, несомненно, имеются переходные, в которых эти черты явились недавно.

§ 92. Ряд черт указывает на давнее различие между сев. и ю. группами м.-р. говоров. Буду называть их, как и выше (п. 1), группами *A* и *B*. Территории, занимаемые той и другой, приблизительно указаны в п. 1; впрочем, области распространения отдельных черт, характерных для каждой из них, не вполне совпадают (ср. замечания по аналогичным поводам при характеристике говоров с.-в.-р., ю.-в.-р. и б.-р.).

A. Группа *A* характеризуется 1. изменением *o* и *e* в новых закрытых слогах и *ě* в гласные, отличные от *o* и *e*, только под ударением (1) и 2. произношением в безударных слогах *e* после твёрдых и после *j* вм. старого *ė* (2). Кроме того, говорам этой группы свойственны между прочим следующие черты: 3. отсутствие т. наз. гармонии гласных и изменения безударного *o* в *u* (5); 4. отсутствие совпадения безударных *e* и *i* (6); 5. сохранение *u* в замуж и т. п. (7); 6. сохранение ударяемого *a* после мягких без перехода в *e* (8); 7. произношение *e* в житте и т. п. (9); 8. отсутствие конечного *i* в пош. sg. м. прилаг. (10 *α*); 9. сохранение *i* после *i* из *o*, *e*, *ě* (в говорах, где такое *i* есть; в остальных *i* может быть только после других гласных, после которых оно вообще сохраняется) (10 *β*); 10. сохранение нестяжённых форм прилаг. (10 *γ*, *δ*); 11. instr. sg. f. на *-oju* и т. п. (10 *ε*); 12. *i* после плавной в случаях типа *д р и в а* (11); 13. твёрдые согласные перед гласными из *o* в новых закрытых слогах, в том числе и перед *i* (12); 14. произношение *ki*, *hi*, *xi* (13); 15. долгие мягкие согласные из сочетаний с *j* (14); 16. сохранение звонких шумных в конце слов и перед глухими и в связи с этим отсутствие перехода *u* неслогового перед глухими в *f* (15); 17. отвердение *ř*, повидимому, более старое, чем в зап.-укр.; мягкое *ř* сохраняется только в немногих положениях и то лишь в вост.-полес. (16); 18. отсутствие или редкость вторичных *l'*, *ň* после губных (18); 19. сохранение мягкого *ś* в конце слова и в суфф. *šk* (22); 20. сохранение в известных случаях старого места ударения (26); 21. отсутствие dat. sg. на *ovi* или *oví* (27); 22. gen. pl. на *ej* (30); 23. ном. pl. местоимений и прилаг. на *i* или *ije* (*iji*) (32); 24. *o* после мягких в падежных формах местоим. типа *його* (31. 34); 25. шипящие перед окончанием 1 sg. глаголов 2 спряжения с основами на *d*, *t*, *z*, *s* (35);

26. отсутствие 3 sg. без *t* от глаголов 2 спряжения (37); 27. *t* мягкое в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 28. 3 sg. возвратных глаголов 1 спряжения на -еться (39); 29. 1 pl. на *mo* (41); 30. fut. типа нестиму при отсутствии fut. типа му нести и буду *nis* (43); 31. отсутствие личных суффиксов в *praet.* и у частицы *bi* (44); 32. *inf.* на *t* после гласных (45); 33. *inf.* на *k_ti*, -*ht_i* от основ на *k*, *h* (46); 34. слияние возвратной частицы *ся* в одно слово с глаголом (47); 35. *u* в *бути*, *був* и *пр.* (48); 36. предлог *od* (не „*від*“).

Из этих черт только *A* свойственны 1, 2, 8, 10 (в карп.-р. сохраняются нестяжённые формы только пом. sg. п.), 21, 23 и отчасти 32 (*inf.* на *t* есть и в вост.-укр., но менее употребительны).

Общи *A* с вост.-укр. из ап.-укр., отличая их от карп.-р., черты 23 и 35.

Общи *A* с вост.-укр., отличая их от большей части зап.-укр., черты 3, 6, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 24, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 36, отчасти 32.

Общи с зап.-укр. или частью зап.-укр. черты 7, 13, 14 и, отчасти, 17; впрочем, совпадение по черте 7 может быть случайным, потому что в зап.-укр. *e* в *жите* и т. п. может стоять в связи с переходом *a* после мягких *v* и *i* отсутствует там, где *a* после мягких сохраняется, а в *A* является всюду и при сохранении *a* после мягких.

Общими с карп.-р. являются черты 4 и отчасти 10, а также некоторые общие карп.-р. с вост.-укр., как 6, 24, 27. Кроме того, все рефлексы старых *o* и *e* в новых закрытых слогах, имеющиеся в карп.-р. (не наоборот!), именно *u*, *ü*, *y*, *i*, *i*, имеются и в говорах *A*, а характерное для карп.-р. сохранение различия между старыми *u* и *i* известно части подляшских говоров. Эти совпадения впрочем не указывают на принадлежность *A* и карп.-р. к одной группе, а только на сохранение в них по отношению к этим чертам той стадии развития, от которой уже отошли укр. говоры.

Те из назв. черт, которые отличают говоры группы *A* от зап.-укр., общи не всем говорам этой группы: в говорах, находящихся в непосредственном соседстве с зап.-укр., и в части зап.-полесских встречаются между прочим следующие черты, сбли-

жающие их с зап.-укр.: 1. т. наз. гармония гласных (5), 2. произношение безударного е как *ĭ* (6); 3. е вм. а после мягких и шипящих не только без ударения, но и под ударением с сохранением мягкости предшествующих согласных (8); 4. пом. sg. м. прилаг. только на *-ĭi* (10α); 5. отсутствие нестяженных форм прилаг. (10γ, δ); 6. краткие мягкие согласные из сочетаний с *j* (жите и т. п.) (14); 7. твёрдое *в* в суфф. *-sk-* (22); 8. dat. sg. м. и п. на *-ovĭ* (27); 9. 1 sg. типа *ходю* (35); 10. *t* твёрдое в оконч. 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40. 42); 11. fut. типа *буду ходив* (43); 12. личные суфф. в *praet.* и у частицы *би* (44); 12 а. отсутствие inf. на *t'* (45); 13. inf. на *-kčĭi*, *-hčĭi* от основ на *k*, *h* (46); 14. неслитное с глаголом употребление частицы *ся* (47); 15. числит. *їден* и др. В виду того, что эти черты неизвестны большинству зап.-полес. говоров, в том числе некоторым говорам в самой зап. части м.-р. территории, и даже некоторым подляшским, можно думать, что они для этих говоров вторичные и развились под влиянием зап.-укр. говоров. Такие черты, как fut. типа *буду ходив* и *praet.* с личными суфф. в подляшских говорах могут быть также и непосредственными заимствованиями с польского, влияние которого сказывается на этих говорах очень сильно. Обратное предположение, что зап.-украинские черты в зап.-полес. говорах старые, а вост.-украинские черты развились под влиянием вост.-укр. говоров, мало вероятно, потому-что назв. вост.-украинские черты встречаются как в самых западных собственно полесских говорах, которые по своему географическому положению вряд ли могли подвергнуться влиянию со стороны вост.-укр., так и в части говоров подляшских.

§ 93. Характерные черты группы В (включая сюда вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р.): 1. изменение *о* и *е* в новых закрытых слогах и *ё* в гласные отличные от *о* и *е* независимо от ударения (1); 2. *а* после мягких из о.-сл. *ę* независимо от ударения; в говорах, где *а* после мягких изменилось в *е*, согласные перед таким *е* сохраняют свою мягкость (2, 8); 3. совпадение или близость между собою неударяемых *е* и *ĭ* (3); 4. сохранение конечного *ĭ* в пом. sg. м. прилаг. (10α); 5. отпадение или выпадение *ĭ* после *i* (из *о*, *е*, *ё*) (10β); 6. отсутствие нестяжённых

форм пом. и асс. sg. f. и пом.-асс. pl. прилаг. (10 γ); 7. dat. sg. m. -ovі или -ovі (27); 8. пом. pl. местоим. и прилаг. на і с мягкими согласными перед окончанием (32); 9. inf. на -tі после гласной (вост.-укр. рядом с более редкими inf. на -tʹ).

§ 94. Говоры группы В в свою очередь можно делить на 3 группы: а) вост.-укр., б) зап.-укр. и в) карп.-р. Характерные черты каждой из них:

§ 95 а) вост.-укр.: 1. отсутствие т. наз. гармонии гласных (5); 2. сохранение а после мягких без перехода в е (8); 3. а в окончании таких слов, как життя (9); 4. отсутствие нестяжённых форм прилагательных (10 γ, δ); 5. instr. sg. f. на -oju (10 ε); 6. сохранение і после гласных перед u в оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов (10 η); 7. гласная после плавной в случаях типа дри ва (11); 8. мягкость согласных перед і из о (12); 9. і после задненёбных (13); 10. долгие мягкие согласные в случаях типа життя (14); 11. сохранение звонких шумных перед глухими и в конце слова (15); 12. сохранение г мягкого (16); 13. менее велярное произношение l немягкого, чем в зап.-укр. (17); 14. отсутствие или редкость вторичных lʹ и њ после губных (18); 15. сохранение њ перед k (19); 16. мягкость долгих шипящих из сочетаний с j, а диалектически и шипящих в некоторых других положениях (20); 17. сохранение s в конце слова и в суфф. sk (22); 18. отсутствие изменения d, t в g, k (24); 19. сохранение ц без перехода в v и f (25); 20. сохранение ударения на конце в глагольных формах: прошу́, несемó, несетé и пр. (26); 21. dat.-loc. sg. m. на -ovі, -evі (с і, не с і!) (27); 22. сохранение е в падежных окончаниях существительных с основами на мягкие (28); 23. оконч. і (не і!) в loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. (29); 24. gen. pl. на -eі (30); 25. мягкие зубные во всех падежных формах прилаг. со старой основой на мягкие (31); 26. отсутствие кратких форм личных местоимений (33); 27. о после мягких в падежных окончаниях мягкого различия местоимений и прилагательных (31, 34); 28. 3 sg. глаголов 2 спр. с ударением на основе без оконч. -t (подобные формы в вост.-укр. только диалектические, известны не всем говорам и не вошли в литературный укр. язык) (37); 29. 3 sg. глаголов 1 спр. на -е́са (-еться) (39); 30. мягкость t в 3 sg. и pl. ind. и во 2 pl. imp. (40, 42); 31. окончания

-т и -то в 1 pl.; 32. преимущественное употребление fut. с глаг. му, слитым с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово, и отсутствие образований типа „буду ходив“ (43); 33. отсутствие личных окончаний в праet. и у частицы би (44); 34. преимущественное употребление inf. на -tī при редких инфинитивах на -t' после гласной (45); 35. инфинитивы на -ktī, -htī от основ на -k и -h (46); 36. слияние возвратной частицы с глаголом в одно слово (47); 37. произношение u в глаг. бути и пр. (48); 38. употребление местоим. цей или оцей, той, та, те и отсутствие удвоенных указательных местоимений (49); 39. употребление числит. один (50).

§ 96 б) зап.-укр. 1. сильно пониженная артикуляция i̇, с переходом i̇ в части говоров в e (3); 2. пониженная артикуляция старого e (? 4); 3. т. наз. гармония гласных (5); 4. переход а после мягких и j в e (8); 5. e в жите и т. п. (9); 6. отсутствие нестяжённых форм прилагат. (10 γ, δ); 7. instr. sg. f. на -оц (10 ε); 8. сохранение i̇ после гласных перед оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов; 9. гласная перед плавной в случаях типа кир-вавий (11); 10. твёрдость согласных перед i̇ из o (12); 11. i̇ (не i̇!) после k, x, h (13); 12. краткие мягкие согласные из сочетаний согласных с j (14); 13. глухие вм. звонких шумных перед глухими в конце слова (15); 14. отсутствие мягкого г (16); 15. более велярное или округлённое произношение немягкого l, чем в вост.-укр. (17); 16. вторичные l' и h' после губных (18); 17. i̇ вм. h' перед k (19); 18. твёрдость шипящих в случаях типа збіже, кляча и т. п. (20); 19. твёрдость s из ś в конце слова и в суфф. -sk- (22); 20. g, k' вм. d', t' (24), 21. f вм. ц перед глухими (25); 22. перенос старого ударения на конце в глагольных формах на предпоследний слог (26); 23. dat. sg. m. на -ovī и распространение этого окончания на имена среднего рода (27); 24. o в падежных окончаниях существительных (28); 25. i̇ в окончании loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. основ на мягкие (29); 26. gen. pl. на -i̇ i̇ (30); 27. твёрдые зубные перед o, e и i̇ падежных окончаний местоим. и прилаг. мягкого различия (31, 34) 28. употребление кратких форм личных местоимений (33); 29. e после твёрдых согласных в соответствии с o после мягких вост.-укр. говоров в падежных формах местоимений мягкого различия

(31, 34); 30. 3 sg. глаголов 2 спр. с ударением на основе без оконч. -t (37); 31. отсутствие -t в оконч. 3 sg. возвратных глаголов 1 спр. (39); 32. твёрдое -t в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 33. 1 pl. на -m и -mo (41); 34. образование fut. посредством глаг. буду с inf. спрягаемого глагола; только в буковинских и холмских говорах известны обороты с глаг. му, не слитым с инфинитивом в одно слово, и в части говоров обороты типа буду ходив (43); 35. личные суф. в прошедшем времени и у частицы би (44); 35. отсутствие инфинитивов на -t' (45); 37. инфинитивы на -čĭ, -kčĭ, -hčĭ, -xčĭ от основ на -k- и -h- (46); 38. употребление частицы ся не слитно с глаголом (47); 39. u в глаг. бути и пр. (48); 40. употребление указательного местоим. сей, удвоенных указательных местоим. сесь и тот и сложных тамтот и пр. (49); 41. числит. едѣн или їден.

§ 97 с) карп.-р. Значительная часть особенностей карп.-р. те-же, что и в зап.-укр., а именно зап.-укр. черты 7, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34 (только буду с inf.), 35, 36, 37, 38, 40, 41; отличия — следующие: 1. u, ŷ и другие гласные из o, e в новых закрытых слогах (1), 2. сохранение различия между старыми u и i; пониженное и несколько округлённое произношение u и сравнительно с зап.-укр. более высокая артикуляция i из старого i (3); 3. отсутствие совпадения между безударными e и i (6); 4. отсутствие изменения а после мягких в e (8); 5. а в житя́ и т. п. (9); 6. отсутствие стяжения в пош. sg. п. прилагательных (10 d); 7. выпадение j перед u в оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов после гласных (10 η); 8. u после k, h, x (13); 9. сохранение г мягкого (16); 10. произношение l немягкого, как т. наз. l европейское (17); 11. сохранение d' и t' без перехода в g, k (24); 12. o после мягких в надежных окончаниях прилаг. и местоим. мягкого различия (31. 34); 13. отсутствие форм типа ходе 3 sg. (37); 14. мягкое t' в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 15. 1 pl. на -me (41); 16. u в глаг. быти и пр. (48). В словаре карп.-р. говоров, кроме присутствия большого количества мадьярских слов и заимствований из словацкого и румынского, важно отметить сохранение ряда слов, утраченных соседними галицкими говорами, а частью и остальными м.-р. говорами и сохранившихся из р. языков только

в в.-р., а также и таких, которые нигде в р. языках, кроме карп.-р. говоров, не сохранились.

§ 98. Из назв. групп наиболее отчётливо выделяется группа вост.-укр. Вост. говоры зап.-укр. группы являются в той или другой степени переходными к вост.-укр., а зап. говоры этой группы в свою очередь в силу частью политических, частью географических условий имели неодинаковую судьбу; поэтому некоторые черты, указанные выше, как характерные для зап.-укр. говоров, не характеризуют всей зап.-укр. группы, а только ту или другую её часть. Говоры с instr. sg. f. на -оц (§ 96. 7), быть может, следует рассматривать, как переходные от карп.-р. к зап.-укр. Общее значительной части зап.-укр. твёрдое произношение согласных перед і из о отсутствует не только в говорах, которые можно считать переходными к вост.-укр., но и в некоторых галицких. Велярное или сильно округлённое ɨ , характерное для значительной части зап.-укр. говоров, отсутствует в группе гуцульских и буковинских говоров, и как раз именно гуцульским и соседним с ними говорам свойственны последовательная замена d' , t' через g , k (20), неизвестная другим зап.-укр. говорам, мягкие шипящие и твёрдое s в конце слова. Не характеризуют всей зап.-укр. группы, если даже вычесть все говоры, какие можно считать переходными к вост.-укр., также и изменение \acute{a} после мягких в е и связанное с этим произношение е в окончании имён среднего рода: житѣ́, весі́ле, поросе́, теле́ и т. п.

Сев. часть карп.-р. говоров испытала на себе влияние зап.-укр. и образовала группу переходных говоров к зап.-укр. на карп.-р. основе. К этой группе относятся говоры Ю.-Галичины (г. наз. бойков, замшандцев и лемков) и говоры закарпатской Верховины с і из о и е в новых закрытых слогах, с t твёрдым в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. некоторыми другими зап.-укр. чертами.

§ 99. Из обще-м.-р. особенностей черты фонетические 4, 14, 15 и морфологические 17, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 32, как и различение старых е и ё (3), h в окончании gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных (27) и гласные из старого ё в pl. imp. 1 спряжения (34) представляют сохранение о.-сл. старины, но гласные, соответствующие старому ё, в pl. imp. 2 спряжения —

новообразование, общее с б.-р. Диалектической чертой о.-сл. языка, представляющей чуть ли не диалектизм о.-и.-е. эпохи, некоторые склонны считать и окончания -шо и -ше в 1 pl. (33), но, повидимому, это — сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других слав. языков.¹⁾ В ю.-р. памятниках -шо засвидетельствовано достоверными примерами не раньше XIV в.,²⁾ а -ше в карп.-р. значительно позже.

Черта 10 (о.-сл. *g > h или, может быть, только первая стадия этого изменения — *g > *γ) восходит к доисторической эпохе (ср. § 68).

о из е после шипящих (2) в падежных окончаниях засвидетельствовано памятниками с XII в., в других положениях — с XIII в.³⁾

Черты 6, 7, 8, 11 отражаются на правописании памятников с XIII в.⁴⁾ и, очевидно, возникли раньше этого времени. Коренятся они, повидимому, в диалектических особенностях еще доисторической эпохи.⁵⁾ К тому же XIII в. относится и старший пример написания „лы“ между согласными для передачи сочетания, восходящего к о.-сл. lъ в открытом слоге (5).⁶⁾

К черте 1-ой относятся изменения а) о в новых закрытых слогах, б) е в новых закрытых слогах перед твёрдыми и с)

¹⁾ -шо могло явиться или тогда, когда в языке еще различались субъективно согласные в сочетаниях с гласными палатальными и непалатальными, или после того, как возникли 2 pl. imp. на -t̃ [mo: te = m: t̃].

²⁾ Крымский, Нариси 104, приводит один пример 1 pl. на „-м“ из УС XII в. (в статье ю.-сл. происхождения), из которого, конечно, было бы слишком неосторожно делать какие либо заключения о произношении этой формы в тогдашних ю.-русских говорах.

³⁾ В полногласном сочетании о ъ о после шипящих могло явиться и раньше. Ср. чоловіка И 73 (не думаю, чтобы это была описка).

⁴⁾ Редкие случаи смешения „въ“ и „вь“ с „оу“ в р. памятниках XI в. известны только из таких рукописей, которые другими чертами своего правописания указывают на сербский прототип или влияние сербской графики, где такое смешение обычно уже в XII в. (достоверных памятников сrb. письма от XI в. не сохранилось). См. Slavia V. 569—571.

⁵⁾ Ср. Шахматов, Очеркъ. §§ 35, 40, 359, 364, 440—443.

⁶⁾ Мблыко Житие Савы XIII в. (Р. 109).

е в новых закрытых слогах перед мягкими. Последнее по своей судьбе во всем м.-р. совпало с ё, и это совпадение засвидетельствовано ю.-р. памятниками со 2-й полов. XII в.¹⁾ Изменению подверглись в том же положении и о.-сл. е перед твердыми и о, но это изменение долго не могло быть отмечено памятниками за неимением для этого графических средств и надобности, и только позднее, там, где гласные, получившиеся в результате такого изменения, совпали с *и* или *і*, оно находит себе отражение в смене букв „о“ и „е“ с „оу“ или „у“ и „ю“ (с XIV в.) и с „и“ (с XV в.).

Черты 9 и 16 в памятниках засвидетельствованы только с XIV в., но возникли, вероятно, несколько раньше, так как являются общими всем м.-р. и б.-р. говорам.

Время появления черты 12 по памятникам не может быть прослежено. Правописание одной группы ю.-р. памятников XI—XIII в., различающих цсл. л и н мягкие и немаякие перед е и делающих ошибки в обозначении их мягкости перед і, не может служить свидетельством в пользу того, что п^н и l мягкие и немаякие перед е в говоре их писцов еще различались,²⁾ тем более, что другие несомненно ю.-р. ркиси XII этого различия не отмечают. Во всяком случае эта черта старше черты 16, но вряд ли старше середины XII в.³⁾

Из морфологических черт некоторые, как напр., 19, 21, 29, могли возникнуть еще в доисторическую эпоху (о 29 см. § 67); черта 35 появилась во всяком случае до полного отвердения согласных перед е. Из диалектических различий (§ 90) различие между говорами А и В по чертам 1 и 2 — вряд ли позже изменения о и е старых в новых закрытых слогах в т. наз. „дифтонги“ и во всяком случае ранее отвердения согласных перед е.

Вост.-укр. kī, hī, xī и зап.-укр. kі, hі, xі (13) восходят к старым kі, hі, xі, получившимся из о.-сл. *kу, *gу, *ху не позже середины XII в.⁴⁾ Сохранение kу, hу, ху в карп.-р. может

¹⁾ Ср. выше, § 19; Шахматов, Очеркъ, §§ 455 слл.

²⁾ См. Дурново, К истории звуков р. языка. II. Slavia, II. 4.

³⁾ См. Трубецкой, Einiges über die russische Lautentwicklung (см. стр. 2).

⁴⁾ См. Шахматов, Очеркъ, § 475; Дурново, К истории звуков I. Slavia I. 1.

объясняться тем, что переход $ky, hy, xy > ki, hi, xi$ не распространился на карп.-р. говоры; это указывало бы на то, что карп.-р. говоры уже в XII в. были до известной степени изолированы от остальных м.-р., но вероятнее вторичное диалектическое изменение $ki, hi, xi > ky, hy, xy$, так как эти группы были единственными; где k, h, x , оказывались перед палатальной гласной.

Сравнительно старым является конечное a вм. e после мягких в случаях типа $життя$ (9), засвидетельствованное уже памятниками XIII в.

Свойственное большей части м.-р. говоров совпадение u и i (3) вряд ли много старше XIV в.¹⁾

§ 100. Со всем б.-р. языком м.-р. язык в целом (§ 89) совпадает чертами фонетическими 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16 и морфологическими 17, 18, 19, 22, 23, 27, 28, 30, 31. Из них черты 4, 5, 15; 17, 18, 22, 27, 28 представляют сохранение о.-сл. старины и сами по себе не указывают на ближайшую связь м.-р. с б.-р., а только на то, что оба языка не подверглись тем изменениям, какие были пережиты великорусским. Появление черт 6, 7, 8, 10 или, по крайней мере, начало тех изменений, которые привели к появлению этих черт, относится к доисторической эпохе, что свидетельствует о ближайшей связи м.-р. с б.-р. еще тогда; может быть, к доисторической эпохе относятся и черты 19 и 29²⁾. Черты 10, 19, 27, 28 и 29 общи обоим языкам с ю.-в.-р.³⁾, а 8 — с зап. половиной ю.-в.-р.; есть основания думать, что и черта 7 некогда была также известна ю.-в.-р. (ср. § 67). Кроме того, м.-р. совпадает с ю.-в.-р.

¹⁾ Случаи смещения „ы“ и „и“ в русских (исключительно црк.!) рукописях XI—XIII в. очень редки и объясняются из ю.-сл. графики.

²⁾ Отсутствие *dat. sg. менѣ* в старших ю.-р. памятниках может объясняться так же, как и отсутствие в тех же памятниках *nom. sg. личного местоимения 1-го лица я*. Что касается р. частых в тех же памятниках *то бѣ, со бѣ*, то эти формы, очевидно, проникли из живой р. речи и в литературный язык в силу потребности различать *gen.* и *dat.* и недостаточности для этого цел. пары *тебе, себе* — *тебѣ, себѣ*, благодаря црк. проношению *ѣ*, как *е*.

³⁾ Употребление *loc. sg. на -и* (19) в ю.-в.-р. очень близко к с.-м.-р. и б.-р. и отличается от с.-в.-р. и московского.

(и с ю.-б.-р.) по черте 32: образование 3 sg. и pl. в ю.-в.-р. тождественно с вост.-укр. (3 sg. без -t только от глаголов 1 спр., а от глаголов 2 спр. только при ударении на основе; конечное t мягко; возвр. только на -tśa). Поэтому можно думать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу. В пользу этого говорят и некоторые словарные совпадения ю.-в.-р. с м.-р. и б.-р., не разделяемые им с с.-в.-р. и московским.

Со всем с.-в.-р. наречием м.-р. язык в целом совпадает отсутствием аканья, т. е. чертой отрицательной, и с частью с.-в.-р. говоров чертами 8, 9, 14 и 30. Из них 14 — общее ему с этими говорами сохранение старины, а 30 — новообразование, возникшее, надо думать, в них независимо от м.-р.

§ 101. Говоры группы А¹⁾ сближаются с б.-р. чертами 1, 2 (см. дальше), 6, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 20, 21 (большая часть), 22, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 34. По отношению к черте 1 совпадение с А представляют лишь говоры ю.-б.-р.; по черте 2 полного совпадения с А ни ю.-б.-р., ни с.-б.-р. говоры не представляют; тем не менее можно усматривать связь между А и б.-р. в целом по отношению к чертам 1 и 2 в той роли, какую играет в данном случае положение гласных звуков под ударением и без ударения.²⁾

С ю.-б.-р. те же говоры сближаются, кроме того, чертами 8, 29, 30 и 33.

Со всем в.-р. говоры А совпадают по чертам 10, 11, 14, 21, 22, 31, 34; восточные говоры А также и по некоторым другим, напр., по употреблению числит. один (не „їден“). Все эти черты общи А и с б.-р.

С ю.-в.-р. они сближаются чертами 1 и 2 (см. выше), а также чертами 6, 27, 28 и 32. Все эти черты также общи А с б.-р.

Общей с с.-в.-р. чертой является 26, — очевидный архаизм.

С частью говоров как ю.-в.-р., так и с.-в.-р., А сближается чертами 19 и 25, представляющими сохранение старины (впрочем, с тем отличием, что в в.-р. у глаголов с основой на d в 1 sg.

¹⁾ § 92.

²⁾ Ср. Г а н ц о в, Класифікація, стр. 27.

не dž, а ž), и чертой 24 (ср. с.-в.-р. и ю.-в.-р. диалектич. в сѣй, моёй и т. п.); последнее совпадение, несомненно, случайно.

Некоторым с.-в.-р. говорам известны также долгие мягкие и шипящие согласные из сочетаний с j типа платте, гулянне, ноччу, особенно распространённые в Сибири¹⁾ (ср. А 15), образование fut. с помощью глаг. иму, не слитым, впрочем, с инфинитивом в одно слово (30) и инфинитивы на -kti (33)²⁾. Первая и вторая черты — новообразования, не стоящие в органической связи с м.-р., вторая архаизм: образование fut. посредством соединения глаг. иму с инфинитивом некогда было известно всем р. языкам; в в.-р. оно было общеупотребительным еще в XV в.

§ 102. Вост.-укр. (§ 95) сближается со всем в.-р. чертами 5, 6, 12, 15, 18, 33, 36 и 39, с ю.-в.-р. чертами 2, 23 (на ножѣ, на землѣ, в грязѣ), 28, 29, 30, с частью в.-р. говоров, как ю. так и сев., чертами 17, 19, 27 и с частью с.-в.-р. чертами 2, 10³⁾, 13⁴⁾ и отчасти 3⁵⁾, 32⁶⁾ и 34⁷⁾. Из этих черт только 3, 12 и 34 не являются общими ему с А; из них 12 и 34 — несомненные архаизмы. С б.-р. вост.-укр. совпадает только теми чертами, которые общи ему с А.

§ 103. Зап.-укр. (§ 96) сближается с б.-р. чертами 5, 8, 13, 14, 15, 18, 24, 25 и с большей частью б.-р. говоров чертой 37. Из них черты 5, 8, 14, 24 общи зап.-укр. с А, остальные известны зап. говорам А. Со всем в.-р. зап.-укр. сближается чертами 8, 13, 24; все они общи зап.-укр. и в.-р. с б.-р., а 8 и 24 с м.-р. говорами А. Все зап.-укр., кроме буковинских

¹⁾ См. Селищев, Диалектологический очерк Сибири 71—73 и 221—223.

²⁾ Между проч., в вост. части б. Новгород. губ., (жын. Череповецкой губ.), в Вятской губ. и в Сибири.

³⁾ См. выше, стр. 108. 14.

⁴⁾ Произношение l невелиярного известно значительной части Вологодских говоров (стр. 116. 5а) и др.

⁵⁾ В с.-в.-р. такое а известно диалектически только без ударения.

⁶⁾ См. стр. 103. 26 и 117. 9. Fut. с иму в с.-в.-р. постепенно вытесняется образованиями с б у д у.

⁷⁾ В тех с.-в.-р. говорах, где инфинитивы на -ti после гласной сохраняются, они всё же менее употребительны, чем инфинитивы на -i.

и холмских, знающих fut. с му, и говоров, соседящих с польским языком, знающих fut. типа буду ходив, совпадают с большей частью в.-р. и б.-р. тем, что имеют fut. только типа буду ходити. Черта 32 сближает зап.-укр. со всем с.-в.-р., 19 — со значительной частью в.-р. говоров, имеющих в твёрдое в суфф. sk, 21 — с большей частью с.-в.-р. и вост. половиной ю.-в.-р., 4, 25 и 37 — с некоторыми с.-в.-р. говорами. Употреблением fut. с му, не слитым с инфинитивом (34), холмские и буковинские говоры сближаются также с некоторыми с.-в.-р. Совпадения зап.-укр. с с.-в.-р. единичны: е вм. а после мягких (4), dat.-loc. sg. на старое i от основ на мягкие (25), инфинитивы на -k ěi (37) и fut. с глаг. и му (34) известны не одним и тем же с.-в.-р. говорам. Кроме того, условия перехода а после мягких в е в с.-в.-р. не те, что в зап.-укр., а черты 25 и 34 — архаизмы.

§ 104. Карп.-р. говоры (§ 97) сближаются с б.-р. и в.-р. чертами 2 и 16 (архаизмы); остальные черты, сближающие их с другими р. языками или их говорами, общи им либо с А, либо с вост.-укр., либо с зап.-укр.

§ 105. Черты, отличающие м.-р. в целом (§ 89) от в.-р., частью общи ему с другими слав. языками. Со всеми ими он совпадает чертами 4, 16,¹⁾ 17, 20,²⁾ 22, с большей частью чертой 18; все эти черты, общие ему и с б.-р., архаизмы, кроме 16. Со всеми зап.-сл. языками его сближают черты 7, 23, 24, 25, общие ему также с б.-р. или с ю.-б.-р.; черта 7, повидимому, была некогда известна и ю.-в.-р.³⁾ Черты 23, 24 и 25, кроме зап.-сл., известны также части словинских и хорватских говоров, тогда как большая часть словинских и сербские говоры совпадают в этом случае с в.-р. Черта 7 восходит, повидимому, к диалектизму о.-сл. эпохи, 24 и 25 — сохранение старины, а 23 — новообразование; в виду того, что м.-р. и б.-р. территориально примыкают к зап.-сл., возможно, что эта черта проникла в них с запада, но можно заметить, что новообразований, общих всему

¹⁾ Замечу, что согласные из сочетаний с j в других слав. языках всюду кратки, как и в зап.-укр. и карп.-р., в отличие от вост.-укр. и полес.

²⁾ В ю.-сл. здесь — гласные, совпавшие по своей судьбе с о.-сл. е.

³⁾ См. § 67, стр. 138.

м.-р. языку с зап.-сл. и неизвестных в то же время в.-р., вообще немного (не считая большого количества заимствованных с польского слов и некоторых словообразовательных элементов), и что данная черта легко могла возникнуть в м.-р. и независимо от зап.-сл., ср. ту же черту в хорватских, далматинских и истрийских говорах. По черте 21 м.-р. язык стоит ближе к словацкому, польскому, кашубскому и лужицким языкам, чем к в.-р., но не совпадает с ними вполне, потому что диалектически ему известно и употребление gen. pl. в значении асс. pl. от имён лиц женского пола и от имён животных. В.-р. в этом случае совпадает с м.-р. Повидимому, м.-р. и б.-р. в данном случае стоят лишь на более старой стадии развития, чем в.-р., прошедший её раньше; до сих пор с.-в.-р. говоры Сибири сохраняют старую форму асс. pl. = ном. pl. от имён животных¹⁾. Со всеми живыми зап.-сл. языками в большей части их говоров м.-р. и б.-р. совпадают произношением ě и ž в імр. основ на k, h²⁾ и с большей частью чешских и болгарских говоров — произношением ě и ž в 1 sg. и 3 pl. тех же основ (31). И в том и в другом случае это совпадение на органическую связь между явлениями м.-р. и б.-р. языков с одной стороны, других слав. языков с другой стороны не указывает и может объясняться независимым в разных языках действием одной и той же аналогии в сравнительно позднюю эпоху. По черте 8 м.-р. и б.-р. языки и часть в.-р. говоров сближаются с одной стороны с сербохорв. и зап.-болг., в которых известно начальное ц из wъ (цпцк, цдова и пр.), с другой — с частью говоров словацких, чешских, польских и кашубских, где о.-сл. wъ и wь после гласных соответствует ц. По черте 9 м.-р. и б.-р. также сближаются со многими говорами словинского, чешского, словацкого, польского и кашубского языков, а отчасти и с сербохорватским, где l после гласных дало о, а l слоговое — ц. В непосредственной связи малорусское и белорусское изменение l в ц с аналогичными диалектическими явлениями других слав. языков не стоит, но известность этого

¹⁾ См. Селищев, Очеркъ, стр. 129.

²⁾ В чеш. імр. рес, рѣмож — формы литературного языка; в живом языке обычно ě, ž.

изменения значительной части говоров почти всех слав. языков может свидетельствовать о том, что *l* немягкое в о.-сл. эпоху было сильно округлённым и, повидимому, велярным. С чеш., словац., в.-луж. и сев. частью словин. совпадают м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка чертой 10¹⁾. По чертам 28 и 29 м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. совпадают с сербохорв., словин. и, может быть, с болг.²⁾. Что касается твёрдости согласных перед старыми *e* и *i* (12), то эта черта резко отличает м.-р. не только от поль., каш., лужицких и словац., но и от чеш., сербохорв. и словин. В отличие от всех этих языков в м.-р. перед *e* и *i* старыми отвердели не только о.-сл. немягкие, но и о.-сл. смягчённые; согласные, отвердевшие перед старыми *e* и *i*, могут быть мягки в других положениях; поэтому ни в одном слав. языке нет такого противоположения между твёрдостью согласных перед старыми *e* и *i* и мягкостью их - же в других положениях в тех же основах. Черта 1 до некоторой степени сближает м.-р. с зап.-сл.: все зап.-сл. языки знают изменение *o* в известных положениях в звук, отличный от обычного *o*, причём таким звуком в одних языках является *uo*, звук более или менее тождественный с тем *uo*, какое известно из некоторых полесских говоров, в других — *u*, как в южных карп.-р. и в некоторых полесских. Одним из положений, вызвавших появление таких звуков, является положение в новых закрытых слогах. Но ни в одном из зап.-сл. языков такое *uo* или *u* не является во всех новых закрытых слогах, как в м.-р., а кроме того в большей части зап.-сл. языков является при известных условиях и не в новых закрытых слогах.

§ 106. Говоры группы А (§ 92) сближаются со всеми зап. и ю. слав. языками отсутствием конечного *i* в пом. sg. м. прилаг. (8)³⁾. (Эта черта у них — общая с ю.-б.-р.). Отсутствие *í* (17) также сближает их и б.-р. со всеми слав. языками, кроме лужицких, так как в поль. и чеш. старое *g* мягкое изменилось в *ǰ* или *ž* и *š*, а в словац. и ю.-сл. различие между *g* твёрдым и мягким утрачено. Черта 29 (1 pl. на -шо), общая А с вост.-укр.

1), 2) См. § 68, стр. 139.

3) Чешское конечное *i* в пом. sg. *dobřej* и т. п. (пишется *dobrý*) — вторичное, вследствие изменения стародо у долгого в *ei*.

и зап.-укр., сближает их с сербохорв., словин. и говорами словац.¹⁾ Из этих совпадений, по крайней мере, совпадения по чертам 17 и 29 не органические.

Из вост.-укр. особенностей (§ 95) черта 4 является общей вост.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 13 — со многими слав. языками, е из оје в пом. sg. п. прилагательных (4) и употребительность dat. sg. на -ові (21) — с языками зап.-сл.²⁾, 34 — только с сербохорв. Последняя черта — архаизм уцелевший в укр., сербохорв. и диалектически в с.-в.-р. независимо в каждом из них от остальных³⁾; черта 13 не стоит в органической связи с подобной же чертой других слав. языков; черты 4 (отсутствие нестяжённых форм прилагательных, пом. sg. п. прилагательных на -е) и 21 — или развитие диалектических тенденций о.-сл. эпохи или, быть может, заимствования с польского.

Из зап.-укр. особенностей (§ 96) о чертах 6, 23 и 36, как общих зап.-укр. с вост.-укр. (4, 21, 34), сказано выше; черты 5, 12 и 38 общи зап.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 7 — с чеш. и словац., 16 отчасти (только ш́ из шј) с диалектами поль., чеш. и словац., 34 отчасти (только наличность fut. типа буду ходив) — с поль., каш. и словин. и 35 с поль. Черта 5 — или архаизм по сравнению с вост.-укр. и карп.-р. или фонетическое изменение а в е после мягких (ср. черту 4) и на органическую связь зап.-укр. с другими слав. языками не указывает. Черта 38 — архаизм, утраченный всеми русскими языками, кроме диалектов зап.-укр. и карп.-р. Зап.-укр. и карп.-р. окончание instr. sg. -оц (7) была попытка поставить в органическую связь с чеш. и словац. -оц, старосербским „-овъ“

¹⁾ См. § 99.

²⁾ Собственно говоря, вост.-укр. -ові не тождественно этимологически с зап.-сл. -ові, так как конечное і указывает на старое этимологическое ѣ, но это -ові, несомненно, из более старого -ові.

³⁾ inf. на -ті в чеш. и словин. свойственны только литературному языку и почти не известны живой речи, но указывают на сравнительно позднюю утрату их живой речью.

и т. д.¹⁾, но более вероятно, что это — сравнительно позднее новообразование зап.-укр. и карп.-р. говоров, возникшее независимо от аналогичных форм чеш. и словац. вследствие выпадения *i* между гласными перед *u*. Черты 12 и 16 могли развиваться и независимо от соседних слав. языков. Числительное еден или їден (ї — из косв. падежей) (41) может восходить к старому *jedьпъ или же представляет словарное заимствование из поль. или словац.

Из карп.-р. особенностей (§ 97) черта 15 — общая карп.-р. со словац., чеш. и болг.; возможно, что она заимствована из словац. Диалектическая карп.-р. форма instr. sg. на -om от имён женского рода на -а- (руком, земльом и т. п.) и верховинское тко вм. кто случайно совпадают с подобными же новообразованиями в сербохорв.

§ 107. Из фонетических новообразований, отличающих м.-р. от в.-р., лишь немногие сближают его с польским языком или его говорами, но не являются тождественными с аналогичными польскими новообразованиями; остальные фонетические новообразования резко отличают его от польского языка. Наоборот, среди новообразований морфологических рядом с чисто м.-р., неизвестными другим слав. языкам, в м.-р., особенно в зап.-укр., есть ряд новообразований, общих с польским языком²⁾, число которых увеличивается по направлению к границам польского языка. Это позволяет думать, что, по крайней мере, часть их возникла в м.-р. не органически, а заимствована с польского.

Литература:

а) Общее пособие: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка въ Европѣ съ приложеніемъ Очерка русской диалектологіи. М. 1915 (Труды Моск. Диалектологической Комиссіи, в. 5). — Здесь, между прочим, довольно полные библиографические указания и подробное описание границ рус-

¹⁾ Nahtigal, Instrumental sing. fem. -ojo : o o : o. Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovina. III. 1—2 (1921). Ср. Н. Ван-Вейк, По поводу славянскихъ формъ творительнаго падежа сд. ч. на -oц, oв, Slavia II. 1 (1923)

²⁾ в том числе и такие, какъ известны и другимъ нерусскимъ слав. языкамъ.

ских языков и главных наречий; с.-в.-р. и переходные говоры охарактеризованы подробнее, чем в настоящем „Введении“. Поправки и дополнения: Якобсон, ЭО. 1916, № 1—2; Ганцов, ZslPh. II. 1—2; III. 1—2; Зилинский, RSl. IX. 2; Дурново, Очерк, 69—100¹⁾.

б) Труды и сборники, содержащие сведения о говорах разных русских языков: 1. Зеленин, Описание рукописей Ученого Архива Р. Г. О. по отдѣлу этнографии, т. I—III. Петрогр. 1914—1916 (Содержит, между прочим, извлечения из сообщений о говорах и характеристики языка записей, сделанных с попыткой передать особенности местного говора); — 2. Труды МДК, вып. 8. М. и Казань 1919, вып. 9. Петрогр. 1927, вып. 10 (печатается).

в) Работы по диалектологии Сибири (главным образом великорусские говоры): 1. Селищев, Диалектологическій Очеркъ Сибири. Вып. I. Иркутск 1921; ср. рец. Пруссак в Изв. XXVI и ответ Селищева, Изв. XXVIII; — 2. Черных, Особенности говора Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1921; — 3. Он же, Русские говоры Мамырокой волости Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1923. — 4. Виноградов и Черных, Русские говоры¹ центральной части Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1923; — 5. Виноградов, Замечания о говорах Тункинского края. Иркутск 1926; — 6. В. Малаховский, Об изучении русских говоров Сибири. С приложением очерка П. Черных, Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. Иркутск 1925; — 7. Григорьев, Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Записки Томского Университета, 1921 (ср. статью Селищева, К изучению русских говоров Сибири, Вестник Просвещения Татарской С. С. Р., Казань 1922); — 8. Черных, Несколько сибирских диалектизмов в „Коньке Горбунка“ Ершова. Иркутск 1924. — Статистические сведения о населении Вост. Сибири: Георгиевский, Русские на Дальнем Востоке. Владивосток. 1926.

г) Работы по великорусской диалектологии вообще: 1. Материалы для изучения великорусских говоров, вып. X и XI. Сборн. 99. 1922; — 2. Дурново, Диалектологическія Разысканія въ области великорусскихъ говоровъ I. Южновеликорусское нарѣчіе; в. I. М. 1917, в. II. Шамордина Пустынь 1918. Труды МДК, вып. 6 и 7 (вопреки названию, в книге говорится не только о ю.-в.-р., но и об акающих ср.-в.-р. и б.-р. говорах); — 3. Гвоздев, Типы великорусских говоров Пензенской губ. Пенза 1925.

д) Северновеликорусские говоры: 1. Мансика, Замѣтки о говорѣ Николаекаго у. Вологодской губ. Изв. XIX. 4; — 2. Виноградов Н. Н., Послѣднее и въ народномъ говорѣ Шунгенской

¹⁾ Дальше указываются только работы, появившиеся после выхода „Опыта“.

волости Костромского уезда. Изв. XXII. 2; — 3. Еремин, Описание Уломского и Ваучского говоров Череновецкого у. Новгородской губ., Сборн. 99. 1922; — 4. Гринкова, Очерки по русской диалектологии. 1. К вопросу о сщцарях, 2. О говорах с.-вост. части Моложского у. Яросл. губ., 3. К диалектологии Ленинградской губ. Изв. XXX.; — 5. Черных, Очерки по истории северновеликорусского наречия. I. и 2 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Иркутск 1927 (два выпуска); — 6. Якобсон, Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью. Прага 1927.

f) Южновеликорусские говоры: 1. Тростянский, Къ изученію народныхъ говоровъ Воронежской губ. Сборн. 95. 1916 (о говорах Задонского и Землянского уездов); — 2. Ю. В. Петровская, Къ диалектологии рязанскихъ говоровъ. Описание говора села Матырь Зарайского уѣзда. Сборн. 99. 1922; — 3. Дурново, Диалектологическія Разысканія, вып. I (см. выше, d; здесь приведѣн и систематизован, по возможности, весь печатный и рукописный матерьял по вопросу об аканье, заключающийся в описаніяхъ говоров, ответах на программы и записях народной речи; для этой цели использованы архивы МДК, Р. Г. О. и Акад. Наук). — 4. Селищев, Замятки по великорусской диалектологіи. I. Къ изученію типовъ аканья (о говоре ю. части Ливенского у. Орловской губ.). Slavia VI.

g) Белорусские говоры: 1. Карский, Этнографическая карта белорусского племени. Петрогр. 1918; — 2. Он же, Белорусская речь. Петрогр. 1918; — 3. Он же, Беларускі народ і яго мова. Минск 1920; — 4. Он же, Замятки по б.-р. нарѣчю. РФВ. LXXVI. 1; — 5. Растворгуев, Белорусская речь в её современном и прошлом состоянии, в Курсе Белоруссоведения, 1918—1920; — 6. Сербов, Вѣлорусскы сакуны, Сборн. 94. 1916; — 7. Брок, Говоры к Западу от Мосальска. Петрогр. 1961; — 8. Бузук, Да характарыстыкі навучна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага павеатаў. Менск 1926.

h) Малорусские говоры: 1. Гайцов, Діалектологічна класифікація українських говорів (з картою). Зап. Істор.-Філолог. Відд. Укр. Акад. Наук IV. Киев 1923; — 2. Он же, Характеристика поліських дифтонгів та шляхи їх фонетичного розвитку. Ів. III. 1923; — 3. Он же, До історії звуків в укр. мові, ів. VII—VIII. 1926; — 4. Он же, Das Ukrainische in neueren Darstellungen russischer Mundarten. ZslPh. II. 1—2, III. 1—2; — 5. Зілинський, Українські діалекти на карті Московської Комісії. Rsl. IX. 2; — 6. Он же, До питання про діалектологічну класифікацію укр. говорів. Ювілейний Збірник НТШ. Львов 1926; — 7. Гавський, Говірка села Михиринець Старо-Константиновського повіта Волыської губ. Зап. Укр. Наукового Товариства в Києві. XIV. 1916; — 8. Курило, Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробрівців. давніше Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернігівщині. Киев 1924; — 9. Она же, До характеристики

і процесу монофтонгізації чернігівських дифтонгічних звуків, Україна 1925.5; — 10. Яцимирский, Описание говора Старой Ушицы Подольской губ., Сборн. 94.1916; — 11. О. Д., Сторінка для характеристики говірки села Хоцьок Переяславського повіту на Полтавщині. Зап. Укр. Наукового Товариства в Кліві. XIV. 1915. — 12. Я. Янов, Gwaga szluzka Moszkowiec i Siwki poddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych, Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dział I. tom III, zeszyt 1. Львов 1926, 232 стр.

Назову некоторые издания фольклорного матерьяла, вышедшие позднее „Опыта“ МДК:

а) из области в.-р. говоров: 1. Зеленин, Великорусскія сказки Вятской губ., Зап. Р. Г. О. XLII. 1915 (почти все записи — в более или менее точной фонетической транскрипции); — 2. Смирнов, Сборникъ великорусскихъ сказокъ архива Р. Г. О., в двух томах, Петрогр. 1917 (не все записи одинакового достоинства, но есть записи, передающие особенности местной речи очень точно); — 3. В. и Ю. Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края, М. 1915, изд. Второго Отд. Акад. Наук; — 4. Діалектологіческіе матеріали, собранные Тростянскимъ. Гришкинымъ и другими, подъ редакціей Шахматова, Сборн. 95, 1916 (матерьялы из Задонского и Землянского у. Воронежской губ., Егорьевского Рязанской и Котельнического Вятской, все в очень точных записях); — 5. Матерьялы по русской діалектологіи, под ред. Карского, Варш. Унив. Изв. 1914. VII и IX (записи Левочкина из Донской области, Нечаева из Стародубского у. Черниговской губ. [б.-р.] и Яштайкина из Курмышского у. Симбирской губ.); — 6. Азадовский, Ленские причитанія. Чита 1922; — 7. Ош-же, Сказки Верхоненского края, вып. I. Иркутск 1925.

б) из области б.-р. говоров: 1. Сербов, Бѣлоруссы сакуны (см. выше); — 2. Нечаев (см. выше, а 5).

с) из области м.-р. говоров: 1. Бессараба, Матерьялы по этнографіи Херсонской губ., Сборн. 94.1916; — 2. Гнедич, Матерьялы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Полтава 1915 (три выпуска).

Не называя предшествующей литературы, перечислю только главнейшие издания, на страницах которых печатались по преимуществу записи діалектологіческаго матерьяла: 1. Этнографическій Сборникъ (издавался Р. Г. О. в 50-ых годах XIX в.), 2. Записки Р. Г. О. (вышло около 50 томов; здесь, между прочим, сборники Садовникова, Ончукова, Зеленина, Добровольского, Смирнова и др.), 3. Живая Старина (периодическое издание Р. Г. О., выходявшее с 1890—1916 г.), 4. Памятники и Образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянь, 1852—1856, изд. 2 Отд. Акад. Наук), 5. Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук (вышли 101 том), 6. Известия того же Отделения (периодическое издание, выходит с 1896 г.), 7. Русскій Фило-

логический Вѣстникъ (периодическое издание, выходившее с 1879—1918 г.), 8. Етнографічний Збірник НТШ, 9. Матеріали до укр. етнології, изд. НТШ, 10. Збірник фільологічної секції НТШ, 11. Записки НТШ.

Обширный неапечатанный диалектологический материал по русской диалектологии, по большей части в виде ответов на программы, хранится 1. в архиве 2-го Отделения Акад. Наук (Петрогр.),¹⁾ 2. в архиве Р. Г. О. (Петрогр.)²⁾ и 3. в архиве МДК.³⁾ Материалы по б.-р. диалектологии, кроме того, — в Минске, в Фольклорно-Диалектологической комиссии при Институте Белорусской Культуры, а материалы по м.-р. диалектологии — в архивах Укр. Акад. Наук в Киеве и НТШ. во Львове; по карпато-русской диалектологии также в Школьном реферате в Ужгороде и Славянском семинарии в Братиславе.

¹⁾ Перечень хранящихся там ответов на академические программы по великорусским говорам имеется в IX выпуске Материалов для изучения великорусскихъ говоровъ.

²⁾ Описание рукописей этого архива составлено Зелениным, см. выше, в.

³⁾ Список имеющихся в архиве МДК ответов на её программы будет напечатан в 10 вып. Трудов МДК.